

Феофанов Николай

ТАГАНАЙ

18+

Николай Феофанов

Таганай

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Феофанов Н.

Таганай / Н. Феофанов — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Один из туристов группы, отправившейся в ноябре 1996 года в заповедник «Таганай» на Урале, случайно теряется в предгорной местности. Его разум вдруг начинает принимать трансляции чужих мыслей. Туриста посещают эпилептические приступы, в ходе которых он глазами какого-то другого существа видит непонятные розовые образы. Однако он пока не подозревает, что с источником этих образов несколько десятилетий назад уже сталкивались оперативники госбезопасности, расследовавшие крайне запутанное дело о странных убийствах в лесах того района. Что сон, а что явь? Звериный ли почерк имеют нападения на людей в заповеднике? Что или кто транслирует розовые картинки, и что они значат? Какая связь между событиями, периодически происходящими в предгорных районах Южного Урала, с тех пор как был заложен Златоуст? И что за тварь, черт побери, шарит в голове главного героя?! Все это предстоит выяснить на страницах нового фантастического романа "Таганай".

© Феофанов Н., 2009

© ЛитРес: Самиздат, 2009

Содержание

Глава первая. Горный хребет	5
Глава вторая. Первая встреча	29
Глава третья. Что это?	38
Глава четвертая. Три брата	47
Глава пятая. Утро на холме и ночной лес	66
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глава первая. Горный хребет

Мелкие капельки дождя стекали по грязному лицу, образуя сетчатые узоры. Прядь нечесанных волос прилипла ко лбу, раздражая кожу. Он хотел дотянуться до нее рукой, чтобы убрать на место, но сил совсем не осталось и, издав протяжный стон, человек растянулся прямо на мокрой земле. И без того изрядно вышарканный серый камзол, подаренный ему в Туле Мосоловыми после назначения главным приказчиком на стройку, превратился почти в полное рванье. А как ужасно ныли ноги, в кровь изодранные за время бегства! Один сапог потерял каблук, и теперь из подкладки дна периодически виднелась мозолистая пятка, у второго был полностью сбит носок, и мизинец правой ноги сейчас принимал водные процедуры, уютно уютившись в небольшой лужице.

Но валяться совсем некогда, нужно вставать и утекать отсюда ко всем чертям! Уже рассвело и без навеса ночной темноты будет сложнее остаться в лесу незаметным, да и погоня наверняка близко. Но откуда же взять силы?! «Воронов, подъем!» – мысленно скомандовал он сам себе. «Поднимайся! Еще пара верст. Главное, до реки добраться!»

Превозмогая боль, он встал на ноющие ноги и оперся о ствол высохшего хвойника.

– Гадина! – пробормотал приказчик, углядев под сапогами скользкую корягу, о которую и споткнулся на бегу несколько минут назад. – Чтоб, тебя!

Он хотел сказать что-то еще, но вдруг как обмер, снова уловив этот мертвецкий шум. Будто где-то в траве, шипя на каждое движение своего вытянутого тела, медленно подползает к нему огромная змея. Шипение пока было едва заметным, а значит ОНИ еще не так близко, еще есть время.

Воронов судорожным взглядом окидывает округу. Надо как можно точнее и быстрее определить свое местоположение. Но везде, куда ни посмотри, деревья. Кучно растущие березы и ели мешают сориентироваться по вершинам горного хребта, который к тому же наверняка в столь ранний час окутан плотным одеялом тумана. Остается полагаться на собственное чутье.

Хмурое небо изрыгает протяжный и басовитый раскат грома. Его треск падает на землю и начинает метаться меж вершинами гор, где-то справа. Дождь заметно учащается, шелестя в опавшей листве. И... О, Боже! Зловещее шипение в ушах Воронова принялось нарастать. На этот раз в его мелодию изредка вклинивается едва различимый шепот, скрежещущий как пара ржавых металлических напильников.

Волосы на затылке приказчика встают дыбом, а глаза округляются, он помнит, что значит этот шепот. Воронов быстрыми резкими движениями озирается в ту сторону, откуда прибежал. И, никого не заведя, пускается мягкими прыжками прочь с этого места, забыв про боль в ногах.

Кажется, это звериная тропа, едва-едва заметная. Приказчик, ощутив прихрамывая на левую ногу, продирается сквозь колючие разлапистые ели, пролазает под противными шипастыми прутиками каких-то кустарников, которые так и стараются впиться в него, располосывая руки и лицо. Воронов нервно оглядывается назад, не снижая темпа. Вроде, никого. Но шум, этот шум он все отчетливей! Или же он слышит свой пульс?

Главное скорее добраться до Тесьмы, в это время года по ней сплавляют древесину. Он кинется в воду, зацепится за бревно или лучше связку больших бревен, и поплывет с ними вниз по течению. Туда, где идет стройка, которой он командует. Туда, где уже второй год он строит для Мосоловых Златоустовский завод.

«Когда сворачивать? Где гремящие ключи?»

Воронов не слышит журчания ключей. Шелест накрапывающего дождя и шипящая какофония погони застилают всю звуковую палитру. Это нехорошо. Так он пропустит момент,

когда нужно сворачивать вправо к Двуглавой сопке, чтобы обежать ее через седловину, состоящую из небольших скал, а дальше река. Вожденная река! В воду ОНИ не сунутся. ОНИ боятся воды, наверное, не умеют плавать. «Бесовские шкуры!» Воронов так и улизнул от них, по небольшой лесной, но глубокой речке, что протекала рядом с пещерами, где почти неделю над приказчиком издевались его безликие тюремщики.

Воронов останавливается, уже не в силах продолжать гонку. Он жадно глотает воспаленными легкими влажный лесной воздух. Яростно стучащее в груди сердце готово выскочить наружу прямо через рот. От дикой усталости он нагибается вниз. К голове приливает кровь, взгляд замутняется, приказчику становится совсем плохо. Он падает вперед на колени, пережидая приступ, и всеми силами пытается не отключиться.

Вокруг беглеца мохнатыми стрелами уходят в пасмурное небо темно зеленые ели. С их игольчатых лап соскальзывают крупные капельки дождя, который вроде начинает успокаиваться. Шуршание травянистого подлеска постепенно замолкает. И теперь осипшее изможденное дыхание Воронова может выдать его со всеми потрохами, если преследователи близко.

Воронов задерживает дыхание. Тишина. Он почти не слышит шипения. Неужели, оторвался?

«Слава, тебе, Господи!»

Приказчик подползает к сгнившему пню и кладет на него голову, с громадным усилием стараясь дышать как можно беззвучней. Взгляд Воронова падает на небольшой проем меж верхушками обступивших его деревьев, в котором сквозь белесую дымку на секунду проступили очертания горной вершины. Он узнает ее, это правый горб Двуглавой сопки. Неужели, удача начинает поворачиваться к нему лицом? Теперь все ясно. Он на верном пути. Нужно немного передохнуть и двигать к вершине.

Воронов принимает сидячее положение. Он с сожалением ощупывает свои избитые ступни. Каблук на втором сапоге, по примеру собрата, кажется, тоже намеревается почить в этом лесу. Рукава камзола окончательно превратились в отрепья и приказчик, накручивая отдельные лоскуты вокруг пальца, по одному отрывает их, дабы они не цеплялись за кусты при движении.

Через маленькую прореху в низких серых тучах сверкнул лучик утреннего солнца. Воронов, щурясь, глянул на небо, затем на стволы близлежащих елей, чьи промокшие лохматые ветви, тяжело склонились к земле, и внезапно наткнулся на глаза другого существа.

Ледяной холодок промчался по спине от неожиданности, но Воронов не издал ни звука, дыхание перехватило на лету.

Желтые блюдца больших звериных глаз, не мигая, уставились на него, будто из ниоткуда. Ни справа, ни слева от них не росло ни куста, ни деревца! Желтые глаза словно повисли в воздухе в черноте еловой чащи. На беглеца враждебно смотрели глаза из другого мира.

Приказчик одеревенел, наблюдая столь необычную картину. За неделю, что он провел в узилище безликих, он вкусил много новых коробящих душу ощущений. Поэтому отвечать за точность сигналов, принимаемых его сознанием, изможденным пытками и дерзким бегством, он бы сейчас не стал.

А может, это просто два листика? Слишком неподвижны. Слишком странно неподвижны! Их пригнал ветер, листья упали на невидимую паутину и образовали такой причудливый натюрморт. А может все проще – он сходит с ума!?

Приказчик начал медленно, стараясь не нарушить хрупкий баланс, возникший на этой лесной полянке, отползать в сторону. Глаза по-прежнему глядели прямо в него, прожигая дырки. Воронов уже не сомневался, что перед ним никакие не листья, а живое существо. С каждой секундой особое внимание к его персоне со стороны зверя из ниоткуда добавляло нервозности. Однако приказчик продолжал потихоньку свое отступление. Воронов уже отполз на

десяток саженей от пня, когда желтые блюда моргнули и слегка переместились в пространстве.

Для расшатанных в конец нервов Воронова этого было достаточно. Паника, таившаяся последнее время в паре шагов от его разума, с размаху распахнула дверь в основное помещение мозга своей жертвы. Приказчик, обуреваемый шквалом эмоций, сначала открыл широко рот, будто набирая воздуха, а затем, издав пронзительный вопль, вскочил, словно ванька-встанька, на ноги и помчался прочь, оглашая всю округу высокими нотами бесконечного ужаса, который он испытывал сейчас.

Гонимый страхом, Воронов летел сквозь заросли. Теперь его мало заботили шипастые кусты, которые все так же оцарапывали его руки, он не обращал внимания на кровоточащие пальцы ног, окончательно продравшие себе дорогу к свободе через дырки сапогов. Теперь все его внимание было обращено к тому, что гонится за ним позади, к существу с большими желтыми глазами.

Приказчик ни на секунду не сомневался, что неведомая тварь сейчас несется след в след. Что это за зверь? Он знать не знал и даже помыслить боялся. Сейчас Воронов не удивился бы ни чему, даже, если бы за ним гнался саблезубый тигр. Но как-то подсознательно еще в момент первого обнаружения этих примораживающих к земле желтых блюд, он понял, что наткнулся на чудовище, недобрый лик которого так часто встречался приказчику высеченным из камня в стенах подземелья, где содержали его безликие.

Серые низкие тучи снова заволокли небо, лес погрузился в невеселые хмурые тона, однако дождь больше не начинался. Зато поднялся небольшой промозглый ветерок, чьи внезапные порывы бодро набегали со стороны хребта. Деревья, принявшиеся раскачиваться стволами, нехотя поскрипывали, будто ежась от сырости и холода, что одарила их погода этим ненастным утром.

Почти задыхаясь от изнеможения, но стараясь поддерживать скорость, Воронов бежал через заросли, не оборачиваясь, дабы не увидеть преследователя. Паника немного улеглась, и сейчас беглец мог сносно мыслить. Он заметил, что лес принялся редеть, а почва под ногами становится все более каменистой. Похоже, возделенные скалы уже близко. И только эта ободряющая мысль промелькнула в сознании приказчика, как большой палец правой ноги, полностью торчащий из обуви, больно ударился о ребристый камень. Воронов сбился с шага, запнулся левой ногой о корневище старой березы и плюхнулся животом оземь.

Ужас влетел в его мозг. Сейчас чудовище кинется ему на спину!

Приказчик как ужаленный переворачивается, чтобы встретить удар лицом. Он вскидывает вверх руки, защищаясь от приближающейся угрозы. В висках отбойными молотками бьется пульс, волосы на затылке взъерошиваются. Не в силах совладать с собой Воронов зажмуривается, ощутив холодное дыхание существа на своей коже.

Проходит секунда, еще одна, за ней следующая. Зверь не нападает. Приказчик приоткрывает глаза. Над ним никого. Только на расстоянии вытянутой руки над лицом трепещет на ветру ветка кустарника. Воронов перекачивается в сторону, осматривается. Но от гнавшейся за ним твари и след простыл. В недоумении приказчик обегает глазами всю округу. Но безрезультатно.

А гнался ли за ним кто-нибудь вообще? Может, хозяин желтых глаз так и остался там, на полянке? Что творится с его мозгом? Может, это все ему снится? Может он, по-прежнему, в подземелье? Может, это снова сон, один из тех, что приходили к нему от напитка, который насильно вливали в его глотку безликие? Воронов больно щиплет себя. Ай! Нет, вроде явь. Тогда, где же зверь? Неужели, не погнался?

Воронов рваным рукавом обтирает лицо. Он все еще начеку. На нос упала капелька. Снова заморосил легкий дождик. Приказчик с трудом встает на ноги. Но к голове приливает кровь. Ему становится дурно. Воронов оседает на колени. Как часто в последнее время повто-

ряются эти приступы! Он немного переживает. Вроде ничего, жить можно! Повторная попытка подняться. Теперь медленней, спокойней. Получилось.

Воронов оглядывает окрестности. Он почти у цели. Спрятавшись в пелене седого тумана, не далее одной версты, возвышается лесистая глыба Двуглавой сопки. А где-то за ней течет Тесьма! Надежда возрождается. Едва шевеля ногами от внезапно нахлынувшей усталости, приказчик берет курс чуть правее горы, на пологий подъем, что через Лысые скалы выведет его к реке.

В подъем идти тяжело. Земля промокла и скользит под ногами. Влажные корни деревьев, торчащие из почвы, постоянно встают на пути, словно заранее кем-то выстроенные баррикады. Наверху холодный ветерок насвистывает в расщелинах скал свою заунывную одинокую мелодию, а затем спускается с вершины и носится меж пиками елей, срывая с веток прошлогодние шишки. Небо приняло бледно-серую окраску, продолжения дождя не намечалось. Немного потеплело, и туман растворился в воздухе, будто и не было его.

Воронов из последних сил, схватившись за мощную корягу, поднимается на руках и переваливается на чуть выпуклые склизкие камни. Вот она, седловина Лысые скалы! Добрался. Чуть откатившись от края, приказчик беспомощно растягивается на земле. Все тело ломит, голова ужасно болит. А прямо над ним быстро плывут сплошным потоком хмурые невеселые облака.

– Прямо здесь и помру, – еле двигая губами, произносит Воронов и начинает проваливаться в забытие.

В ту же секунду на него набрасываются со всех сторон. С десяток безликих, размахивая своими короткими копьями, словно призраки, бесшумно материализуются в нескольких шагах от Воронова. Не произнося ни звука, двое из них подлетают к беглецу и хватают его за руки, еще двое тут же принимают вязать их. Кто-то небрежно засовывает ему в рот грязную, вымазанную в песке тряпку. Так что запоздалый крик Воронова тонет в скрежете мелких противных песчинок, заполонивших его гортань. Через мгновение другой десяток холодных мерзких пальцев вцепляются в его изодранные ноги. Воронов чувствует неприятные прикосновения кривых длинных ногтей, которые периодически попадают в кровоточащие раны приказчика. Безликие с быстротой молнии накидывают веревки в районе лодыжек, не давая своему пленнику ни малейшего шанса хотя бы пошевелиться. Приказчик только ошалело, глазами полными бесконечного ужаса, пялится на копошащийся вокруг него комок человеческих фигур, скрытых с головы до пят черными вымокшими балахонами, пытаясь хотя бы в этот раз разобрать черты лица кого-нибудь из своих пленителей.

Успешно завершив свое предприятие, безликие поднимают мычащего приказчика и водружают его на деревянные узкие носилки. Воронов, все еще не очень веря в реальность происходящего, принимается яростно изгибаться, словно гусеница, которой наступили сапогом на самый краешек туловища. Несколько бледно-белых рук тут же упираются с силой ему в грудь. Но Воронов не успокаивается. В тряске один кончик гадкой тряпки во рту отделяется от общей массы и прилипает к нёбу, вызывая рвотный рефлекс. Приказчика скрючивает, насколько это позволяют сделать веревки на теле, в бараний рог. От постоянных позывов к рвоте он начинает задыхаться. Однако безликие не понимают, что с ним происходит. И только сильнее давят своими руками. А кто-то и вовсе, дабы приказчик успокоился, принимается колотить его по голове. У Воронова все плывет перед глазами, разум погружается в тошнотворный розовый мир, в оглушающей тишине которого вдруг раздается отчетливый шлепок. Приказчик получает ощутимый удар в бок древком копья, его тело, бьющееся в конвульсиях, принимает новый инерционный импульс и вываливается с носилок. Связанный Воронов падает на землю, и кубарем устремляется под уклон, туда, откуда он приполз буквально пару минут назад. Его несет вниз с нарастающей скоростью. Но сам Воронов будто отделяется от своего брэнного тела,

спешащего на свидание со стволами деревьев и могучими валунами на склоне, и воспаряет в розовом пространстве прямо над Лысыми скалами. Находящиеся внизу безликие обескуражено глядят своими слепыми балахонами вслед отлетающей души приказчика, и вдруг начинают шепотом молиться. И хотя Воронов не должен на таком расстоянии слышать их шепот, он отчетливо улавливает произносимые безликими слова: «Ай вот спин як! Ай вот спин як! Ай вот спин як!» Дружный шепот кучки людей в черных одеждах постепенно отдаляется: «Ай вот спин як!». Увлечшись их созерцанием, Воронов поздно замечает, что несется прямо на правый горб Двуглавой сопки. В последний момент он успевает рассмотреть каменный пик горы, но не в силах ничего сделать со всего маха врежется в нее носом. Жгучая боль пронзает лицо приказчика, и его полет-вознесение превращается в пикирование в пропасть.

Воронов с криком вскакивает. И испуганно озирается по сторонам.

– Приснилось! Приснилось! Приснилось! – как заведенный талдычит он, продолжая бросать взгляды вокруг себя, и задыхаясь, будто только что пробежал пару верст.

Он по-прежнему лежит на земле, недалеко от подножия Лысых скал. Пока Воронов спал, серая дождливая мгла покинула хребет, и сейчас в небе ласково сияло солнце, постепенно клонящееся к закату. Ветер совсем стих, поэтому мохнатые треугольники елей, облепившие седловину, стоят почти неподвижно.

Приказчик удовлетворенно перевел дух и потянулся рукой ко лбу, вспоминая перипетии явившегося ему видения.

«Надо уходить. Неспроста все это. Разлегся тут, увалень! Не ровен час, и взаправду същут!»

Воронов с легким кряхтением поднялся на ноги. В пояснице явственно прострелило.

– Ах, ты! – почувствовал боль приказчик, но смог полностью распрямиться.

«А вот, нечего было на сырой тверди валяться! Не дай Бог, заклинит спину!». Он на секунду представил, как ему придется проделать оставшийся путь на карачках, если дело развернется подобным образом.

С великим сожалением осмотрев свою одежду и почти развалившиеся сапоги, Воронов, прихрамывая, направился к скалам, которые словно корявые каменные зубы торчали из-под земли всего в нескольких десятках шагов. Впереди вырисовывалась небольшая тропка, тонкой змейкой убегавшая вглубь седловины.

«М-да! Причудится такое! Ай вот спин як! Вот молитва, а?!». Он, размышляя, покачал головой. «Ай вот спин як! Ну, надо же!»

«АЙ ВОТ СПИН ЯК!» – громогласно ухнуло в его голове.

Воронов встал как вкопанный.

Он очень четко расслышал последнюю фразу, грозно сказанную совсем чужим голосом. Но он готов был поклясться, что уловил ее не ушами. Нет. Вокруг стояла вполне обычная для этих, запрятавшихся в лесу скал, тишина, изредка прерываемая чириканьем каких-то небольших и веселых птишек. Нет-нет. Кто-то прорычал ему этот набор слов прямо в мозг, минуя слуховой аппарат.

После осознания всего этого глаза приказчика заметно округлились. Сердце принялось выстукивать яростный ритм.

«АЙ ВОТ СПИН ЯК!!!» – добивая психику беглеца, грохотнуло в его голове еще раз.

Спина приказчика покрылась капельками холодного пота. Он стоял на месте, не в силах шевельнуть хотя бы пальцами, и только его взгляд растерянно бегал с предмета на предмет, не имея особой цели. Спутавшиеся от неожиданности мысли не могли выдать ни одного мало-мальски здорового сигнала его телу, как вдруг Воронов увидел нечто.

Чуть левее направления, которым он только что двигался, под одной из старых коряжистых елей вырисовывалась большим черным пятном фигура неведомого животного, чей неясный силуэт украшали два огромных желтых блюдца уже знакомых звериных глаз.

Дыхание перехватило, как и в первый раз.

«АЙ ВОТ СПИН ЯК!» – голос говорил эту фразу с особым ударением на последний слог, точь-в-точь, как пару лет назад, в то время, когда Воронов принимал английских купцов в Новгороде. И один из них, надравшись в стельку, требовал разговора с понравившимся ему бакалейщиком Яшкой Захаровым. Воронов ничего не соображал в английском языке, а приезжий купец все требовал и требовал Яшку, постоянно твердя: «Ай вонт спик Яков!» Однако косноязычные выкрики подвыпившего иностранца было трудно правильно понять. Для Воронова он нес какую-то белиберду из четырех слов: «Ай вот спин як!» Позже, когда недоразумение было исправлено, Воронов часто смеялся над запомнившейся ему исковерканной фразой, и частенько твердил ее про себя, когда снова приходилось встречаться с посланцами чужих держав. Но никто другой об этом знать не мог.

«АЙ ВОТ СПИН ЯК!» – чуть ли не нараспев злобно пронеслось по пространству мозга приказчика, а глаза неведомой твари, за которыми как привороженный все это время наблюдал Воронов, заметно зыркнули, одновременно с произнесением последнего слога.

Осознание происходящего медленно вползало в его разум. Воронов инстинктивно попятился назад. Неужели, это животное копается в его мозгах! Нет, такого не бывает! Ему снится. Прямо как тот недавний бред с безликами. Это сон внутри сна. А может он по-прежнему в подземной темнице, где-то в пещерах Юрмы? Наверное, ему снова безликие дали выпить «сладкий дурман», наверное, именно так, именно так. Продолжая медленно ретироваться, Воронов наступил сапогом с прорвавшейся подошвой на упавшую ветку ели. Несколько острых иголок впились ему в ступню. Приказчик сморщился от боли, но сжал губы, не издав ни звука. Похоже, что все это явь. Бредовая явь!

Однако к звукам, которые сейчас всеми возможными способами улавливал Воронов, подмешивался еще один. Занятый глазастым зверем, приказчик не сразу обратил внимание, что уже несколько минут, как он слышит все нарастающее монотонное шипение. Безликие уже где-то рядом, они идут.

Больше нельзя было терять ни минуты. Собрав все остатки воли в кулак, Воронов стряхнул с себя оцепенение, быстро оценил обстановку, и, продолжая взглядом контролировать расположение желтоглазой твари, сначала не быстрой трусцой, а затем отчаянным галопом помчался сквозь ельник, пытаясь обогнуть скалы чуть севернее, чем первоначально задумывалось, дабы держаться подальше от неведомого провожатого.

Хруст сухих веток раздался где-то слева. Зверь погнался за ним. Теперь Воронов не сомневался, что хищник двинулся вслед, а не остался в своей засаде, как утром на полянке. Приказчик подхватил с земли внезапно подвернувшуюся увесистую сучковатую дубину и повернулся на звук. Однако сквозь заросли почти ничего не видно. Воронов замер и прислушался. Тварь никак не выдавала своего присутствия. Только шипение. Ах, это гадкое шипение! И больше ничего. Держа в фокусе внимания предполагаемое направление, откуда мог бы начать атаку его сегодняшний старый дружок, Воронов припустил дальше. И снова послышался хруст ломающихся веток и едва различимый топот мягких лап, прыгающих по каменистой почве.

«Оно бежит за мной! Оно шарит в моей башке и бежит за мной! На этот раз точно!» – волна страха ударила в спину Воронову. Он всеми фибрами ощутил, что сейчас опасность много больше, чем при утренней встрече, и кинулся было удирать без оглядки, как вдруг со всего маху налетел на что-то мало напоминавшее дерево или камень. Кувыркнувшись по земле вместе с новым предметом, Воронов обнаружил себя в объятиях человека в черном балахоне.

От неожиданности открытия приказчик выпучил глаза и истошно завопил, пытаясь высвободиться. Безликий в столкновении получил какое-то серьезное повреждение, поэтому не успел среагировать. Выпустив жертву, и теперь распластавшись под лапами высокой ели, он лишь тянул свои бледные скрюченные пальцы к стволу дерева, видимо, намереваясь с его помощью подняться. Недолго думая, вскочивший Воронов крепче сжал в руках дубину, и с зашагом наотмашь приложился по капюшону врага. Дубина звонко треснула и разлетелась в разные стороны. Тело безликого обмякло, в районе головы проступили пятна свежей крови.

Приказчик довольно ощерился и издал торжествующий рык. Он так долго боялся, так долго прятался, таился, убегал! И все напрасно! Они все равно нашли его! Поэтому теперь страх уступал свои права, на его место влетала ярость. Ярость отчаяния. Лицо Воронова аж перекосило от удовольствия. Все стало как-то кристально ясно. Часть ли это бредового сна или нет? Лежит ли он сейчас в мрачном подземелье безликих, одурманенный тягучим напитком, или действительно рвется к свободе через чащобы горного хребта? Неважно. Он просто будет их всех истреблять. Хоть во сне, хоть на яву. Он разорвет их всех на куски своими собственными руками! И эту болтающую на неважном английском тварь, кстати, то же!

Воронов чуть присел и, хищнически сузив глаза, зло осмотрелся вокруг. Неизвестно в какой момент это произошло, но весь лес принял странную розовую окраску и начал источать скверный мерзкий запах. Окружавшие его елки испуганно затихли, в недоумении взирая на только что случившееся. Приказчик одернул изорванный рукав, и, не догадавшись обшарить поверженного врага в поисках оружия, вприпрыжку помчался в том же направлении, куда двигался до столкновения.

Через пару мгновений он выскочил на свободное от деревьев место. Скалы остались чуть левее, их низкие каменные вершины едва-едва виднелись над пиками хвойников. Впереди лежал небольшой травянистый луг, уходящий под уклон вниз к следующему лесу, за которым и протекала Тесьма. Он почти у цели. Только почему все имеет какой-то странный розоватый цвет? Но сейчас не до того. Может, солнце, садящееся за оставшимся позади горным хребтом, устроило алый закат и выкрасило землю в столь необычные оттенки. Вот только шипение ощутило возросло. Похоже, ИХ здесь много. Пересечь небольшой луг будет проблемой. Воронов довольно ухмыльнулся: «И черт с ними! Всех на кол!» Он уже несколько минут ощущал мощный прилив сил, видимо, вызванный маленькой победой под елками.

Не мешкая, приказчик двинулся через луг, изредка оглядываясь назад, ведь он почти забыл про желтоглазое чудовище, которое куда-то испарилось, как только приказчик налетел на безликого. С каждым шагом шипение все нарастало. К его как бы закольцованному звучанию начал подмешиваться едва различимый шепоток, правда, выделить отдельные слова было невозможно, да и понять на каком языке шепчут, тоже.

«Ну, ужо, я вас всех! Шепнем вместе! Вскрою ваши головы и пошепчу туда, как в колодец!»

Правая нога приказчика скользнула по влажной еще не просохшей после дождя траве, он упал на пятую точку. Земля под ним неожиданно пришла в движение. Здоровый кусок грунта будто снялся с каменистой основы склона и, медленно набирая скорость, покатился вниз вместе с Вороновым. Неизвестно откуда прямо по пути следования этого оригинального средства передвижения возник край обрыва. Это стало неприятным сюрпризом. Приказчик невольно вжался в земляной остров и схватился руками за растущую из него траву, как будто это как-то могло отменить свидание с пропастью. Однако обрыв был все ближе. Воронов, не в силах что-либо поделать, зажмурился и вдруг ощутил, как его тело и все то, на чем оно сейчас находилось, больше ничем не поддерживается снизу и летит в неизвестность пропасти.

Он неистово замолотил руками, на манер птицы, пытаясь подняться в воздух, в лицо пахло гадким смрадом, а мир вокруг потемнел и превратился в единое черное пространство.

Через мгновение Воронов ощутил сильный удар, все тело перетряхнуло, и он наконец открыл глаза.

На лежащего животом кверху приказчика прямо в упор глядели мертвые закатившиеся глаза человека с бледной белой кожей, на голову которого был накинута черная глубокая капюшон, а изо рта бежала алая струйка крови. И это было еще не все, Воронов ощутил, что весь этот человек лежит прямо на нем.

Воронов издал отчаянный, но короткий вопль, и с силой отшвырнул от себя оказавшееся на удивление легким мертвое тело. Человек в черном балахоне, а точнее то, что от него осталось, глухо стукнулся в ствол большой ели, той же самой, у подножия которой пару минут назад приказчик так лихо с помощью дубины расправился с первым безликим. Воронов, не вставая с сырой земли, застыл в удивлении. Кровь будто похолодела и остановилась. Он узнал это место. Но каким образом он снова оказался здесь? Что происходит?

Глубоко потрясенный, с глазами полными отчаяния, он словно загнанный зверь озирался по сторонам, силясь сбросить с себя это наваждение. Но оно никак не проходило. Его действительно окружали те же хвойные деревья, он действительно оказался на том же самом месте, когда сходу налетел на безликого, удирая от копающейся в мозгах твари.

Где-то рядом раздались звуки спешащих человеческих шагов, под чьими-то ногами захрустели сухие прутья, и сквозь мохнатую лапу одной из елок вылезла человеческая фигура в черном длинном балахоне, а с другой стороны, еще одна. Воронов не шелохнулся, наблюдая за новыми персонажами. Те же, углядев своего издохшего товарища, впали в ступор и как два застывших изваяния уставились своими слепыми капюшонами на труп. Приказчик тоже обратил более пристальное внимание на предмет всеобщего интереса и только сейчас заметил, что живот мертвого безликого представляет из себя сплошное кровавое месиво, будто кто-то только что производил его вскрытие. Насмотревшись на труп, оба безликих, словно заранее сговорившись, одновременно повернули свои головы к Воронову. Приказчик, все еще находясь в состоянии полного шока от всего пережитого за последние минуты, нервно сглотнул, слабо представляя, что нужно делать дальше. Вдобавок, вся картинка перед ним вдруг начала расплываться и окрашиваться в тошнотворные розовые тона, воздух опять засмердел, а в голове повис полный туман.

После секундной паузы один из безликих вытащил из-за пояса, которым они все подвязывали свои балахоны в районе талии, длиннющий кривой кинжал. Даже отполированная сталь смотрелась более живой, чем мертвенно-бледные руки человека, державшего клинок. Не долго размышляя, безликий решительно сделал пару шагов к Воронову, но вдруг резко остановился, будто бы всматриваясь своим черным пространством внутри капюшона в лицо приказчика. Затем мотнул капюшоном, словно не мог поверить в то, что он видел перед собой, вгляделся еще раз, и неожиданно в ужас отпрянул назад, чуть не споткнувшись о своего спутника. Второй, кажется, тоже разобрал причину возникшей паники и нервно схватился за плечо товарища. Оба безликих начали медленный отход назад, под широкие ветви елей. Было ощущение, что каждый из них искренне пытается спрятаться за спину другого.

Со стороны Лысых скал, которые по расчетам Воронова находились примерно в ста шагах от места действия, раздался отчетливый лай собак и человеческий окрик, призванный призвать животных. «У них есть собаки. Вот как они постоянно находят мой след!» – с превеликим трудом подумалось Воронову. «Теперь точно, конец!»

Однако безликие в беспокойстве принялись вертеть головами. Присутствие поблизости других человеческих существ их явно обеспокоило, они даже на мгновение отвлеклись от созерцания Воронова, продолжавшего валяться на земле. Потом тот, что был с кинжалом, подал едва заметный знак второму своей незанятой рукой. Второй за секунду растворился, нырнув под лапы хвойников, но буквально тут же вылез обратно, держа в своих белых клешнях короткое копье.

– Убей! – глухим неприятным голосом скомандовал первый и показал кинжалом на Воронова, который в изумлении от всего происходящего умудрился-таки отметить, что впервые за все эти дни услышал от безликих хоть какую-то речь.

Лай собак разносился все звонче, окрики их хозяев стали более многочисленными и частыми. Похоже, со стороны скал приближалась небольшая новая группа.

Приказчику удалось ненадолго сосредоточиться, хотя голова просто раскалывалась, а все члены налились свинцом. «Если это не очередной бред, вызванный зельем. То, возможно, это мои люди, со стройки!» Воронов захотел было заорать, привлекая к себе внимание охотников, но странным образом смог выдать из себя лишь едва слышимый ему самому хрип.

– Скорей! – нервно просипел безликий с кинжалом. Но его спутник, крепко сжимавший древко копья, все никак не решался подойти к приказчику. Судя по положению его капюшона, он глядел на Воронова, но откровенно побаивался сближаться.

– Чего ждешь! – срываясь заголосил первый. – Воткни в него! Давай!

Второй с явной неохотой сделал шаг к Воронову. Даже длинная мешковатая одежда не могла сейчас скрыть его учащенное взволнованное дыхание. От напряжения бледные руки безликого приобрели совсем нехарактерный красноватый окрас, он вдруг затрясся всем телом, словно его колотило в лихорадке и, выронив копье, помчался прочь с этого места, удирая сразу ото всех, от Воронова, от людей с собаками, от своего товарища.

Обескураженный выходкой своего спутника, безликий с кинжалом пару мгновений смотрел ему вслед, однако затем нервно дернул головой и снова уставился на Воронова. На шум от беготни скрывающегося человека тут же отреагировали собаки, они призывно взвыли, видимо, прося своих хозяев, чтобы те дали волю их быстрым лапам. Громкие возгласы людей раздались уже совсем недалеко. Воронов предпринял еще одну попытку закричать, что он здесь. Но снова смог издать лишь невнятное глухое мычание. Руки уже совсем не двигались. Он так и застыл в одной позе, полулежа, распластавшись на подстилке из опавших иголок, веточек и шишек.

Оставшийся безликий, с беспокойством глянув в сторону, откуда приближались охотники, угрожающе поднял кинжал и пошел на Воронова. Друг от друга их отделяло всего три-четыре шага. Но по какой-то причине, ни минуту назад, ни сейчас, он не решался проделать этот короткий маршрут до конца и прикончить совершенно парализованного приказчика. Вот и теперь безликий замер на полпути, отвлекшись на очередной аккорд, лающих уже совсем близко собак. Казалось, он не может решиться ни на то, чтобы удрать, ни на то, чтобы убить Воронова и находится в полном замешательстве.

Воронов же из последних сил сопротивлялся подступившей тошноте. Приказчик, стараясь не отпустить свой разум в бездну охватившего его розового мира, с огромным усилием сфокусировал свой расплывающийся взгляд на подступавшем безликом. Однако смог различить лишь общие очертания.

Откуда-то справа, совсем рядом, раздалось: «Эй, сюда, здесь кто-то есть!»

Безликий на мгновение повернул голову в ту сторону, в отчаянии сильно сжал кулак незанятой руки, и снова обратил свое внимание на приказчика. Еще секунду он колебался, а затем резким движением зло откинул капюшон назад. На Воронова воззрились выцветшие чуть воспаленные старческие глаза, в глубине которых мерцал яркий огонек бесконечной ненависти к нему.

Из-под деревьев, где-то позади Воронова выскочил пес, и залился лаем. Было неясно, то ли он призывал своих хозяев проследовать к месту обнаружения новых людей, то ли, завидев в руках старика в черной одежде оружие, принялся угрожать ему, в случае если тот еще не сообразил, что настала пора заключать мирные соглашения.

Однако безликий не собирался идти на попятную. Завидев собаку, и оценив, что она пока не мешает ему добраться до главной цели, он скривил свое лицо в кошмарную гримасу

и, издав хриплый отчаянный крик, кинулся на приказчика одним прыжком, в воздухе заноса для удара свой длинный кинжал.

Для Воронова время замерло. Казалось, что над ним в полумраке одурманивающего, покрывшегося розовой плесенью мира, расправив широкие крылья, зависла большая птица, в одной из лап которой недобро поблескивал оточенный клинок. Воронов с апатией труп усталости на медленно планировавшего с небес хищника. Остатки его разума со скоростью метеора всасывались в гигантскую липкую воронку смердящего запаха. Взгляд приказчика уже готов был погаснуть, не дожидаясь касания пикировавшего стального когтя, как вдруг правое ухо Воронова обдало едва уловимой волной горячего воздуха, а слух различил странное жужжание вращающегося небольшого предмета, проносающегося мимо. Гигантская птица охнула, и, разжав свои крючковатые белые лапы, со всего маху грохнулась рядом, промахнувшись когтем мимо цели.

– Я попал! – радостно воскликнул чей-то незнакомый мужской голос.

– Ты смотри, это ж Илья Фомич! – удивленно воскликнул второй голос. – Нашли-таки.

А ну, братцы, уберите черного в сторону!

– Кажись, живой наш приказчик. Дышит вроде! Илья Фомич, это я, Прокопий!

– Да, не слышит он тебя! По щекам похлопать надо.

– Вы, что не видите, у него же приступ, – вмешался кто-то третий. – Давай, воды сюда, у кого есть!

За Воронова схватились несколько теплых заботливых рук.

«Свои!» – напоследок выдал в конец обессиленный от внутренней борьбы мозг приказчика, и в ту же секунду его сознание схлопнулось в одну точку, глаза закатились, а рот приоткрылся и оскалился в подобие усталой улыбки.

Шел второй час ночи, вагон поезда «Новосибирск-Адлер» мерно покачивался из стороны в сторону, а Зубарев все продолжал вполголоса тринькать на своей гитаре в компании с Юлькой. Конечно, они оба уже опытные туристы и завтрашний переход в двадцать километров для них ерунда. Но Колямбо, силившийся на верхней полке наконец-то заснуть, мягко говоря, не очень понимал необходимости таких полуночных походных песнопений.

В очередной раз, повернувшись лицом в проход, и набравшись сил, чтобы не заорать на намечающийся звездный дуэт, он сделал жутко уставшее лицо, и задал вопрос, который повторял последние два часа с завидной периодичностью:

– Олег, мы вообще сегодня спать будем или как?

– Да спи ты, спи! – Юлька всегда умела, мило улыбнувшись, погасить любую агрессию.

– Колямбо, ну какого, блин, ты не спишь? – Зубарев, конечно, был более конкретен. – Смотри, вон Бамбук уже десятые сны видит, а ты все ноешь.

Бамбук, лежавший ниже Коляна, и вправду храпел уже несколько часов, никак не реагируя на переборы струн. Колямбо снова развернулся к стенке и подумал, как повезло всей остальной группе, что они разместились в других купе. А завтра ведь придется отмахать двадцать километров, с рюкзаком под двадцать килограммов. Хотя, наверное, не двадцать километров, поменьше. Эти «старички» всегда любят приукрасить. В таких нехитрых математических рассуждениях он как-то незаметно стал проваливаться в сон.

Кто-то настойчиво колотил Колямбо в колено:

– Вставай, уже скоро.

Это был Зубарев, может быть, он вообще не спал, но выглядел удивительно свежим. Вся группа поднялась, и в купе шла активная деятельность по приготовлению простецкого завтрака.

Колямбо нехотя спустился вниз, ноги ужасно ныли в районе голени. Кажется, зря он на ночь не закинул на третью полку верблюжье одеяло, а оставил его под ногами. Теперь тягучая боль не пройдет весь день, а впереди эти чертовые двадцать километров.

Разжевав кусок бутерброда, Колямбо решил снова узнать у Зубарева, как называется пункт их конечного назначения:

– Олег, а как место называется, куда мы идем, я забыл?

– Долина сказок! – выпалила на опережение заглянувшая из прохода вагона голова Мухи, младшей сестры Юльки.

– Сказок? И чего там сказочного?

– Колямбо, придешь – узнаешь. – Зубарев заботливо обтирал свой немаленьких размеров походный нож. – Все, пора одеваться, скоро Златоуст.

– М-да, все понятно, насчет ваших сказок, – протянул Колямбо и полез наверх за рюкзаком, в котором лежали новехонькие бахилы. Пора было экипироваться по полной программе.

– Прикольная штукавина! – Колямбо пытался повыше натянуть свои бахилы, упорно не желавшие застегиваться там, где нужно. – По-моему, на них проще кататься, как на коньках. Эй, да они конкретно скользят!

Вся группа стояла на заснеженной площади перед вокзалом Златоуста, приводя в порядок свою амуницию. Семеро молодых людей, из которых только Зубареву было примерно двадцать пять. Сколько точно, знала лишь Юлька, но ловко игнорировала такие вопросы. Сапрофене и Бамбуку недавно исполнилось пятнадцать лет, на них тяжелые станковые рюкзаки смотрелись особенно смешно. Димке было восемнадцать, Юльке вроде бы – двадцать один, а Колямбо с Мухой – ровесники – по девятнадцать лет.

– Быстро, бегом, давайте! – Зубарев пулей сорвался с места и помчался к трамваю, подъехавшему на остановку метрах в ста от них.

От такого неожиданного старта, в рядах молодежной тургруппы возникла легкая неразбериха. Кто-то подтолкнул лыжину Сапрофени, и весь комплект вывалился из его рук. Колямбо, с незавязанным левым бахилом, в незастегнутом пуховике и в напозшей прямо на глаза черной вязаной шапочке, нехотя припустил за авангардом забега. Ему искренне казалось, что трамвай долго ждать не будет, а темпы приближения оставляли желать лучшего:

– Да, чего вы бежите, мы же не успеем!

– Успеем, успеем! – кричал впереди Зубарев.

Однако, по мере поглощения пространства до остановки, Колямбо тоже уверовал, что трамвай там всерьез и надолго, и если поторопиться, то даже отставший «лыжник» Сапрофеня имеет шансы потратиться на проезд.

– Так, ребята, что у вас? – голос кондуктора был на редкость доброжелательным. Видимо, она частенько билечивала таких иногородних туристов.

– Зубарев, а омский проездной подойдет? – Колямбо медленно полез в карман пуховика, ему не хотелось платить.

– По-моему, твой проездной здесь не пройдет.

– Жаль, ну ты оплатишь, да?

И, получив утвердительный кивок головы руковада, Колямбо уставился в окно. Пробежавший перед его взором Златоуст казался тихим небольшим городишкой. Ноябрь 1996 года выдался на Урале снежным, а потому невысокие дома и весьма странные улицы, уходившие вверх от путей, по которым они сейчас ехали, укрылись пушистым белым одеялом. На душе было как-то особенно сладко и спокойно, чувствовалось предвкушение чего-то нового.

Вся группа выстроилась рядом с остановкой, оказавшейся конечной для их трамвая. Бамбук усердно раскатывал бахилы о скользкий снежок, Димка возился с никак не хотевшим наде-

ваться на спину тяжеленным рюкзаком, а все остальные устали на Зубарева, рассказывавшего «правила игры»:

– Значит, сейчас мы выходим из города, переваливаем через бугор и идем километров двадцать, может, больше, к Долине сказок. – Он весьма неопределенно махнул рукой по направлению, куда постепенно поднималась дорожка между трехэтажными домами. – Полчаса идем, потом привал – пять минут. Всем понятно? – И его лицо, повернувшись к Колямбо, рюкзак которого был особенно большим, расплылось в хитрой улыбке.

Колямбо с Димкой, по первости, нахватывавшие кучу ненужных вещей, серьезно отягощавших их спины, услышав такой расклад, особого энтузиазма не испытали:

– Прелестно! Ладно, поперлись.

Группа замысловатыми путями двигалась между окраинными домишками. То тут, то там вдруг возникали незакрытые колодцы, из которых валил густой пар. Небо над головой было практически чистым, и для начала ноября стояла весьма неплохая погода, Колямбо думал, что температура – не ниже минус двух или минус трех градусов. В какой-то притихшей атмосфере Златоуста, до слуха постоянно долетали гудки подъезжавших к городу поездов.

Бахилы постепенно сползали до уровня колен несмотря на все ухищрения с завязками. Рюкзак откровенно тянул за спину, поэтому идти Колямбо приходилось, подавшись чуть вперед, что для его высокого роста было малоприятным. А тут еще и непривлекательные ландшафты с разрытыми траншеями, и все продолжавшими вырастать под ногами колодцами, которые быстро утомляли.

– Олег, по-моему, уже прошло полчаса, – сказал Колямбо, с надеждой глянув на свои командирские часы.

– Ничего подобного, еще десять минут до привала.

– Зубарев! – от недовольства услышанным, Колямбо перешел на фамильное обозначение руководителя, которое, впрочем, легко и без обид постоянно применялось всеми членами группы, даже самыми юными. – Какие еще десять минут?! Я же засекал! Было ровно пять минут одиннадцатого!

– Нет, было пятнадцать минут одиннадцатого.

Однако, вновь возникшая лисья улыбочка на лице руководителя, продолжавшего уверенно шагать впереди, говорила, что Колямбо прав. Димка тоже был не против первого привала:

– Нет, ну давайте передохнем, я чего-то приморился.

– Да, мы еще из города не вышли, а вы уже все приморились! Мужики называется! – воскликнула Юлька, которая, собственного говоря, всегда занимала сторону Зубарева.

Колямбо был еще не до конца в курсе всех хитростей взаимоотношений в группе, но эти двое, кажется, были парнем и девушкой.

Однако мужское достоинство было задето, и ответ последовал незамедлительно. Колямбо с Димкой кричали, опережая друг друга:

– Причем тут мужики – не мужики! Ты вообще пустая идешь, только лыжи свои несешь! А у нас рюкзаки по полтонны каждый, ты давай-ка с ними попрыгай через эти канавы! Вон, Бамбук тоже одурел идти!

Весь мокрый, невысокий Бамбук, за спиной у которого висело, может, немногим меньше, чем у Колямбо с Димкой, не выражал большого желания отсрочивать обещанный привал.

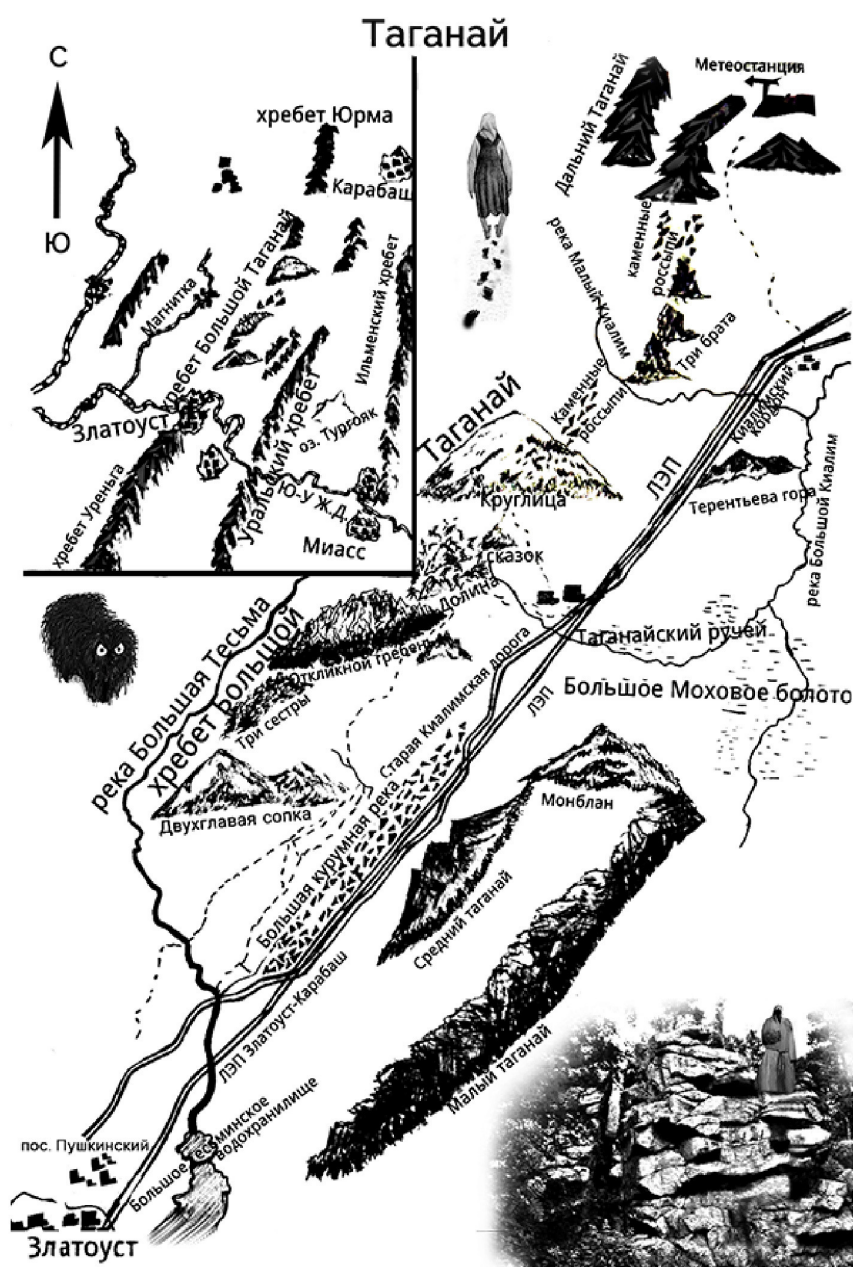
– Ладно, хорош орать! – повысил голос Зубарев. – Уже скоро начнется подъем к долине, там, у ручья и отдохнете.

– Ну, пошли, пошли! – Колямбо все равно был недоволен, но образ предгорного чистого ручейка, который возник в его голове, резко увеличил желание не заметить нарушения «правил игры». Поэтому, внутренне согласившись с доводами Олега, внешне он все же выразил непокорность. В споре нельзя признавать себя окончательно проигравшим. А пить хотелось сильно, очень сильно.

Впереди, чуть вниз показался тот самый ручей. Странно, если от остановки по окраинам города группа все время двигалась как бы в гору, то теперь, проходя последние деревянные домики, они, наоборот, спускались. Сразу же за ручьем начинался долгий, но не очень крутой подъем на какой-то поросший соснами бугор. Видимо, это и был перевал, за которым должна была открыться долина Таганая.

Но то, что выростало за холмом, заставило Колямбо, никогда раньше не выдавшего припорошенные снегом настоящие горы, буквально замереть. Нет, он продолжал усердно передвигать ногами под тяжестью «полутонного» рюкзака (это сочетание им с Димкой особенно понравилось), но его челюсть слегка отвисла от представшей картины.

Образ цепочки массивных недалеких вершин наводил ни с чем несравнимое умиротворение. Глаза радовались созерцанию такой красоты, а разум ликовав от продолжавших прибывать новых впечатлений. Все было здорово.

Ручей оказался широким, метра два, местами три. Прозрачная холодная водичка скользила по округлым камням с чуть слышным журчанием. Отсюда на холм взбиралась протоптанная дорога. К удивлению всего отряда, по ней, медленно переползая с ухаба на ухаб, съезжал вниз грузовой «Урал» с несколькими рабочими в кузове.

– Вот на чем надо в поход ходить, – не удержался, чтобы не сострить Димка, с трудом снявший со спины свою нелегкую поклажу. – А вы все с лыжами маетесь. – Эта реплика предназначалась небольшой группке, состоявшей из Зубарева, Юльки и Сапрофени, которые немного в сторонке разбирались с лыжами. Собственно, только эта троица их и взяла, к остальным как-то не явилась столь гениальная мысль – отправиться в поход в самом начале ноября с лыжами.

«Урал», выехав на свободное от леса место, перед самым ручьем круто повернул вправо и ускорил движение. Колямбо безучастно глядел ему вслед и лениво натягивал надоевшие бахилы. Где-то опять свистнул поезд. По соснам пробежался ветер, деревья качнулись и снова выпрямились, поскрипывая стволами.

– Все, поскакали, – скомандовал Олег и уверенным шагом направился по дороге, с которой только что съехал грузовик.

Группа двинулась за ним.

– Колян, подожди, одень мне рюкзак! Сейчас я присяду, и ты на меня накинешь. – Димка подсел, демонстрируя новый способ, как можно взгромоздить осточертевшие «полтонны».

– Стой, а теперь ты мне. – Колямбо, следуя примеру товарища, также несколько присел вниз. – Вот, нормально. А нет, блин, выскользнула. – Его правая рука, промахнувшись мимо лямки, безуспешно хватала воздух, а тяжелый станковый рюкзак тянул назад, не давая шанса вновь ухватиться за болтающуюся петлю.

Димка пытался вернуть, висящий на одном плече рюкзак Колямбо в положение, из которого их мероприятие могло увенчаться успехом. Но от тщетности попыток обоих охватил безудержный смех, никак не способствовавший улучшению ситуации.

– Эй, клоуны, давайте догоняйте! – Это Юлька, находившаяся метрах в двадцати впереди, решила окликнуть застоявшихся «полутонщиков».

– Давай, клоун, гони лямку сюда! – Колямбо резко наклонился вперед, отчего рюкзак почти приклеился к его спине, и расстояние между правой рукой и заветной целью существенно сократилось.

– Сам ты клоун. – Димка завершил дело, уверенно нацепив лямку ему на плечо.

Подъем по дорожке, окруженной высокими соснами, оказался неожиданно длинным. За видимой от ручья частью, шедшей в гору, последовал долгий практически равнинный отрезок. На холме царила ни с чем не сравнимая тишина соснового леса, изредка разбавляемая шелестом хвои или глухим стуком упавшей на снег шишки. Наши города настолько наводнились скрежещущими звуками и этим оглушающим постоянно орущим шумом, что мелодия природы кажется чем-то нереальным, чем-то инопланетным, но таким сладким и приятным, что хочется просто войти в лес, встать и слушать, и слушать, и слушать. Будто тебя уносит в другой параллельный мир.

К тому времени, как они подошли к обратной части холма, был уже почти полдень. В отличие от пройденной части перевала, спуск представлял собой резкий обрыв, метров на тридцать вниз. Конечно, при желании с него можно съехать на одном месте. Однако для этого требовались недюжинные навыки слаломиста, так как местами обрыв становился просто отвесным и существовал немалый риск рухнуть со всей ношей на одну из молодых березок. К счастью, имелся и более традиционный метод спуска в данном месте. Влево вниз вела утоптанная дорожка, серпантином обвивавшая холм.

Но спускаться по ней никто не торопился, отряд наслаждался открывшимся видом на всю местность. Слева, окутанные легкой дымкой, вырастали могучие гребни Большого Таганайского хребта, чуть справа высилась цепь менее рослых гор – Средний Таганай, за ней вид-

нелась еще одна гряда – Малый Таганай. А прямо перед туристами лежала заснеженная лесистая долина, посредине которой, извивалась просторная просека.

«Кра-со-та!» – думал Колямбо, стараясь запомнить все до мельчайших подробностей, чтобы потом было о чем рассказать дома. При этом он как обычно подтягивал успевающие скачаться голенища бахил. Таким нехитрым занятием он теперь занимался на каждой маломальской остановке группы.

Насмотревшись на горы, ребята стали по одному спускаться по серпантинной дорожке. Не сказать, чтобы она была очень пологой или слишком крутой, но все же на скользком осеннем снегу следовало идти поаккуратней. Колямбо шествовал где-то ближе к концу, он никогда не ходил в голове колонны, если не знал, что ждет впереди. «Прежде всего, осторожность» – так он частенько говаривал в ответ на упреки отчаянных экстремалов.

Те, кто первыми спустились в долину и переправились по поваленному дереву через неглубокую горную речку, протекавшую прямо у подножия холма, встали на привал и устроили водопой. Прозрачная водичка приятно журчала, умиляя слух.

Оказавшиеся на другом берегу туристы, среди которых был и Колямбо, теперь следили за действиями их самого эксцентричного товарища, по кличке Сапрофения. Тот с криками дикого ужаса, мелкими неуверенными шажками пробирался по просторному стволу природного моста, на котором без проблем могли разойтись, даже не соприкоснувшись, двое человек. Вообще-то чудаковатые вопли Сапрофения уже давно стали раздражать Колямбо. Еще при посадке в поезд он заметил в составе группы какую-то доселе никогда не виданную девушку, горланившую дурным голосом мужского оттенка. Колямбо даже в самом вагоне, первоначально разместившись на боковом месте, при звучной фразе этой полудевушки-полупарня: «Чур, я буду спать на нижней!», не стал перечить, а быстро пролепетал: «Конечно, конечно, как хочешь». Ведь дамам принято уступать. Хотя на нижнюю койку он и не претендовал, Колямбо всегда спал на верхних. Только спустя полчаса оказалось, что эта полудевушка на самом деле парень, но его имени Колямбо совершенно не запомнил и, рассказав всем о том, как воспринимал Сапрофения в первые минуты знакомства, тут же присвоил ему зычную кликуху, не вкладывая никакого смысла. Просто, это наверняка не существующее слово, по мнению Колямбо, очень подходило для полупарня. А сейчас совершенно немужское поведение Сапрофения на бревне, заставило даже Димку с Мухой буквально скривиться от неприятия происходящей процедуры.

Небо начинало затягиваться прозрачными высокими облаками. В воздухе изредка проносились местные черные вороны, чей размер как минимум заставлял с уважением относиться к этим птицам.

– Их мозгоклюями называют, – заметила Муха. – Поговаривают, что весной, когда наступает самый голод, могут спокойно приземлиться на темечко человеку, особенно если тот без головного убора, и начать клевать.

Выслушав этот комментарий, Колямбо и Димка, сопровождая взглядом полет очередного мозгоклюя, заботливо поправили свои вязаные шапочки.

Когда поход все же продолжился, стало очевидно, что лыжники, в составе Зубарева, Юльки и Сапрофения, далеко не уедут. Несмотря на обильно выпавший снег, по дороге часто встречались гигантские лужи, слегка подмороженные хрупким ледком. Кроме того, под ногами постоянно возникали солидного размера камни. Группе четверых пешеходов регулярно приходилось ждать, пока лыжники, и так еле катящиеся по мокрому снегу, переберутся через очередную водную преграду, заблаговременно избавленную Бамбуком или Колямбо ото льда.

Правда впереди идущие новички и Муха нашли себе веселое занятие, от чего дорога и периодическое ожидание арьергарда не превращалось в проблему. Часто возникавшие на пути бескрайние лужи Таганая хранили подо льдом тайну своей глубины. Иной раз, некоторые оказывались далеко не мелкими котлованами с глубиной по колено, а то и по пояс. Поэтому

высшим шиком считалось первым подальше прыгнуть в такой естественный водоем, рискуя промокнуть в случае неудачного исхода. В награду первооткрыватель получал право назвать покоренное место своим именем.

Так на свет появились «лужа Ивана» (так по-настоящему звали Бамбука) и переправа Коляна. Причем последняя была особенно подозрительной и поначалу никто из их четверки не решался вступить на неизвестное водное препятствие, которое распростерло свои рукава далеко в обе стороны от дороги и скрывалось где-то в чаще. Однако Колямбо подумалось, что у такого протяженного озерца вряд ли может быть большая глубина. Он уже успел заметить, что глубокими, как правило, оказывались лужи небольших размеров.

Тропа, ведущая вглубь долины, поначалу была действительно очень просторной. Редкие оазисы камышей весьма своеобразно украшали ее середину. Однако постепенно лес стал все ближе и ближе пододвигаться к путникам, превращая, светлую и просторную туристическую магистраль, шириною около пяти метров, в скрытую стволами деревьев от солнца, выющую дорожку на двух-трех человек.

Водные преграды безвозвратно исчезли, оставив туристов наслаждаться ходьбой между камней, в избытке лежавших на их пути. Про расписание «пол часа идем – пять минут при-вал», уже все давно забыли, так как пешеходам приходилось пять минут идти и потом еще пятнадцать – ждать, когда к ним подъедут лыжники, основательно ругавшие груды залежавших, безусловно ценных пород всяких булыжников.

Давно зарождавшийся в недрах головы Колямбо вопрос, в конце концов, был задан:

– Зубарев, ну ты же на Тагане черти какой раз? Ну, неужели ты не знал, что на лыжах тут не проедешь, а?

– Да, Колямбо, по прогнозу-то говорили, что на Южном Урале шли снегопады, а зимой мы спокойно в прошлый раз прокатились.

– Кстати, вообще все нормально было, – недоумевая, подтвердила Юлька.

Было ясно, что такое различие в скорости передвижения ведущей и отстающей групп никуда не годится, и Зубарев принял Соломоново решение – отправить пешеходов вперед до Долины сказок. Муха, тоже не раз прежде бывавшая в этих местах, должна была обеспечивать правильное направление маршрута для новичков в лице Колямбо, Димки и Бамбука.

Последним напутствием руковада явилась мало что говорящая для Колямбо фраза:

– Идите по лэп!

И Муха, поняливо кивнув Зубареву, повела парней за собой.

Почему только Колямбо сразу не уточнил, что означает странное слово «лэп», по которому они должны были идти? Наверное, потому что опытные сестры и Зубарев постоянно пользовались какими-то своими, видимо, чисто туристическими терминами, типа «хоба». Оказалось, что это кусок пенопласта, на который они, да еще Бамбук, садились на мокрый и холодный снег. У Колямбо такой хобы не было, и он от этого не страдал.

Теперь идти стало легче. Как-то совсем не сговариваясь, их четверка решила продолжать путь небольшими, но интенсивными отрезками. В итоге, на каждые пятнадцать минут ходьбы приходилось пять минут отдыха, что совершенно не утомляло, и силы практически не убывали. Исключение составлял лишь Бамбук, которому переноска тяжелого рюкзака явно не шла впрок. Его шапочка давно сползла на лоб, по щекам струились ручьи пота. Уставившись себе под ноги, он усердно шагал за остальными, немного отставая на переходах.

В первый час самостоятельного шествия они периодически слышали где-то за собой вопли неумного Сапрофени, который даже просто так не мог идти молча. Во время остановок эти вопли несколько приближались, но потом снова отставали. Скоро всякие крики со стороны лыжного отряда абсолютно исчезли. Но какого-то особого значения никто этому факту не придал. Четверка пешеходов уверенными темпами продолжала движение, к уже не казавшейся такой недостижимой, Долине сказок.

Дорожка, по которой шли туристы, нередко сопровождалась странной россыпью здоровых валунов по левую руку, за которыми лежала жиденькая полоска из деревьев. Далее, через несколько метров деревья сменялись широким курумником – Большой Каменной рекой. В это время года ее русло было покрыто глубокими сугробами и напоминало гигантское одеяло из слепленных вместе пирожных-бизе. И только почти через полкилометра курумник уступал место могучей чащобе, взлезавшей на горы главного Таганайского хребта.

А справа над туристами всей своей массой нависал густой хвойный лес, состоявший в основном из елей и пихт, не пропускавших дневной свет сквозь свои мохнатые лапы. Чаща казалась сплошной и труднопроходимой, поэтому на какие горы вскарабкивалась она, предположить было трудно. Вся группа только изредка с опаской поглядывала в ее сторону, уж больно темно там было.

Наконец, к исходу третьего часа дня, Колямбо стало беспокоить долгое и упорное отсутствие каких бы то ни было признаков лыжной группы:

– Муха, мы точно идем правильно?

– Ну, вроде – да, я только не вижу лэп.

– Так, а что за лэп, что это такое?

– Линия электропередач, она должна проходить прямо здесь, рядом с дорогой, – Муха, продолжая идти вперед, махнула рукой влево.

– Но, как я понимаю, никакого лэп нет!

– Может он позже начнется, я уже не помню. Хотя вроде бы в прошлый раз столбы сразу бросались в глаза. – Муха недоуменно пожала плечами. – Не знаю.

– Ну, нормально! Идем туда, не знаем куда, никаких лэпов здесь нет. Просто здорово! Из всего примечательного, что я видел, были только два здоровых непонятных костра на курумнике, без единого человека рядом.

– Да, мы тоже видели, – вмешался Димка, наблюдая, как Бамбук в поддержку утвердительно качает головой.

– Так, стоп! – скомандовал Колямбо. – Муха, мы случайно нигде поворот не пропустили, может, мы просто не туда идем?

– Да, вроде мы туда идем, здесь нет поворотов. Да и курумная река, вот она, на месте, только лэп куда-то делась!

Колямбо все равно не очень нравилось такое положение вещей. Он-то в этих местах никогда раньше не был, и Бамбук с Димкой тоже. Откуда они могут знать, что Муха все же чего-нибудь не напутала. Может быть, они уже давно зашли куда-то далеко в сторону? И где эта долбанная лэп?

– Нет уж, погоди. Зубарев совершенно четко нам сказал идти по лэп, а мы целых два часа идем и не видим никакой лэп.

– Ну, не знаю, ну здесь она должна быть! – взмолилась Муха. – Остальное, все на месте! И дорога тут одна. Одна!

– Одна, две, три, – Колямбо по-прежнему не был уверен в ее знании пути. – Так, давайте имена этих ослов начнем кричать. Может, они откликнутся. Давайте вместе, три – четыре:

– ЗУ-БА-РЕВ! ЗУ-БА-РЕВ! – не сговариваясь, принялись орать все четверо.

– Олег! – сорвался Димка.

В ответ – тишина, только что-то хрустнуло в темной чащобе справа от дорожки. Туристы глянули туда. Какое-то неясное чувство возникало каждый раз, когда из недр этого плотно поросшего деревьями леса вылетали странные звуки.

– Хорошо, давайте еще раз. Поехали, три – четыре.

– ЗУ-У-У, БА-А-А, РЕ-Е-Е-ЕВ!

– Блин, даже Сапрофени не слышно. Вот, черт, а! – ругался Колямбо, подпихивая мелкие камешки, в изобилии валявшиеся по краю дороги.

Возникла пауза, каждый остался со своими мыслями. Как-то незаметно небо затянулось низкими облаками, и вся округа приняла серый безрадостный окрас.

Колямбо почему-то особенно не нравилось смотреть вправо, в дебри хвойных зарослей. Он не знал, что. Но что-то там было не так. Хотя, возможно, ему только казалось.

– Ну, как? Идем дальше или будем их ждать? – спросил он у остальных.

– Да, ладно, пойдем. – Димка выглядел увереннее всех. – Каменная река видна, и дорога вроде та, и поворотов я никаких не помню. Пошли, зачем ждать. Может, они только через час подтянутся.

– Да, наверное, надо шагать, – протянул задумчиво Колямбо. – Тем более, что мне давно охота пить! – Последняя фраза вылетела у него настолько бодро, что Бамбук вздрогнул от неожиданности.

Немного постояв, в надежде услышать хоть какой-то признак присутствия руководителя и компании, все повернулись, и зашагали дальше.

– Олег! Зубарев, блин! – выкрикнул в сторону, откуда они пришли, Колямбо и, подождав две секунды, двинулся за остальными.

Молчаливое шествие попеременно возглавляли то Муха, то Димка. Колямбо шел третьим, постоянно присматривая за продолжавшим уставать Бамбуком. Полуобморочный вид малого как-то не радовал. Не хватало еще проблем с его откачкой.

Пить. Вот, что сейчас больше всего хотелось Колямбо. Но фляжка была безнадежно пуста, у других – запасов воды и вовсе не было, а ручейки перестали попадаться еще около двух часов назад.

– Бамбук, ты живой? – побеспокоился Колямбо.

Тот, не поднимая глаз от земли, покачал головой:

– Да, живой.

– Ну, смотри, а то остановимся. Все равно, не знамо, куда мы идем.

Загадочные большие костры с завидной периодичностью продолжали попадаться на камнях курумника слева от дороги. Проходя мимо них, каждый замороженным и удивленным взглядом наблюдал, как огромные бревна горят либо тлеют посреди снежных сугробов безо всяких признаков какой-либо туристической группы вокруг. Кто мог насобирать такое море, без преувеличения, «пионерских» костров и скрыться в неизвестном направлении, подпалив их?

– Муха, а вы мне в поезде лапшу на уши вешали, будто это жутко оживленный туристический маршрут? – голос Колямбо был намеренно ехидным. – А мы ни разу, заметь, ни разу за весь день никого не встретили по дороге.

Он снова взглянул на упорно сопевшего в хвосте колонны Бамбука, которого временами начинало пошатывать.

– Ладно, давайте отдохнем.

Бамбук, будто не слыша, прошел мимо него.

– Эй, робот, привал! – крикнул ему в спину Колямбо. – Сядь на камень, отдохни.

Несмотря на то, что четверка давно потеряла связь со второй частью группы, и им никак не попадалась ЛЭП, настроение у всех было нормальным. Даже Колямбо, ранее сомневавшийся в верности пути, за время последнего перехода успел прокрутить в памяти весь маршрут и, не вспомнив ни единой развилки, заметно приободрился. «Черт с ней, с этой ЛЭП. Кто знает, куда она могла деться за тот год, что Мухи здесь не было? Да и дорожка вроде на сто раз всеми хоженная, так что в случае чего всегда можно вернуться обратно». Так он пришел к уверенности, что идет их отряд, скорее всего, в правильном направлении. Поэтому мозг тут же переключился на следующую по значимости проблему – жажду, которая с каждым километром становилась сильнее.

– Блин, так пить хочется, – пожаловался он.

– Так ты возьми, снегу поешь. – Дал совет Димка и улыбнулся. – Помнишь, как у группы «Лицей»: – «Снег – это же вода...».

– М-да, растает и уйдет, – закончил недовольно Колямбо.

Никогда не есть снег, в котором может быть всякая грязь, и прочая химия, его учили еще с детства. К тому же врожденная осторожность добавляла неприятия к этому способу питья.

Он взял горсть белейшего мокроватого снега и, поочередно сжимая его, то в одной руке, то в другой, стал превращать в компактный комочек.

– Так, наверное, удобней грызть будет.

Поедание снега не приносило никакого удовлетворения, наоборот, жажда только разгоралась, образуя во рту неприятное липкое жжение. На третьей горсти снега, Колямбо понял тщетность попыток и смачным плевком очистил рот от всего содержимого.

– Что-то, по-моему, только хуже становится от твоего снега, – недовольно сказал он Димке.

Однако тот уже почти минуту сосредоточенно глядел в одну точку, в сторону каменной реки. Колямбо последовал примеру товарища и быстро вычислил предмет наблюдения.

– Как ты думаешь, что это за пакет там торчит? – обратился он к Димке.

– Не знаю, может его оставили те, кто зажег костры.

Действительно, метрах в пятидесяти от дорожки, прямо на куруме в самый снег было воткнуто что-то вроде пакета, с которыми люди обычно ходят в магазин за продуктами.

– Эй, Муха, ты видишь там пакет?

Муха, отдыхая на камне, нехотя повернула голову и посмотрела в указанном направлении:

– Ну, вроде пакет. Сходите, да поглядите. Заодно ЛЭП там поищите.

– Ха-ха. Отличная шутка! – Колямбо оценивающе посмотрел на размеры сугробов, которые им с Димкой предлагалось преодолеть и на высоту своих бахил. – Там потонуть можно. Наверное, там выше колена, сто пудов.

Подтверждения у Бамбука спрашивать было бесполезно, он ничком почти без сил лежал на снятом с себя рюкзаке и бесцельно игрался мелкими веточками.

– Ну, как, полезем? – задал Колямбо вопрос своему единственному компаньону в этом рискованном бизнесе.

– Давай, попробуем. – Димка со скептическим выражением лица стал искать глазами в море снега, обложившем курумник, наиболее верный путь.

Первый же шаг в русло каменной реки увел Колямбо почти по пояс в сугроб.

– У-а-а! Поплыли! – От такого исхода ему стало даже веселее. Все же это лучше, чем безнадежно кликать Зубарева. Колямбо попытался выбраться из образовавшейся ямы и тут же снова провалился, уже другой ногой. – Эй, снегоход, погоди! – крикнул он Димке, который на удивление спокойно двигался иным путем к намеченной цели. – Как ты идешь так просто? У тебя там что, снег другой?

– А ты ползи к моей линии, здесь, кажется, неглубоко. – Димка пальцем показал на следы своих сапог.

– Легко сказать ползи, отсюда еще выбраться нужно, – тихо пробурчал Колямбо и вновь провалился по самую грудь.

Встав, наконец, на виртуальную дорожку, бежавшую по следам его везучего напарника, Колямбо быстро начал сближение с объектом.

– Ну, и чего ты остановился? – спросил он, напоровшись на Димку.

– Это никакой не пакет! – рассмеялся тот, позволяя Колямбо тоже взглянуть. – Это обычный камень.

– Х-м, действительно. А от дороги, как натуральный пакет смотрится.

– Ладно, пошли обратно.

– Подожди, мы же еще ЛЭП не искали.

– А-а-а. Ну, ищи, ищи. Может она под снегом. Ты там, когда падал, ничего не нашел?

Димка двинулся проторенным путем обратно к месту привала.

– Нет, ничего я там не нашел, – протянул себе под нос Колямбо, задумчиво оглядывая просторы широкого курумника в обе стороны.

Отсюда открывался отличный вид на оставленные позади километры. Несмотря на то, что их дорожка частенько извивалась пластичной змейкой и делала заметные петли, пространство каменной реки казалось почти ровной линией и уходило вдаль, лишь немного изгибаясь. Присмотревшись, он разглядел дымившую грудку недавно пройденного костра, чуть дальше виднелась точка предыдущего, а за ней еще и еще.

Внезапно в его голове мелькнула мысль, объяснявшая всю сумму загадок, которые сегодня никак не хотели разрешаться. Она была настолько логична и проста, что Колямбо не побоялся вслух назвать себя идиотом. Собственно говоря, он никогда не опасался публично как-то себя обозвать, если вдруг понимал, как глупо он ошибался.

– Народ! Вы знаете, что мы все олухи?! – Он широко улыбался еще не в силах поверить, что разгадка не стоила и выведенного яйца.

– Вот эти огромные костры и есть ЛЭП! – Колямбо громко объяснял группе то, до чего только что додумался, и осторожно двигался по рыхлой снежной тропе. – А в том «Урале», который мы встретили у перевала, видимо, как раз и сидели рабочие, порубившие все столбы этой линии электропередач. И никакой мистики!

Он уже взобрался на один из лежавших у дороги камней.

– Так что, Муха, извини, ты была права, мы идем правильно.

– Да, прямо по ЛЭП, – добавил Димка.

– Да, по кострам от ЛЭП, – закончил Колямбо.

Знание того, что они не заблудились, сняло напряжение. Многокилограммовый рюкзак на Колямбо уже совсем не давил. Похоже, начала вырабатываться привычка. Слабой струйкой выпуская пар изо рта, он с интересом разглядывал нависавшие над дорожкой ветки деревьев. Раньше мохнатые лапы здешних елей только раздражали своей непроницаемостью для света. Оно и понятно, когда ты не понимаешь, в какую степь тебя занесло, куда делась штукавина под названием «лэп», и что за глухой треск сопровождает тебя, где-то в глубине непролазной и темной чащи, становится совершенно не до местных красот. Нервы взбудоражены, мозг прокручивает перипетии пройденного маршрута в поисках ошибки, а еще эти камни, которые еле выглядывают из-под снега, и о которые постоянно запинаешься ногами и подлетаешь вперед, знакомя уральскую атмосферу с мыслями истинного сибиряка по поводу всего происходящего и этого затаившегося булыжника, в частности.

Вскоре дорожка неожиданно вывела четверку на открытую местность. Перед ними один к одному, лежали гигантские глыбы камней.

– Ответвление каменной реки, – сказала Муха. – Теперь это памятник природы.

Русло курумника, по-видимому, очень давно дало приток в эту сторону, так как дорожка, ведущая отряд к цели, смело переступала на гущу застывшей грязи и валунов, утопанных тысячами ботинок.

Необычная река была покорена, и хвойный лес вновь опутал тропу предсмертным слегка жутковатым полумраком. Окружившие туристов деревья немymi взглядами взирали на непрошенных гостей. Стало как-то особенно тихо, поэтому треск палки, прозвучавший где-то в зарослях по правую реку, отчетливо резанул слух. Все обернулись на звук.

– Что это? – встревожено, пробормотала Муха.

– Не знаю, но уже не в первый раз улавливаю с той стороны непонятные звуки. – Колямбо сосредоточенно всматривался в глубину чащи.

– Да, птица какая-нибудь, – решил подвести итог Димка.

– Ну, может, и птица, – задумчиво ответил Колямбо.

Относительная многочисленность группы не давала страху завладеть умами туристов. Поэтому нахождение рядом этого спутника диких мест чувствовалось лишь подсознательно.

Ребята отправились дальше. Шедшего третьим Колямбо по-прежнему одолевала жажда, чуть притупившаяся от радости открытия тайны больших костров.

– Димка, ты кроме поедания снега, не знаешь больше других способов попить?

– Знаю, но он тебе вряд ли понравится, – Димка ехидно, но добро улыбнулся.

– Понятно. Нет, я пока не созрел для этого.

– Как хочешь, а то я как раз намеревался слегка отпустить Муху вперед.

– Да, кстати это тоже не помешает. Муха! – крикнул Колямбо. – Мы тут с богами пообщаемся, так что не разворачивайся. Давай, зайдем в эту глухомань, – понизив голос, сказал он Димке, – только далеко не забираемся, мало ли, кто там палками шуршит, – Колямбо шагнул под увесистую лапу заснеженной пихты. – Эй, Бамбук, ты с нами?

– Да, сейчас.

– Только рюкзак сними, а то он тебя в самый разгар дела еще назад утянет.

Они громко загоготали.

– Как ты думаешь, боги смогут прочесть наши надписи? – сделав дело, Колямбо стоял спиной к Димке и рассматривал карманы своего «полутонного» рюкзака, оставленного на дороге.

– Не думаю. Не каждый бог полезет в такие заросли, ради наших манускриптов. – Двое шутников снова засмеялись, в ожидании появления из-под дерева головы Бамбука.

– Ладно, Колян, ты жди его, а я пойду с Мухой поболтаю.

Димка, выравнивая положение нелегкой ноши на спине, скачкообразными шагами направился к Мухе, сидевшей поодаль на корточках и колдовавшей над своим компасом.

Время шло, но Бамбук не появлялся.

Колямбо решил все-таки проверить, куда же запропастился этот парень. Он подтянул свои бахилы и резко выпрямился, повернувшись в сторону леса. От столь быстрой смены положения к голове Колямбо прилило много крови. В глазах жутко потемнело, будто кто-то заслонил тучами остатки прорех в небе, через которые еще пробивался тусклый свет садящегося солнца.

Он еле удержался на ногах и даже чуть присел на одно колено. Но через десять секунд вроде все нормализовалось, и Колямбо, немного покачиваясь на первых шагах, двинулся к ели, за которой недавно скрылся их юный друг. Поднимая колючую лапу дерева, он вдруг отметил, что все как-то неожиданно порозовело. Даже снег казался не белым, а скорее цвета клубничного крема. Колямбо подумалось, что такое бывает иногда при закате.

Пытаясь не задеть другие ветви, он осторожно, почти в полном присяде, проскользнул под ель. Здесь лесной полумрак становился значительно гуще. И если бы не присутствие снега, разглядывать окрестности было бы очень проблематично.

Пройдя с десяток шагов вглубь чащи, Колямбо выпрямился. Странный розоватый оттенок сохранял свою силу. «Вот уж чудно!» – подумал он и понял, что совершенно забыл, для чего вообще сюда полез.

– Бамбук! Ты где? – крикнул Колямбо в розовое пространство.

Бамбука нигде не было. «Хм, а где же его следы, ведь где-то тут должны быть?» Необъяснимое отсутствие следов пацана вводило в легкое недоумение.

– Бамбук, хорош гнать, выходи! – Колямбо немного подождал. – Бамбук, блин! Да, куда же он делся? – Колямбо перешел на разговор с самим собой. – Нет, куда делись его следы? – Он снова внимательно осмотрелся. Чуть правее, метрах в пяти, неожиданно открылись ямки от бахил Бамбука.

– О! – удивился своему открытию Колямбо. – Вот так-то лучше.

Он протиснулся между двумя плотно стоящими хвойниками и подошел к отметинам от обуви. Неглубокие, аккуратно впечатанные в розовевший снег, они ровной дорожкой уходили туда, где им было совершенно нечего делать – дальше в этот жутковатый и непролазный лес. Никакого намека, что Бамбук, сделав свои дела, вернулся оттуда обратно, не было.

– Вот дурак-то, а! – еле слышно сказал Колямбо и сам испугался того, что перешел на шепот. Он подсознательно что-то чувствовал, что-то нехорошее, потому и непроизвольно понизил голос.

Колямбо показалось, что лучше крикнуть Димке с Мухой и позвать их сюда, но он вдруг передумал. Громкий крик никак не располагал к царившей здесь атмосфере, словно любые сильные вибрации воздуха могли разбудить нечто, которое будить, совсем не стоит. «Ладно, сам как-нибудь разберусь».

Он настороженным взглядом уставился в направлении, куда несколько минут назад ушел Бамбук. Плотная стена деревьев не давала четкого обзора. Его глаза уже приспособились к сумраку, но разобрать фигуру человека, стоящего за елками метрах в тридцати, можно было с большим трудом.

Колямбо медленно пошел по следам. Все чувства обострились до предела. Когда паренек, вроде Бамбука, заходит в страшный его лес по малой нужде и вдруг, ни с того, ни с сего, углубляется на приличное расстояние, это должно наводить на недобрые мысли. Именно такие мысли сейчас и были в голове Колямбо. Он не мог понять, зачем Бамбук полез так далеко. Точнее он уже понял, что Бамбук не зашел бы так далеко. Но из этого следовали крайне неприятные выводы, как на счет судьбы пропавшего, так и на счет судьбы его спасателя.

Однако разум Колямбо, подозревая, что произошло на самом деле, никак не хотел воспринимать детали всерьез. Страх словно испарился из мозга. Наоборот, какая-то сила гнала его вперед, туда, где, скорее всего, он не найдет Бамбука, а найдет то, что на миг, короткий или не очень, подскажет, куда же все-таки делся этот парень с такой глуповатой кличкой.

Колямбо обернулся назад. Оказалось, что их туристическая дорожка уже давно скрылась за строем деревьев, и различить ее местонахождение можно было лишь приблизительно. Но теперь это не слишком волновало Колямбо, то, с чем он должен встретиться, ждет впереди. Ни слева, ни справа, а только и только впереди.

В голове пронеслась одинокая мысль. И он тут же ухватился за нее и вернул обратно:

«Точно. В глубине леса его ждет то, что сопровождало их четверку с самого начала, изредка потрескивая сухими сучьями. Эта штука вела их весь путь. Выслеживала и изучала. Но теперь настало время и мне изучить ее».

– Бамбук, наверное, уже изучил, – Колямбо мрачно усмехнулся.

Но что-то с его голосом было не так. Как-то странно он прозвучал. Кроме того, Колямбо ощутил, что уже давно не улавливает никаких посторонних вибраций. Будто весь мир затаился или умер. Да, умер. Это лучше подходит. Не слышно ни щебетания птиц, ни карканья поднадоевших ворон, ни колыхания верхушек деревьев, ни присвистывания легкого ветерка, НИ-ЧЕ-ГО. Только скрип снега под ногами.

Тень. Его периферическое зрение уловило движение какой-то тени. Там, чуть левее от направления, куда вели бамбуковские следы. Колямбо остановился и напряг глаза. Ничего не видно. Прямой взгляд уже не мог в окружившем полумраке отделять объекты. Все сливалось.

Снова движение, теперь точно по центру. Какой-то черный комок метнулся от одной ели к другой. Колямбо сосредоточился на боковом зрении, лишь оно сейчас могло помочь. Датчики его биолокатора были взведены и стояли наготове.

«Только промелькни, тварь!» – раздался в его мозге чей-то грубый голос.

Руки Колямбо вдруг медленно вытянулись вперед, пальцы немного скрючились, будто ожидая жертву, чтобы ее схватить и разорвать на части. На их кончиках чувствовалась гигантская энергия. Казалось, чья-то невероятная сила начала проникать в конечности Колямбо и постепенно распространяться по всему телу. Его сильно передернуло. Мурашки, размером с куриное яйцо пробежали по спине. А в груди возникло невероятное тепло.

«Неужели адреналин, но почему нет страха? Адреналин без страха?»

Его ладони почти светились от переизбытка скопившейся в них энергии и без труда выкручивались на сто восемьдесят градусов. Во всем теле кипела потрясающая своей мощностью новая жизнь. Колямбо чувствовал, что через пару секунд из пальцев начнут расти когти, а еще через минуту он станет оборотнем и убежит в лес. Как, наверное, убежал оборотень-Бамбук. Ему даже показалось, что лицо несколько искривилось и приняло угрожающий оттенок. Глаза хищнически высматривали предполагаемую добычу и... О чудо! Они стали намного лучше различать предметы в этой непроглядной темноте. Нет, намного – это еще слабо сказано. Теперь он мог различать абсолютно все, будто надел прибор ночного видения. Мир расцвел двумя красками, правда, за место белого, черному цвету в его глазах ассистировал все тот же розовый. Но это ничего не меняло. Главным было возвращение способности созерцать лес в деталях.

И тут от треугольника массивной ели, рядом с которой Колямбо в прошлый раз отметил движение, отделилось большое черное пятно и с угрожающей решимостью помчалось навстречу, постепенно увеличивая темп.

Тварь летела на него, и все больше разрасталась в объемах, теперь напоминая далеко немаленького вепря. В районе центра ее силуэта стали проглядывать подобия больших глаз, тускло светившихся злобными желтыми совершенно не звериными огоньками. В них было слишком много разума и какого-то безумного хладнокровия, чтобы принадлежать животному.

На короткий миг Колямбо ужаснулся убийственности взгляда неумолимо приближавшейся твари. Но от этого в его руках еще больше разгорелось пламя невероятной силы, kloкотавшей в каждом капилляре мутирующего организма.

Зарождавшаяся в нем жизнь требовала выхода чрезмерной энергии. Колямбо больше не мог ее сдерживать внутри себя, что-то кошмарное рвалось наружу. Колямбо почувствовал, как его легкие сделали неестественно глубокий вдох. Руки затряслись от перенапряжения и поднялись туда, где верхушки хвойников скрывали небо, которое для него теперь навечно останется бледно-розовым. Лицо искривилось в жуткой гримасе, а открывшийся рот внезапно издал долгий душераздирающий звериный крик, от которого у Колямбо перед глазами завибрировал остановившийся воздух, а стволы деревьев, подрагивая, стали раздваиваться.

Эхо рева, раскатами грома прокатилось по всему лесу и застыло где-то вдали. Нависла оглушающая тишина. Как будто сама природа испугалась голоса новоявленного демона.

Бесформенная тварь тоже замерла как вкопанная, видимо, не ожидая, что предполагаемая жертва настолько могуче может орать. И, несколько уняв свою немую агрессию, принялась с интересом рассматривать Колямбо. Ее разумные прожигающие насквозь глаза вцепились мертвой хваткой в глаза соперника.

Руки Колямбо медленно опустились. Рот расцвел зубастой улыбкой. Он резко выдохнул воздух из носа, с характерным шипением, какое издает животное перед нападением. Гипноз твари явно на него не действовал. И он это понимал.

Похоже, что и тварь уверилась в тщетности своего проверенного оружия, и недоуменно слегка наклонила набок голову. Или что-то, на чем росли ее желтые глаза, которые изменили свое месторасположение на черном округлом силуэте.

Колямбо-зверь стал хозяином положения. Он не только чувствовал это, но и видел по поведению враждебного существа, теперь явно считавшего за благо потихоньку ретироваться в свое никуда. Мозг Колямбо торжествовал, ощущая, какую силищу приобрело тело. Но недра его бессознательного требовали крови, требовали разорвать тварь в клочья и насладиться вкусом ее мягкой плоти. Колямбо не понимал, с чего он мог взять, что у глазастой тени вообще есть кровь и плоть. Но сомневаться в знаниях того нового, что несколько минут назад вселилось в него, не стал.

Тварь с опаской начала поворачиваться и медленно отходить назад. В ее глазах, все также излучавших агрессию, читалось знание того, с чем она столкнулась, и опыт предыдущих встреч с Колямбо-зверем ей однозначно указывал на бегство, как лучшее средство от боли. Но Колямбо не испытывал жажды за ней гнаться. Он отставил в сторону все таинственные кровавые пожелания еще не до конца познанного тела, убрал их на дальний план, давая свободу действий своему новому разуму.

Он ухмыльнулся, наблюдая за отходом противника, и решив немного попугать тень, резко прыгнул вперед. Его гибкое тело на удивление проворно пролетело пару метров и замерло, приземлившись ногами в сугроб. Впереди донесся хруст лежавшей на снегу палки, и черная тварь вприпрыжку помчалась в густоту розового мрака, спасаясь от угрозы.

Колямбо торжествуя расхохотался раскатистым грубым голосом:

– Ха-ха-ха! Беги, тень, беги! Ха-ха! И чтоб я больше здесь твоей поганой морды никогда не видел!

Мизерная и теперь очень слабая часть истинного Колямбо ужаснулась тембру и звучанию своей речи. Но ее возглас тут же потонул под ударами тысяч новых враждебных частичек, нашедших себе, когда-то утраченное, жилище.

– Я вернулся! – проревел Колямбо, задрал голову к видневшемуся меж верхушек елей розовому небу. – Я, Повелитель леса! Я здесь! Ха-ха-ха-а-а!

Посреди вековых лесов Таганая стоял странный получеловек-полужверь. Он напоминал счастливого демона, возвратившегося после долгих мытарств в свою преисподнюю и уже предвкушающего сладость будущих событий. Демон потрясал сверкающими энергией ручищами, как бы показывая всем, какую силу он приобрел за время, проведенное в небытии. Из его зубастого, оскалившегося в жутком смехе, рта вырывался ледяной хохот, пробиравший до самых глубин души.

Не выдержав сотрясений воздуха, исходивших от возвратившегося Повелителя леса, одна из пушистых игольчатых веток подломилась, и охапка мокрого снега приземлилась аккуратно на лицо источнику беспокойства.

Повелитель, секунду назад, во всю глотку гоготавший от удовольствия, тут же заткнулся и недовольно сбросил упавший на него снег. Стало немного неприятно. Он скривился и с закрытыми глазами обтер поруганное жалкой веткой лицо, по-прежнему обращенное вверх.

– Вот, черт! – громко выругался он.

И тут же получил вторым снежком в нос. И еще в глаза, и еще снега, и еще, и еще. На его лицо беспрестанно летел снег. Он уже ничего не мог видеть. Но стоял под снегопадом, не уворачиваясь, и только морщился от очередного холодного шлепка. Розовый мир начал пропадать, замещаясь черной пеленой, сквозь которую издали стали доноситься чьи-то голоса.

Его бросало и вертело в образовавшейся вокруг пустоте, а голоса раздавались все ближе и ближе. Еще не до конца потопленная новыми соперницами частичка его прежнего разума успела издать последний шепот: «Кажется, я сошел с ума!».

Глава вторая. Первая встреча

– Разрешите, товарищ капитан?

В дверях кабинета появился молодой офицер с папкой бумаг под мышкой. Стройный, подтянутый, с прямым смелым взглядом, и почти идеально ровным пробором на голове.

– Да-да, лейтенант, проходите!

Офицер сделал твердый шаг вперед и отрапортовал:

– Разрешите представиться, лейтенант Шакулин. Призван вам всецело содействовать в деле...

Капитан, показывая жестом, что дальше продолжать не надо, мягко прервал его:

– Хорошо, лейтенант, не нужно условностей.

Шакулин понятиво улыбнулся и немного расслабился, сменив почти строевую осанку на обычную.

– Ну, будем работать вместе, – капитан, которому на вид было где-то сорок лет, ловко выбрался из-за стола, и протянул руку коллеге. – Капитан Листровский Евгений Павлович.

– Очень приятно, товарищ капитан, – уже неофициальным тоном сказал Шакулин.

Они обменялись крепким рукопожатием. При этом Листровский оценивающе оглядел своего напарника.

– Как звать-то? – решил уточнить он.

Судя по забегавшим глазам лейтенанта, он не сразу понял вопрос.

– Ах, да! Звать, Сергей. Сергей Анатольевич.

– Хорошо, Сергей, – закончил Листровский, подчеркнув, что намерен называть лейтенанта по имени. – Садитесь.

Шакулин присел на стул и оглядел кабинет.

– А мы думали, чего это вдруг здесь ремонт неделю назад затеяли. – Его взгляд остановился на небольшом портрете Дзержинского, висевшем по центру стены над головой капитана. – Хорошо тут у вас, просторно.

Листровский перехватил его взгляд.

– Да, оборудовано по последнему слову, – слегка иронизируя, ответил он. – Кстати, Сергей, не у вас, а у нас. На время расследования вы перебираетесь в этот кабинет. Для, так сказать, совместной координации действий. Так что стол у окна в вашем распоряжении. Можете, хоть сейчас перенести вещи.

Капитан пригладил свои темные волосы, по бокам которых начинала проглядывать ранняя седина, и достал из пачки, лежавшей на столе, сигарету.

– Ладно, теперь к делу, – он решил подчеркнуть важность этого момента паузой, которую потратил на прикуривание. – Вы знаете, что я направлен сюда Москвой, так как дело принимает весьма специфический характер.

– Да уж, – согласно проговорил Шакулин.

– В предгорных лесных массивах вашего района стало встречаться слишком много трупов. – Листровский потер средним пальцем бровь. – Причем трупов, предположительно изуродованных неким странным образом, я имею в виду, что, скорее всего, не человеком. Поэтому я откомандирован в Златоуст главным управлением КГБ, дабы расследовать обстоятельства смерти людей и установить, кто может за всем этим стоять.

В слабо игравшем радио раздались звуки отсчета сигналов точного времени. Двенадцать.

– Сразу же, лейтенант, давайте так. Это мое отнюдь не первое дело со странностями, назовем их таким образом. Поэтому говорите мне всю информацию и все свои мысли, как они есть. Только полный бред – не моя специальность. Поэтому сразу условимся, фантазии и необычные вещи, это разные понятия.

Шакулин кивнул, в знак того, что понял, о чем его просит Листровский.

– Я только что разговаривал с начальником районного управления, – продолжил капитан. – И он отметил вас, как человека в целом смышленного и обладающего собственным мнением по нашему делу.

Листровский посмотрел в окно, где, посигналив звонком на перекрестке, проехал трамвай. Клубы синего сигаретного дыма внезапно попали в нос капитану, отчего он чуть не чихнул, вызвав невольную улыбку Шакулина.

– Кстати, Сергей, вы курите?

– Нет, Евгений Павлович, не курю. Жена не позволяет.

– О, вы женаты!

Лейтенант смущенно улыбнулся, как будто это был его незначительный, но все же проступок.

– Да, и уже три года.

– Ну! – удивился Листровский. – Так сколько же вам лет?

– Двадцать шесть.

– Двадцать шесть, – повторил капитан. – Вы молодо выглядите, Сергей.

Шакулин пожал плечами, дескать, какой есть.

– Да, но мы отвлеклись, – снова чуть повысив голос, сказал Листровский. – С некоторыми материалами я ознакомился еще в Москве, читал ваши рапорты. – Он приостановился в повествовании, чтобы затушить сигарету. – Давайте, глянем, что там у вас.

Шакулин раскрыл папку и вынул целую стопку фотографий.

– Вот, это самый первый случай, – указал на фотографию лейтенант. – 13 августа 1967 года.

– Значит, почти ровно два года назад, – вслух домыслил Листровский.

– Да, два года и шесть дней.

Капитан взял следующие четыре фотографии, также относившиеся к самому первому происшествию, и положил их рядышком.

– Вот эту мне давали для ознакомления в Москве. – Он чуть выдвинул один из фотодокументов, внимательно рассматривая каждый.

На снимках объектив эксперта запечатлел труп мужчины среднего возраста, по-видимому, туриста. Через левую часть лица, шею и правое плечо шли глубокие порезы, оставленные когтями какого-то крупного зверя. Часть туловища, должна находиться ниже грудной клетки жертвы представляла из себя кучу кровавых ошметков и полуразорванных сухожилий.

– Похоже, что первым ударом, – Шакулин показал на шрамы на лице и теле, – животное просто сбilo его с ног. Экспертиза показала, что удар производился сверху вниз, царапающим движением, но присмотритесь, какая глубина порезов и ширина линий. Такое мог сделать только очень крупный зверь.

– Такой, как, например, медведь? – решил уточнить капитан.

– Ну, версия могла бы иметь место, если бы не следующее. Смотрите, после того как зверь сбil с ног туриста, он набросился на него и стал заживо пожирать. – Шакулин обвел пальцем место на жертве, бывшее раньше областью живота. – Он перемешал почти все его внутренности.

– Медведь-людоед? – как бы сам себе задал вопрос Листровский.

Капитан пальцем проследил по фотографиям следы крови, оставленные жертвой, и уже было открыл рот, чтобы задать Шакулину вопрос, но тот уловил ход мыслей своего нового начальника и сыграл на опережение:

– Убийство произошло в том же месте, где и нападение. Следы крови оставлены ранами от порезов на лице и шее. Ну, а закончив свое дело, зверюга просто убралась с тропы.

– С тропы? Так нападение произошло не в лесу, как написано в рапорте.

– Нет, формально оно произошло в лесу. Но реально, это известная туристическая тропа, недалеко от Откликного гребня. Там в августе туристов, как собак. Место очень людное. Это не мог быть простой дикий зверь. В заповеднике не так много хищников, почти нет, разве что рысь, а к людным местам они вообще не приближаются.

Шакулин явно к чему-то клонил, но капитан решил пока оставить это без внимания. Он еще не все выяснил из того, что хотел знать.

– Хорошо, Сергей, место людное, а свидетели были?

– Вот здесь-то самое интересное, – оживился Шакулин. – жертвой нападения стал Андрей Вартанян, местный турист-любитель, но к Откликному гребню он двигался вместе со своим товарищем Коробовым Александром.

– Ну, и ...

– Но в момент нападения зверя Вартаняна был один. Тело Коробова затем нашли в пяти минутах ходьбы, ниже по склону. Вот. – Шакулин достал еще три фотографии. – У Коробова никаких видимых телесных повреждений, ничего. Судя по наклону травы, предыдущие двести метров от места, где валялся Коробов, Вартанян тащил его на себе, а рюкзак вез рядом по траве. Есть предположение, что чуть раньше по дороге с Коробовым что-то произошло, и Вартанян нес его к туристическому лагерю у Откликного, до которого оставалось не так уж далеко.

– Однако не донес?

– Нет, Евгений Павлович, не донес. Возможно, Вартаняну было тяжело, и он решил оставить на время Коробова, побыстрее добраться до лагеря, позвать помощь и вернуться к товарищу.

– Но по пути к лагерю на одинокого Вартаняна напали?

– Да.

– Тогда, отчего же умер второй, оставленный Вартаняном Коробов? – спросил капитан.

– По словам медиков, смерть наступила в результате остановки сердца, ничего более правдоподобного они придумать не смогли.

– В результате остановки сердца, – повторил Листровский. – То есть они затруднились точно назвать причину?

– Да, внезапная остановка.

– Может, Коробова что-то испугало? То есть смерть стала следствием испуга.

– Такую версию медики не исключают, – подтвердил Шакулин. – Вполне возможно, что Коробов просто подвернул ногу и поэтому Вартанян тащил его на себе. Нападение, на самом деле, могло произойти раньше, чем мы думаем. Зверь выскочил из леса прямо перед ними. От одного этого у Коробова происходит внезапная остановка сердца. Ну, а Вартанян бросается наутек, но животное догоняет его и разделяется. Может, дело было и так.

– Однако, судя по вашему тону, Сергей, у вас иная версия.

– Да, Евгений Павлович, у меня другая версия.

Листровский внимательно посмотрел на него. И судя по виду лейтенанта, версия, которую он хочет высказать, весьма нетрадиционна. Листровский уже успел за годы службы наловчиться усматривать в людях, работающих с ним, подобные проявления. Специфика дел давала о себе знать, в расследованиях происшествий, малопонятных рациональному мозгу, всегда находилось место для энтузиастов, выдвигавших фантастические версии. Вот и сейчас, весь вид вдруг выпрямившегося на стуле в струнку Шакулина и его резко посерьезневшее лицо, будто говорили: «Вы, конечно, будете смеяться, но я полагаю, что все дело...»

Чтобы не смущать своего неопытного коллегу, капитан решил не смотреть тому в глаза и поэтому занялся повторным изучением фотографий.

– Я вас слушаю, Сергей, – сказал он, как можно более нейтральным голосом.

– Вы слышали о деле «Уральского оборотня»? – чуть помедлив, задал вопрос лейтенант.

Листровский, не меняя положения головы, поднял на него заинтересованный взгляд.

– Вы имеете в виду операцию ВЧК в начале двадцатых годов по отстрелу стаи бешеных волков, нападавших в здешних краях на людей? Да, Сергей?

Теперь уже Шакулин удивленно уставился на капитана.

– Какой еще стаи бешеных волков? То есть я хочу сказать, – поправился лейтенант, – что... – Он вдруг снова замолк и посмотрел, о чем-то думая, в окно. – Евгений Павлович, я говорю об операции по поимке настоящего оборотня, которую здесь проводила ВЧК, как вы правильно отметили, в начале двадцатых, а точнее в двадцать четвертом. По поимке и отстрелу оборотня, растерзавшего около двадцати человек в лесах Таганая.

Повисла пауза.

Молчание прервал Шакулин:

– Вот, лучше посмотрите на это.

Он извлек из своей папки основательно потертую черно-белую фотографию и положил ее перед капитаном.

Листровский внимательно всмотрелся в запечатленную на ней картинку, глаза капитана несколько округлились от удивления, но Шакулин этого не заметил.

На фотографии впереди двух людей с винтовками, по-видимому, чекистов, на подтаявшем весеннем снегу лежало мертвое тело почти трехметрового существа, от одного вида которого может похолодеть кровь. Морда зверя походила на морду огромного волка с чрезвычайно сильно вытянутой пастью, и неправильно посаженными, сдвинутыми к бокам глазами, выражение которых все еще оставалось полным какой-то свирепой ярости. Туловище также было скорее звериным, с короткой шерстью черно-серого оттенка, только присутствовало в нем нечто человеческое. Наблюдалось какое-то удивительное строение тела – утончение туловища ближе к ногам и его утолщение в районе плеч. К тому же спина зверя была будто изогнута, и на месте изгиба просматривался странный горб. Задние лапы существа не было четко видно, поэтому Листровский мог только догадываться о том, как выглядели ступни. Но вот передние лапы, лапами можно было назвать с большой натяжкой. Расположенные по бокам туловища, они сильно напоминали огромные человеческие руки с большими когтями на необычно длинных скрюченных пальцах. Весь ужас заключался в уродливой похожести этого огромного волка, как все-таки определил существо Листровский, на нечто человекообразное.

– Фотографию я нашел случайно в материалах, которые накопил в нашем архиве, сразу после того, как меня назначили вести это дело. – Шакулин помедлил. – А вы что же, не видели ее раньше? Мне казалось, что раз она есть в наших источниках, то у вас в Москве должна быть и подавно.

Листровский был еще под впечатлением и продолжал изучать фотоизображение.

– Нет, я с ней сталкиваюсь впервые.

– Самое интересное, – решил продолжить лейтенант. – Что всего через пару минут, по свидетельствам очевидцев, тело стало распадаться на отдельные члены, а ткани высыхать с такой скоростью, словно испарялись в воздух. Поглядите, это сфотографировано через десять минут. – Он вынул еще одну подобную первой фотографию. – Здесь они еле успели запечатлеть остатки уже голого сгнивавшего на глазах скелета. В рапорте написано, что кости существа от прикосновения просто превращались в пыль.

Шакулин вытащил третью затертую фотографию.

– Вот, тут осталась только куча белесого песочка вместо трупа. Видите, как будто повторяет весь контур тела. Ну, а песочек затем раздуло ветром в разные стороны, денек тогда выдался штормовой.

Все три фотодокумента лежали в ряд перед взором капитана. Тот, уже немного придя в себя, оперся на левый подлокотник и, почесывая нос, молча переводил взгляд с одного снимка на другой.

– Странно, что они оказались у вас, – через минуту сказал Листровский.

Лейтенант виновато помялся.

– Евгений Павлович, я никак не предполагал, что обладаю столь эксклюзивными материалами.

Капитан весело улыбнулся своему коллеге.

– Знаете, Сергей, большинство сведений о деле «Уральского оборотня» двадцатых годов я, скажем так, почерпнул из устных источников. Слышал краем уха. Думаю, вы понимаете, о чем я говорю.

Шакулин покивал, но по-прежнему оставался предельно серьезным.

– И теперь самое главное, товарищ капитан.

– Да-да, – с готовностью откликнулся Листровский, подавшись вперед и наблюдая за папкой лейтенанта, из которой сегодня к нему на стол выпрыгивало столько открытий.

Однако после недолгого поиска Шакулин извлек из недр папки невзрачный листок бумаги с расплывшимися в некоторых местах чернилами.

Листровский обратил вопросительный взгляд на лейтенанта.

– Это показания командира продотряда А.Б. Хлебовцева, датированные 23-м марта 1920-го года. – Шакулин попытался ладонью получше расправить мятый-перемятый листок, но тот снова переломился по десяткам мелких швов. – Согласно документу, в тот день отряд обнаружил посреди одной из лесных дорог, по которой сам и двигался в Златоуст, два трупа. У одного, как показано, была полностью оторвана голова. – Шакулин прервался. – Кстати, голову нашли рядом в снегу. А внутренности выедены дикими зверьми. Рядом был найден и второй труп, без видимых ран, скорее всего, замерзший. Подпись, командир продотряда А.Б. Хлебовцев.

Шакулин бегло дочитал дату и поднял глаза на капитана. Листровский как-то излишне спокойно смотрел на бумажку, по-видимому, что-то просчитывая в уме. С минуту они так и сидели, пока капитан не протянул руку и не пододвинул к себе измятый документ.

– Собственно говоря, с этой бумаги и начинается дело об «Уральском оборотне», – сказал лейтенант. – Не тронутого зверем пострадавшего чуть позже идентифицировали, это некто Порфирьев Василий Егорович. Ну, а затем в лесах стали находить единичные трупы. Всего около двадцати жертв за четыре года. Пока не прибыл спец отряд чекистов из Москвы.

Листровский отложил бумажку в сторону и, побарабанив пальцами по столу, начал:

– То есть получается, что и тогда, и сейчас мы имеем одинаковое начало. Это два трупа, один изуродованный, второй без видимых телесных повреждений. Так?

– Так точно, – подтвердил Шакулин.

– Далее начинает происходить целая серия одинаковых по почерку нападений, результатами которых становятся, как вы их назвали, единичные трупы, растерзанные каким-то животным.

Капитан приостановился, чтобы взять сигарету и подкурить ее. Первая порция дыма тонкой струйкой полетела в левую от Листровского сторону. После этого он продолжил:

– Следовательно, возможно, что мы имеем дело...

– Мы имеем дело с одним и тем же убийцей, капитан! – возбужденно перебил его Шакулин.

Листровский недовольно посмотрел на лейтенанта своим стальным проникающим взглядом. От чего Шакулин немного смутился, весь его порыв, только что выплеснувшийся наружу, тут же угас.

– Извините, Евгений Павлович.

– Не надо спешить, лейтенант.

И интонация Листровского, и вставленное во фразу вместо дружелюбного «Сергей», официальное «лейтенант», дали понять Шакулину, что если подобное еще раз повторится с его стороны, то их отношения могут перейти в плоскость чисто должностных.

Шакулин, чтобы не смотреть в глаза Листровскому, уставился на него ниже линии подбородка.

– Начнем с того, что мы не можем иметь дело с тем же убийцей, так как фотографии, которые вы мне недавно показали, однозначно указывают на то, что... – Листровский приостановился. – Что существо, которое могло бы им быть, застрелено специальным отрядом ВЧК в 1924-м году.

Лейтенант удивленно поднял брови вверх, услышав, что Листровский оставляет за застреленным оборотнем только возможное право быть настоящей причиной кровавых событий начала 20-х.

– Однако если опираться на тот факт, – снова заговорил капитан, – что нападения на людей прекратились сразу после того, как существо было обезврежено, то можно считать, что оно – то есть существо, и было убийцей. – Он откинулся на спинку своего кресла. – Иначе в наших делах нельзя, лейтенант. Ведь хотя бы какой-нибудь экспертизы зверя не было проведено, так? Ведь его труп растаял прямо на глазах чекистов.

– Растаял, – невесело пробормотал Шакулин. – Но если говорить без лишних условностей, Евгений Павлович, то сейчас, судя по почерку и полному совпадению характера происшествий, мы имеем дело с аналогичным оборотнем. – Он особенно подчеркнул последнее слово, тем самым, давая понять, что ни секунды не сомневается, что полная копия существа с его старых служебных фотографий сейчас разгуливает по окрестностям Таганая.

– Или мы имеем дело с тем, кто хочет, чтобы все думали, что это аналогичный оборотень, – добавил через несколько секунд Листровский и проследил за реакцией лейтенанта.

Судя по всему, Шакулин не брал в расчет такую вероятность. Он на несколько секунд опешил, глаза растерянно забегали по столу, видимо, лейтенант быстро обдумывал, о чем может говорить подобный поворот в расследовании. После некоторого раздумья он сказал:

– Честно говоря, я пока не очень хорошо себе представляю мотивы такого поступка.

– То-то и оно, – согласился Листровский. – В этом деле все отнюдь не так ясно, как вы только что мне излагали. Оборотень – это, конечно, хорошо. То есть материалы об операции ВЧК следует учитывать, – поправился он. – Однако есть и еще немало факторов.

Понижение голоса Листровского указывало на то, что для первого раза они обсудили уже достаточно, а его участвовавшие взгляды на городской телефон, подсказывали о причинах, по которым капитан пытался стимулировать окончание беседы.

– Да, но этот человек должен был, как минимум, иметь доступ к нашим бумагам, – лейтенант по-прежнему размышлял, глядя на стол своего начальника, поэтому он не мог видеть желания Листровского кому-то срочно позвонить, а на его тон Шакулин не обратил внимания. – Да и как быть с первыми двумя трупами, ведь один из них без видимых телесных повреждений.

Этот тезис не вызвал внешне абсолютно никакой реакции со стороны капитана, тот только с неудовлетворением выдохнул воздух и спокойно посмотрел на еще неопытного коллегу.

– Первый случай в 67-м году мог быть совпадением, один умер от испуга, на другого – накинута дикий зверь. Вот и вся головоломка. – Листровский выразительно развел руками. – А дальше пошли подставные убийства. Вопрос, может быть только в том, кто и зачем пытается воскресить духов прошлого.

Шакулин несогласно покачал головой.

Листровский вдруг сощурился и добавил:

– Кстати, Сергей, а почему именно вас назначили вести это дело?

– По-моему совершенно случайно, – подумав, ответил лейтенант. – Когда произошло третье убийство при столь странных обстоятельствах, расследование перешло под опеку КГБ,

а я в тот момент, вроде как, ничем особым занят не был. – Он улыбнулся и виновато пожал плечами. – Вот мне и поручили.

– Ну что ж, понятно. А как же вы тогда заполучили материалы об «Уральском оборотне»? Ведь, я так полагаю, что версию о причастности оборотня к нынешним событиям вы изложили только мне?

Лейтенант, немного насторожился, уловив, что с ним сейчас проводят поверхностный зондаж.

– То есть, что меня навело на выявление совпадения этих дел?

По интонации Шакулина, капитан ощутил, что сделал слишком очевидный ход и решил несколько снять вдруг возникшее напряжение. Листровский изобразил как можно более доброжелательный взгляд и продолжил:

– Ладно, сыграем в открытую, Сергей. Я просто хочу знать, кто вас навел на материалы о деле 20-х годов, вы же сами не могли об этом догадаться, вы же не имели до этого информации о нем?

Шакулин невольно улыбнулся.

– На самом деле, нет ничего проще, Евгений Павлович. После пятого убийства уже весь город только и обсуждал эту тему. А однажды, я курил у себя на лоджии. У меня лоджия прямо над входом в подъезд. И там разговаривали трое дедков. Вот они как раз меня и надоумили своей беседой. Я решил удостовериться, действительно ли имели место те давние события, и проверил все папки с делами за первую половину двадцатых годов. Ну, и нашел.

Вид Листровского сейчас не выражал ничего, поэтому лейтенант решил добавить еще:

– К тому же потом, я поспрашивал знающих людей.

– Извините, Сергей, – прервал его капитан. – Каких знающих людей?

– Нет, не в этом смысле, информация по нынешнему расследованию никуда не ушла. Я поспрашивал знакомых мне людей, живших в те годы, понимаете? Гражданских людей, неофициально.

Листровский промышчал долгое «Угу» и, похоже, что-то решив для себя, снова вспомнил о телефоне, куда незамедлительно переместился его взгляд.

– Хорошо, Сергей, встретимся завтра и обсудим план наших действий, а сегодня соберите вещи на своем старом месте.

– Да, но я вам еще не все рассказал, – поднимаясь с места, пролепетал Шакулин.

– Тогда завтра сначала вы дорасскажите, а потом набросаем план.

– Понял, значит, завтра, а во сколько? – уже почти в дверях кабинета подал голос лейтенант.

– Полагаю, в пол девятого, ведь у вас во столько начинается рабочий день? А на сегодня вы свободны. Так, папку вы мне оставили. Все, можете идти.

Шакулин закрыл за собой дверь.

Капитан вышел из-за стола и подошел к открытому окну. По улице, которую вряд ли можно было назвать особенно оживленной, гремя железяками, проехал очередной трамвай. Листровский проводил его взглядом и, вернувшись обратно к столу, снял трубку телефона и набрал московский номер.

– Да, – в трубке раздался низкий голос.

– Это Листровский, – спокойно сказал капитан.

– Слушаю тебя, Евгений Палыч.

– Предварительно все подтверждается, подробности вечером, этот телефон может прослушиваться.

– Хорошо, – также спокойно ответил ему голос с другого конца провода.

Листровский, думая о чем-то своем, не глядя, положил трубку на телефонный аппарат.

Вечером Листровский набрал все тот же московский номер из выделенной ему служебной квартиры.

– Да, – ответили ему.

– Листровский.

– Ты всегда как часы, капитан, честно говоря, я даже не сомневался, что мой телефон зазвонит сразу же после двенадцатого сигнала.

– Стараюсь, Артем Алексеевич.

Оба говорили неспешно, как бы обдумывая по ходу каждое слово.

– Ну, как, осмотрелся на местности?

– Да, дело несколько путаннее, чем предполагалось, Артем Алексеевич. – Листровский взял небольшую паузу. – У оперативника, ведущего расследование здесь в Златоусте, каким-то образом оказались материалы сорокалетней давности про операцию ВЧК по поимке некоего оборотня.

– Про оборотня? – в голосе собеседника послышалась легкая тревога.

– Да, выяснилось, что в местном архиве сохранились некоторые документы и самое главное – фотографии того дела. – Листровский специально немного помолчал. – А мне-то казалось, что тогда волков отстреливали, в 24-м?

Человек на той стороне провода задумался, издав протяжное, но спокойное «Хм».

– Кто-то кроме этого оперативника, – продолжил голос из Москвы, – изучал материалы? Кстати, как фамилия у этого героя?

– Лейтенант Шакулин. Папку с бумагами он никому не показывал, по крайней мере, он так утверждает. И мне кажется, что не врет. Говорит, что вышел на дело оборотня случайно. Подслушал разговор каких-то стариков во дворе и уловил, что это может иметь отношение к нынешним событиям.

– Хорошо, мы его проверим. Как ты отреагировал на такой поворот?

– Спокойно, будем решать задачи поэтапно. Я с ходу в оборотней не верю. – Листровский иронично хмыкнул.

– И какую же версию ты решил подкинуть юноше?

– Ему двадцать шесть, и он совсем не дурак. Плюс, искренне верит в реальность той операции ВЧК.

– Само собой, трудно не поверить, когда перед твоими глазами лежат фотографии.

– На данный момент я решил не навязывать ему никаких версий, – Листровский чуть приостановился, – я ведь пока сам не проверил, кто здесь в действительности орудует. Думаю, энтузиазм лейтенанта может пригодиться.

Человек на том конце взял паузу. Кажется, он в раздумье побарабанил пальцами по какому-то предмету.

– Ладно, капитан, действуй, как считаешь нужным. Только запомни, ни на шаг не отклоняться от главной цели. Ни на шаг!

– Понимаю, товарищ полковник, – даже несмотря на очевидный психологический нажим, голос Листровского был предельно нейтрален.

– Выполнишь задачу – получишь, наконец, звание майора.

Листровский опять еле слышно усмехнулся.

– Да-да, не ухмыляйся, то самое, которое ты должен был получить еще три года назад, если бы не твоя самодеятельность...

– Я все сделаю, как надо, – как можно более корректно проговорил Листровский, для которого упоминание о прошлом, похоже, было не очень приятным.

– Когда удостоверишься, что трупы – дело рук нашего парня, свяжешься со мной.

– А если я удостоверюсь, что трупы не имеют никакого отношения к объекту?

Полковник, чуть помедлил и, выдохнув с неудовольствием в трубку, жестким тоном произнес:

– Капитан, сделай так, чтобы мне не пришлось тебя перепроверять.

– Так точно, – через паузу чуть ли не по слогам выговорил Листровский и положил трубку, из которой уже неслись частые прерывистые сигналы.

Капитан медленно встал с кресла и подошел к открытому окну. Он подкурил сигарету и провел пальцем по раме, дабы удостовериться в ее чистоте. Выпустив клубок сизого дыма, Листровский устремил свой взгляд на горы, вычерчивавшие на палитре августовского заката неровные линии геометрических фигур.

Глава третья. Что это?

– Эй, Колямбо, очнись! Хватит валяться, сейчас не жарко, простудишься. – И Димка, веселясь от всей души над неожиданно упавшим в обморок товарищем, кинул ему на лицо еще одну горсть рассыпчатого снега.

– Ну, что ты творишь! – возмутилась Муха. – И так все лицо снегом ему уделал.

– Ты пульс его проверяла, может он уже того? – Димка веселился, как никогда.

– Скажешь тоже. Сейчас он очнется. – Муха принялась трясти Колямбо за плечи.

– А может у него приступ эпилепсии?

– Да нет же. По крайней мере, не похоже. Пены нет, судорог тоже вроде нет.

Безучастно наблюдавший до того за приведением Колямбо в чувства, пропавший без вести Бамбук, решил внести свою лепту в общее дело.

– А это, давайте, как в кино, пощечин ему надоем.

– Ну, зачем так грубо, – запротестовала Муха. Но все-таки пару раз легонько шлепнула по щекам.

Наконец веки Колямбо подернулись, он открыл глаза и медленно приподнялся, приняв сидячую позу. Непонимающим взглядом он уставился себе на ноги и принялся вытирать лицо от начавшего таять снега. В голове царил непроглядный туман, и чувствовалась огромная тяжесть. Наверное, если бы его сейчас спросили, какой нынче год, то далеко не сразу получили бы ответ.

Колямбо никак не мог сконцентрировать свои мысли. Их как будто атомным взрывом разнесло по разным уголкам вселенной его мозга. И еще этот слащаво-горький привкус во рту. А в ушах низко гудела замысловатая какофония.

– Очнулся, спящий красавЕц? – шутливым тоном сказала Муха, сидевшая с ним рядом на корточках. – И часто ты так в обмороки падаешь?

Колямбо перевел взгляд на нее. На особо изощренные речевые обороты он пока не мог рассчитывать, поэтому ограничился простецким встречным вопросом:

– А что, я был в обмороке?

– Ну, в общем-то, да. Я, правда, не видела, как ты упал... Димка, ты же был рядом? Как это произошло?

Димка придвинулся к сидящему виновнику происшествия.

– Ну, как-как. Ты, Колян, подтягивал свои бахилы, потом выпрямился, повернулся в сторону леса, завис на пару секунд и аккуратно сложился на землю. Вот и все.

Колямбо рассеянно сидел и слушал своих друзей. Он чувствовал невероятную слабость. И совершенно ничего не помнил. Ни как подтягивал бахилы, ни как падал, ни что было до подтягивания бахил, ни что было после падения, опять же – ничего.

Глубоко и проникновенно вздохнув, он стал оглядывать близлежащие окрестности, память о которых порядком выветрилась из головы. Колямбо посмотрел на пространство курумника, потом медленно повернул голову в противоположную сторону и уставился на темную чащу заснеженных елей. Сидя на земле, он находился ниже уровня их свисающих веток, а потому мог видеть, что скрывается в глубине леса.

Он наблюдал множество стволов хвойных деревьев, редкие скелеты низких кустарников и море сломанных сучьев, валявшихся поверх слоя снега. Во всей этой картине было что-то очень знакомое, из недавнего. И ТУТ ОН ВСЕ ВСПОМНИЛ. Глаза Колямбо резко расширились, во взгляде засверкал блеск вернувшегося сознания происходящего и происшедшего, а рот приоткрылся от внезапно нахлынувших воспоминаний.

– Елки-палки, я же был там! Я был там! – Он повернулся к своим попутчикам, показывая пальцем на чащу. – Я был там! Я пошел искать Бамбука, а его следы увели меня далеко от

дорожки. Потом все стало розовым! – Колямбо приостановился. – Нет, уже до этого все было розовым! А затем там промелькнула тень!

– Колямбо, это тебе, наверное, привиделось, пока ты валялся здесь в забытии. – Муха, рассеянно поглядывая на серое небо, успокаивающе положила руку ему на плечо.

– Да, кого! Я же был, я был в лесу! – Колямбо, понимая, что ему не верят, повысил голос. – Во, а после этого я стал мутировать!

– О, так ты мутант! – вставил Димка.

– Да, заткнись ты! – он уже и сам стал понимать, что, вероятно, лесная эпопея произошла как бы во сне, во время отключки. – У меня изменился голос, увеличились руки, я откуда-то начал все видеть, хотя там было темновато. – Колямбо говорил все менее уверенно. Осознание нереальности того, что с ним произошло, того, что это просто выдумка и никому из товарищей она не интересна, поубавила оптимизм, и Колямбо замолчал, даже не рассказав, чем все дело закончилось.

Он убрал руку Мухи со своего плеча и поднялся на ноги, тут же глазами отыскивая рюкзак. Его мысли пришли в полный порядок, мозг функционировал в обычном режиме.

– А сколько я пролежал?

Димка стоял рядом и усердно грыз ноготь.

– Ну, может минуты полторы, или две, но не больше. Ну, да. Ты шлепнулся, мы с Мухой к тебе подскочили, почти сразу же из-под дерева вылез Бамбук. Мы нащупали твой пульс. Я побросал тебе на лицо снега.

– Чего ты мне побросал на лицо? – Колямбо тут же вспомнил как его, уже ставшего Повелителем леса, сверху бомбардировало килограммами снега.

– Ну, извини, я думал, что это поможет тебя поскорее привести в чувства.

«Значит, Димка мне бросал на лицо снег! Так-так. А мне представлялось, будто снег с верхушек елей сыпется. И после этого, после этого. М-да, похоже, после этого я и очнулся».

– Слышишь, Колян? Ау, ты с нами? – Димка потряс его за рукав. – Ты что опять хочешь грохнуться?

– Да нет, я так, просто задумался.

Они, помогая друг другу, натянули на спины свои рюкзаки и тронулись дальше. Часы показывали половину шестого пополудни, уже начинало смеркаться. Облака несколько рассеялись, и сквозь них стали проглядывать участки чистого, но темнеющего неба. Все шли, как будто совершенно ничего не произошло. И только Колямбо продолжал размышлять над своим обморочным бредом, или сном, он точно не знал, как это приключение лучше назвать.

– Бамбук, а ты, когда заходил за елки, ну, чтобы с богами пообщаться, далеко ушел?

– Нет, никуда я не заходил, – Бамбук уже почти выбился из сил, поэтому более обстоятельного ответа от него не стоило ожидать.

– Знаешь, а в том сне, я ведь как раз по твоим следам пошел. Хотя, тебе наверняка по барабану. Да, по барабану. – Колямбо задумчиво шагал ровно в такт идущему впереди Димке.

Кажется, только сейчас он стал улавливать, что происшедшее, не имеет никакого отношения к реальному миру, а является всего лишь плодом его разума. Все-таки странные штуки он выдает в те минуты, когда мы не бодрствуем.

За сим событием как-то забылось, что вот уже четыре часа, как нет ни слуху, ни духу от отставшей части их отряда. А в потемках будет гораздо труднее отыскать правильную дорогу в том случае, если они все-таки заблудились. Особенно не хотелось ночевать под открытым небом в дикой местности при температуре в минус три. Ведь свернутую палатку на себе тащил Зубарев. Да и котел, на котором можно было бы приготовить пищу, тоже нес кто-то из них. Наверное, Юлька, нельзя же все на Олега складывать.

Подобные мысли, видимо, приходили в голову не только победителю глазастой тени. Муха, как обычно, возглавлявшая колонну, предложила дойти до первого попавшегося ручейка и ждать команду Зубарева, хоть до посинения.

И действительно, через несколько минут, слева от дорожки, извиваясь вокруг деревьев, возник небольшой ручей, чье появление Муха приветствовала радостными взмахами рук и криками о том, что она была права. А значит, и шагали они по нужному пути.

Колямбо первым скинул с себя рюкзак и подбежал к небольшой, но весьма глубокой лагуне, созданной течением воды в этом месте. «Снега, пожалуй, на сегодня я наелся», – подумал он и жадно приложился к горлышку набранной фляжки. Жидкость, булькая, потекла в почти пересохший рот.

– Предлагаю его назвать ручьем Надежды. – Колямбо сделал паузу. – В честь того, что мы здесь стояли и надеялись на скорое появление отставших лыжников. – Он в очередной раз оглядел, как вода скатывается в небольшую ложбинку и утекает дальше, в ту же сторону, куда лежал и их маршрут.

Рядом отряхивались только-только подошедшие Зубарев и компания. Все были рады объединению группы и находились в приподнятом настроении. Правда, шел уже шестой час вечера. Сумерки быстро накрывали долину.

– Олег, ну так что, мы ведь не успеем дойти до Долины сказок, если я правильно понимаю? – обратился к руководу Димка.

– Да, пожалуй. Сейчас найдем какое-нибудь подходящее место и разобьем лагерь, – ответил Зубарев. Он посмотрел вверх на небо, бросил взгляд на свои часы и добавил: – Да, километров пять, наверное, не дошли. Ну, ладно, двинулись! – Скомандовал руковод, и семеро туристов, растянувшись цепочкой, отправились дальше по протоптанной дороге.

Колямбо шел впереди всех. Его уже как следует достало маршрутирование с рюкзаками на плечах по каменистой тропе «далекого и прекрасного Таганая». Каждый новый камень, встречавшийся прямо на середине тропы, он, не задумываясь, пропускал между ногами, оставляя позади идущих догадываться о том, что за препятствие им предстоит преодолеть. Шедшая второй Муха, не замечая со стороны направляющего никаких странных маневров, вниз совсем не глядела, поэтому довольно часто запинаясь об притаившихся стражей дороги.

В компании дружно галдящей команды черная глыба хвойного леса по правую руку теперь уже не казалась страшной. Обилие недавно выпавшего раннего снега и яркий диск Луны, зависший прямо над ними, освещали окружающее пространство. И Колямбо, наслаждаясь картиной чуть подсвеченных серебром могучих елей и сиянием первых звезд, проглядывавших сквозь ветки, специально немного оторвался от остальных и погрузился в собственные раздумья.

Как-то незаметно узкая полоса деревьев, ограждавшая их дорожку с левого края от курумника, существенно увеличилась в размерах. Теперь каменная река скрывалась за несколькими рядами сосен и высоких кустарников.

Колямбо вспомнил, что Зубарев обещал в скором времени найти удачное место для стоянки и на этом окончить сегодняшний марш-бросок.

– Олег, ну долго нам еще идти? Где лагерь-то будем разбивать?

– Сейчас, сейчас, Колямбо, тут недалеко. Минут пять еще.

– Ну да, пять! Что-то я сомневаюсь. Наверное, как минимум полчаса.

Колямбо подпрыгнул, чтобы подтянуть рюкзак повыше и зашагал дальше.

– Все, пришли! Здесь и остановимся, – скомандовал Зубарев и указал пальцем на небольшую симпатичную полянку, лежавшую слева от их пути. – Юлька, Муха, берите палатку и ставьте ее вон, между теми соснами. Остальные, давайте быстренько за ветками для костра.

Колямбо оторопел от столь энергичного развертывания лагеря. И на минуту выпал из течения происходящего вокруг. Устанавливать палатку он все равно не умел, а Сапрофеня и Димка настолько быстро где-то насобирали мелких веток, что их было вполне достаточно для разведения огня. Он еще немного с тупым видом постоял, наблюдая за стараниями сестер. И решив, что тоже надо заняться хоть чем-нибудь полезным, устремился к Димке, который невядалеке обдирает кустарники.

Однако противные заросли не спешили ему отдавать собственные конечности. Колямбо с большой натугой откручивал крепкую ветвь уже вторую минуту к ряду, не понимая, каким образом Димке удастся так быстро с ними расправляться.

– Ты не живые ветки крути, а сушняк обламывай. – Посоветовал Димка, наблюдая за тщетными потугами товарища. – Так ты до утра крутить будешь.

– А кто из них сушняк?

– Ну, видишь, вот эти, ветки помельче, уже отмерли. Их и ломай. – Он подошел к кусту, с которым упражнялся Колямбо и легко, одной рукой, обломал небольшую ветвь. – На, возьми. Понял, какие нужно?

– Ну, понял, – согласился Колямбо и потянулся за новым объектом.

Вскоре посреди поляны выросла большая куча мелких хворостин, и вернувшийся с разведки близлежащих окрестностей Зубарев, приступил к разведению костра. У Мухи и Юльки, кажется, возникли определенные проблемы с палаткой, для чего к ним были отправлены «на подхват» Димка с Сапрофеней.

– А ты, Колямбо, никуда не уходи, – проговорил Олег, аккуратно поддувая в зачавшийся в недрах костерка огонек. – Сейчас пойдем с тобой деревья пилить. Кстати, доставай пока пилу.

– А где она, – поинтересовался Колямбо, заинтригованный скорым необычным занятием.

– Она у Юльки в рюкзаке в коричневом чехле, который в целлофан обернут.

Колямбо осторожно достал двуручную пилу из чехла и легонько попробовал остроту ее зубов. Пилить он, конечно, умел. В своей жизни не раз пилил на уроках труда. Но так, чтобы прямо здоровые сосны. Да уж, это занятие куда интереснее растягивания палатки, которая все никак не хотела устанавливаться и уже в третий раз упала, накрыв под собой Юльку.

– Давай же, Егорыч, давай, некогда валяться! – Умоляющий тон принадлежал человеку средних лет, за тяжелым зимним тулупом которого висела потертая охотничья двустволка.

– Не торопи меня, Андрей, – пыхтел уставший Егорыч, медленно поднимаясь со снега. – Уже немолод я. Вот и спотыкаюсь.

– Ну, не успеем же, ведь все заберут, сволочи! Все наши труды пропадут! Ты вспомни, как мы эти мешки таскали!

– Да уж помню, – огорченно пробурчал Егорыч. Он стряхнул с колен налипший снег и двинулся за компаньоном. – Да чего только таскали-то? Ты вспомни, как мы этот хлебушек вращивали. Это ж не приведи господь, на такой-то земле, где одни камни да коряги!

– Ну, так и пойдем быстрее, осталось верст десять. Надо до вечера успеть. – Андрей взглянул на блеклый диск зимнего солнца, висевшего чуть выше верхушек окружающих сосен. – Если не успеем из сторожки перепрятать... Эх! – от отчаяния и злобы он махнул кулаком. – Откуда только эти собаки появились! Итак, уже пол Урала обобрали. Теперь за нас взялись.

– Да. Жили до этой ихней революции, жили. – Егорыч на ходу поправил свалившуюся на бок ушанку. – И нормально я даже скажу, жили. Работали, пахали, косили, охотились. И на тебе, советская власть. Понаехали тут со своею продразверсткой. Последнюю корову им отдай, последний мешок муки тоже отдай, а то в стране голод, в столицах вообще жрать нечего.

– Это им-то нечего? – встрепенулся Андрей.

– Ну, не знаю, так говорят. – Егорыч угрюмо пожевал усы. – А почему ж это я должен свое отдавать, моим потом политое?

– Егорыч, ты лучше давай меньше болтай, больше двигай. Они, кажись, с Тургояка направляются, до вечера, конечно, вряд ли доберутся. Но все же.

– А какого же черта им наш поселок понадобился?

– Ну, чего ты, не понимаешь, что ли? В Тургояке поживы взяли, теперь повеселиться надо. А в Златоусте громко гулять не с руки. Вот и решили на ночь в лесном поселке остановиться, там пирушку закатить. Ну, а на следующий день уже в город.

– Вот незадача, – выдохнул Егорыч, одновременно споткнувшись об один из камней, что являлись неотъемлемой частью Старой Киалимской дороги.

Андрей недовольно поглядел, как старика качнуло в сторону, и он снова чуть не улетел в сугроб.

– Слушай, ты что, опять сивуху гонял с утра?

– Да, ничего я не гонял, – отмахнулся старик. – Нехорошо мне сегодня что-то, понимаешь? Да и вчера тоже нехорошо было. – Егорыч мученически взглянул на чистое ясное небо, безмятежно расстилавшееся над их головами. – Опять приступы начались.

– Какие там у тебя приступы? – Андрей ехидно улыбнулся. – Знаю я твои приступы. Не вчера, так позавчера пил весь день, наверное.

– Не-е. Это другое. Это, как бы тебе сказать. Болезнь такая, наш врач говорит, психическая. – Егорыч на секунду задумался, сощутив глаза и пытаясь подобрать нужные слова, чтобы Андрей понял его. – Вот я могу идти, идти и вдруг бах... начинаю понимать, что я это уже видел. Видел то, что у меня сейчас перед глазами.

Андрей недоуменно поднял бровь.

– Ну, старик, удивил. Я много чего по сто раз вижу каждый день.

– Да нет, – перебил его Егорыч. – Не так. Я-то, как бы вижу все в точности до мелочей, понимаешь?

Андрей, по-прежнему стараясь быстро шагать, пожал на ходу плечами.

– Нет, не особо.

Егорыч посопел, но решил все-таки попытаться объяснить.

– Ну, вот смотри, например, остановились бы мы сейчас и повернулись вон к той елке. – Он показал на небольшое молодое деревце, немного выбившееся из общей массы леса и стоявшее почти у самой тропы. – Ведь именно так же, след в след, ты вряд ли когда-нибудь встанешь, все равно какая-нибудь разница будет.

– Ну, положим, действительно, не встану так ровно.

– То-то и оно. А мне иногда кажется, что я как раз и вижу все так, как когда-то якобы это уже видел.

Андрей недопонял старика.

– Почему якобы?

– Да потому, что совсем не обязательно, будто я эту картину, ну, я имею в виду картину перед глазами, уже видел раньше.

– То есть и в совершенно незнакомом месте может возникнуть такая оказия? – Андрея заметно забавлял рассказ старика. – Слушай, да ты просто чародей!

– Да, какой там чародей! – разозлился Егорыч. – Иди ты, знаешь!

– Ладно, ладно, чего взъелся. Это я пошутил.

– Хреново ты пошутил. У меня в такие моменты голова кружиться начинает, и я в обморок бухаюсь, не всегда правда, но часто. – Егорыч немного подумал и добавил. – А знаешь, во время этих приступов, как их врач называл, у меня ощущения такие... Вроде бы и плохо становится, но вроде и приятно, как будто в прошлое невзначай заглядываешь. Ну, не знаю, как тебе объяснить.

Минуту они шли молча, слушая, как мерно поскрипывает снег у них под ногами.

– Да, – вспомнил Егорыч. – А болезнь эта, психическая, называется... – Он снова наморщил лоб, пытаясь вспомнить точное название. – Дежа ву, какая та. Это вроде как по-французски.

– Французы ей болеют, что ли? – усмехнулся Андрей.

– Того не знаю, этот врач мне много всяких болезней заумных перечислял, и как-то все не по-нашенски называются. Я же говорю, психическая. Это болезни для умников, а они все по Европам шатаются.

Андрей покивал головой, то ли соглашаясь, что все умники в Европе живут, то ли в знак того, что понял, о чем старик ему толковал, и вдруг резко дернулся, будто что-то вспомнил.

– Слушай, а воды-то мы взяли?

Егорыч скривил губы и постучал три раза себя по лбу.

– Эх, забыли, а! И, как назло, ни одного ручья. – Он посмотрел в левую сторону от тропинки, туда, где в этих местах обычно протекал чистый предгорный ручеек.

Андрей перехватил взгляд старика и, уловив, о чем тот думает, сказал:

– Нет, до Пасечного ручья еще час шагать, только потом он к тропе выйдет.

– Так, а ты чего же, пить хочешь?

– Да не пить я хочу. Это я после твоих рассказов размышляю, чем тебя откачивать придется, если эта дежа ву приключится.

Старик улыбнулся.

– Да, не дрейфь! У меня уже с утра два приступа было. – Андрей с удивлением посмотрел на Егорыча. – И ничего, в обморок не падал.

– Два с утра? – переспросил Андрей.

– Да, поэтому и на ногах-то еле держусь.

Егорыч посмотрел вверх на небо.

– Здорово, что тучек нету. Еще знаешь, эта штука часто наступает, когда свет резко меняется.

Андрей серьезно призадумался. Расклад выходил не веселый. Старик того и гляди, каждую секунду рискует упасть в обморок. А они и так еле идут, могут и не успеть раньше продотряда, а тогда плакали все их мешки с мукой, которые они специально перевезли в сторожку, дабы скрыть от ненасытных лап реквизиционных команд.

Дорожка вилась между елями, то круто беря вправо, то возвращаясь обратно к предгорью. Большие заносы снега говорили о том, что по ней давно никто не ходил, шествовать было тяжело, ноги зачастую проваливались по самое колено. Под толстыми пластами белой пороши незаметно таились камни, в большом разнообразии разбросанные по этой дороге, поэтому путники часто спотыкались об них.

Егорыч заметно слабел, с каждым таким засевающим валуном-шалуном его шаг становился все медленнее. Андрея это совсем не радовало, но терять старика было нельзя. Небо уже начало затягивать невысокой сероватой пеленой, отчего в лесу, где кроны деревьев и так отбিরали существенную часть света, делалось еще темнее.

Какие-то неясные предчувствия лезли в голову Андрея, он уже почти не рассчитывал успеть добраться до поселка раньше продотряда, но ему казалось, что суть не в этом. Нечто иное тревожило разум. Скопившаяся вокруг них тишина хвойной чащобы тягуче давила на нервы.

Наконец-то они услышали журчание ручья. Два часа трудной ходьбы по сугробам не прошли даром, обоим ужасно хотелось пить.

– Повезло нам с тобой, пол недели оттепель стояла, – заметил Андрей, подходя к ручейку, местами пробившему себе через корку льда оконца во внешний мир.

– Да, и то правда, – весело поддакнул ему Егорыч. – А то бы от жажды тут совсем померли.

Андрей, аккуратно, чтобы не взбаламутить воду отломал несколько льдинок вокруг отверстия. Теперь в него вполне могли опуститься обе ладони. Охотник сделал несколько глотков обжигающе холодной воды.

– Давай, дед, пей, но только не долго, и так еле тащимся.

Андрей отошел от ручья, чтобы не мешать Егорычу и утомленным взглядом уставился в гущу леса, куда змейкой удирала их дорожка. Да, а ведь еще идти и идти.

Егорыч встал для удобства на колени, наклонился и принялся утолять жажду, зачерпывая влагу ладонями. В лесу как будто потемнело ни с того, ни с сего. По крайней мере, Егорычу так показалось. В голове пробежали нечеткие ощущения той самой болезни, о которой он так долго и тщательно рассказывал попутчику. Старик тряхнул головой и потер глаза. Вроде прошло. Он снова наклонился к ручью, набрал полную ладонь воды и в таком же положении начал подносить ее ко рту. Его чуть шатнуло в сторону и все содержимое ладони плеснулось прямо в лицо.

Внезапно взгляд Егорыча окутала розовая пелена, все ощущения потупились. К горлу подступила слащавая тошнота. Он как в тумане встал на ноги и сделал несколько шагов назад. Главное переждать и не упасть в снег, иначе все, отключка обеспечена. Прошла еще пара секунд, приступ вроде начал ослабевать. Тошнота постепенно проходила. Вот только все предметы по-прежнему оставались неестественно розовыми.

Егорыч, медленно поворачивая головой, осмотрелся вокруг. Странно, но Андрея нигде не было видно. Речевые импульсы старика еще не вернулись к нормальной работе, поэтому мысль о том, чтобы позвать товарища даже не могла и существовать. Дед плавно повернулся кругом. Его слабо функционировавший в этот момент мозг с трудом различил пару отпечатков валенок Андрея, уходивших за массивную ель, чьи пушистые лапы почти касались самой земли.

«На кой черт он пошел в чашу!» – пробилась слабая мысль у Егорыча.

Он еще с полминуты постоял, пялясь на следы и внезапно для самого себя, почти неосознанно сделал несколько шагов в том же направлении.

«Надо его найти!» – пронеслось в пустынном пространстве разума старика. И он нагнулся, чтобы пролезть под заснеженной веткой дерева.

Розовый снег причудливо поблескивал под ногами, издавая излишне звучный скрип. Полуспававшему на ходу Егорычу даже пришло на ум словосочетание «яростный скрип». Отпечатки валенок Андрея уводили все дальше в глубину леса, но старика это мало беспокоило. Он как-то автоматически просто шел рядом с ними. В голове циркулировали всего три слова: «Надо его найти! Надо его найти!». И видимо, эти наверняка что-то значащие слова заставляли ноги Егорыча двигаться вперед, а глаза смотреть четко на следы, оставленные... Кем же они оставлены? Чьи это следы? Неважно! Надо его найти!

В грудь сильно ударило какой-то воздушной волной, так что голова старика резко откинулась назад и будто болтаясь на эластичном бинте снова вернулась на свое место. Перед его взором больше не было ничего конкретного, всю картину размыло, множество оттенков розового смешались в причудливую палитру. Егорыч остановился, так как никаких приказов к движению больше ниоткуда не поступало.

Внезапно по его рукам побежала неимоверно теплая и быстрая кровь, наполняя их странной небывалой энергией. Сжатые в кулаки пальцы, наподобие увядшего цветка, стали медленно раскрываться, на их кончиках возникло слабое фосфоресцирующее свечение, яркость которого все прибавлялась и прибавлялась с каждой секундой.

Тело Егорыча неестественным образом выгнулось назад и начало подергиваться от нечестных, но мощных судорог. Было заметно, что слабая тень, отбрасываемая им на снег, принялась постепенно расти, приобретая все менее человеческие очертания.

Его нос и рот вытягивались вперед под звонкий хруст ломающихся хрящей, как бы соединяясь друг с другом. Из образовывавшейся звериной пасти пахло неприятным зловонием. Уши резануло пронзительной болью, а глаза расширились. На полуруках-полулапах зарождавшегося чудовища вытянулись большие кровавые когти.

Существо вдруг вздернуло голову вверх и выпустило раздражавшую его изнутри энергию, издав громыхнувший на весь лес пронзительный рев. Перед глазами оборотня завибрировал испуганный воздух, а стоявшие неподалеку сосенки болезненно заскрипели стволами.

Андрей встряхнул головой и несколько раз моргнул глазами, кажется, он задумался, причем минуты на три. Охотник потер пальцами у виска, все еще пытаясь снова сосредоточиться. «Совсем не вовремя, – подумал он, – итак почти не успеваем».

Ноги как-то сами на пятках развернулись назад, где метрах в двадцати от него Егорыч наверняка уже стоял в боевой готовности, вдоволь напившись из ручья.

– Мать твою! Эй, Егорыч, что с тобой!

Старик лежал ничком, уткнувшись лицом в сугроб, неподалеку от ручейка. Его руки без варежек лежали в совершенно неестественном положении. Левая – упершись ладонью в снег, локтем смотрела прямо в небо, а правая – упав сверху на ушанку деда, будто голосовала за что-то.

Андрей подбежал к Егорычу и схватил было того за плечо, чтобы перевернуть, но вдруг замер. Кажется, правая рука старика пошевелилась, словно говоря, не нужно меня трогать. Но нет, ему почудилось. Андрей аккуратно перекатил Егорыча на спину и в некоем ужасе и отвращении отпрянул назад. Из рта деда шла белая пена, пузырившаяся по всему подбородку, глаза закатились и на охотника смотрели мутные белки.

Андрей сморщился. Наверное, надо вытереть пену, но как противно до нее касаться. Он легко хлопнул Егорыча по щеке.

– Эй, очнись, ты что? – его голос дрожал, казалось, он разговаривает с мертвецом.

Понимая, что так ничего не добьется, Андрей стал судорожно перебирать варианты. Мысли беспорядочно вертелись, еще никогда в жизни он не оказывался в такой ситуации.

«Конечно же, полить водой, то есть побрызгать на лицо!»

Охотник потянулся к ручейку и нечаянно задел рукавом лицо старика.

– В-с, черт!

Своим неудачным движением он стер почти половину пены с лица Егорыча, которая все продолжала сочиться у того из открытого рта. Недолго думая, Андрей резкими движениями смахнул ее остатки и чуть брезгливо вытер рукавицу об снег.

Где-то в глубине леса отчетливо треснула ветка.

Охотник настороженно повернулся по направлению звука, но, не придав ему значения, снова уставился на деда.

Нос зверя явственно улавливал чей-то сильный запах. Из ноздрей со свистом вышел переработанный углекислый газ. Существо пошевелило длинными усами. Вокруг него постепенно начинала сгущаться предвечерняя мгла дремучего леса, но глаза хищника ясно различали окружающие предметы. Повелитель был откровенно доволен своим воплощением и, осканился подобием улыбки.

И хоть дышал зверь пока с натугой его вдруг начало распирать от неумного удовлетворения, плечи и голова зашевелились, энергично поворачиваясь в разные стороны. Казалось, существо еле сдерживает себя, чтобы не разгоготаться в полный голос. Однако вздрагивания тела стали угасать. Сейчас не время, он чувствует запах жертвы.

Оборотень нагнулся вперед, так, что передние лапы почти коснулись снега. В таком положении он напоминал гигантского человекообразного только очень уродливого волка,

согнувшегося в предвкушение атаки. Замерев на месте, существо зашевелило ушами, пытаясь уловить какие-нибудь посторонние звуки и, мельком оглянувшись назад, сделало мягкий пружинистый прыжок.

Андрей безуспешно поливал на лицо старику все новые и новые горсти воды. Ему даже начало казаться, что кожа Егорыча принимает иссиня-бледный оттенок. Охотник прислонился ухом к груди старика. Сквозь толстый тулуп было почти невозможно различить удары сердца, нет, их просто не было. Испугавшись своей догадки, он взял Егорыча за запястье и нервными движениями стал прощупывать пульс. Опять ничего. Андрей еще несколько раз пробежался пальцами по венам, схватил шею деда, в надежде, что может быть там есть намеки на пульсацию крови.

Все больше впадая в нервное состояние, он принялся наотмашь бить старика по щекам и с силой трясти его за плечи. Голова Егорыча только безжизненно болталась справа налево.

«Наверное, он задохнулся, – пронеслось у Андрея в голове. – Как же я не подумал, ведь надо было достать язык».

Он кинулся ко рту коченевшего спутника и какими-то судорожными движениями начал в нем копать, пытаясь крепко схватить влажный и противный язык. А потом так сильно дернул на себя, что в какую-то секунду побоялся, что тот просто оторвется.

– Старик, дыши! Дыши, давай! – иступленно завопил Андрей.

Он даже не заметил, как пошел мелкий снежок, и тело Егорыча медленно покрывалось белой пушистой накидкой.

Позади раздался аккуратный хруст веток, и кто-то приглушенно выдохнул.

По спине Андрея пробежала волна ледяного холода. Его руки замерли, не окончив движения, а зрачки расширились от немого испуга. Чуткий слух охотника уже определил, что такой звук не мог издать человек.

Уставившись как бы в одну точку, он начал очень медленно поворачиваться лицом к опасности. Правая рука потянулась к дулу, висящего за спиной ружья. В висках колотило быстрыми увесистыми молоточками. Андрей почти принял нужное положение, когда его взгляд уловил шевеление под одной из близлежащих елей. Он замер. Рука охотника, доползшая до затвора, как-то сразу остановилась, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Однако через мгновение из-под дерева, совершенно бесшумно, подобно привидению, выпрыгнуло ужаснувшее его существо огромного роста. Монстр оскалился и, издав протяжное звериное шипение, корявыми, но мощными прыжками ринулся к Андрею, в мгновение ока, сократив расстояние вдвое.

Охотник в ужасе инстинктивно подался туловищем назад, его лицо перекривилось. Он хотел заорать, но смешавшиеся в один комок губы не давали раскрыться рту. Его мозг ничего не понимал, а в глазах царил неопиcуемый кошмар.

Оборотень уже был рядом, когда лопавшиеся от напряжения губы охотника, наконец, разжались, и Андрей заорал совершенно диким воплем, оборвавшимся через секунду, в тот момент, когда его голова с глухим звуком оторвалась от шеи, не устояв под мощным ударом когтистой лапы, и отлетела, плюхнувшись в глубокий снег.

Глава четвертая. Три брата

– И что это такое? – спросил Колямбо, скривив лицо в недовольную гримасу от вида еды, только что положенной в его миску.

– Макароны с тушенкой, – как всегда звонко откликнулась Юлька.

Однако странная слипшаяся масса, от одного вида которой пропадал всякий аппетит, весьма отдаленно напоминала ему макароны с тушенкой. Колямбо, поморщившись, все-таки решился понюхать содержимое миски. Запах был вроде ничего. Но, господи, что за вид у этих макарон! Он еще с минуту потыкал в них вилкой, как бы настраиваясь испытать неизведанное. И, наконец, положил в рот первую небольшую порцию сегодняшнего ужина.

На вкус это дело оказалось еще хуже, чем выглядело. В нем явно не хватало соли. Но Колямбо был далек от таких кулинарных выводов. И просто посчитал, что сготовленный сестрами ужин – полное дерьмо, и есть его невозможно.

– Юлька, а другого чего-нибудь у нас нет?

– Нет, чего-нибудь другого у нас нет! – с вызовом передразнила его Юлька, видя реакцию на свое блюдо.

– Так, а чего же тогда жрать?

Зубарев оторвался от поедания «дерьмовых» макарон и с серьезным видом заметил:

– Колямбо, лучше давай ешь, а не кривись. Ты сегодня столько сил угрохал, и их надо восстановить. Понимаешь меня?

Голос Олега звучал очень вкрадчиво, почти по-отечески. Похоже, так он пытался вразумить своего напарника по недавнему пилению сосны, что в походной еде ее вкус и облик совсем не главное, главное другое – что это еда и ее нужно есть, иначе... А что иначе? Иначе тебе просто будет нечего есть. Либо ты ешь то, что сготовлено, либо ты бродишь голодный и обессиленный. Третьего не дано.

Колямбо внимательно осмотрел всех членов группы, сидевших вокруг костра. Странно, но все со скоростью метеора, и с нескрываемым удовольствием поглощали свой ужин. Пожалуй, только Бамбук, кушал без особого энтузиазма, но все-таки кушал.

Колямбо отошел в сторону, чтобы на него не глазели. И еще раз попытался прожевать плохо выглядящую смесь макарон и тушенки. Безрезультатно. Эта гадость упорно не желала посылать его языковым рецепторам приятный вкус. А мозг, взбаламученный невзрачным внешним видом блюда, еще больше подсознательно усиливал неприятие.

Однако Колямбо чувствовал, как ноги подкашиваются от усталости, голова почти не работает, а трицепс на правой руке, которой он только что пилил дерево, ноет так, будто в него закачали не меньше литра молочной кислоты. Благоразумие начинало брать свое. Энергетический запас, почти полностью израсходованный за первый день похода, должен быть восстановлен! Под таким лозунгом он, не мешкая, вывалил содержимое миски под ближайшим кустом и полез развязывать свой рюкзак.

Через полминуты в его руках желтел спелый и сочный лимон. Пожалуй, в нем-то витаминов хоть отбавляй. Колямбо думал, что уж лучше взять качеством еды, а не ее количеством. И при всей привередливости к пище, проблема поедания «голового лимона» перед ним никогда не стояла. Жутко кислый вкус страшно полезного цитруса он переносил без труда. По крайней мере, выглядел этот лимон в точности так, как и должен был выглядеть, а не как блевотина итальянца только что поужинавшего в дешевой забегаловке своего провинциального городка.

Один за другим молодые покорители Таганая постепенно скрывались в недрах палатки, подготавливаясь к первой ночевке на свежем воздухе. Перед Колямбо остался только Димка, которого определили лежать вторым от печки, соответственно рядом с печкой должен был

спать сам Колямбо. Позади, вокруг ярко сверкавших углей потухающего костра, пританцовывал Бамбук. Ему, как самому маленькому, предстояло заступить на дежурство в самое легкое время, сейчас, то есть очень поздним вечером.

Наверху сияли далекие звезды. Небо, грозившее с утра затянуться низкими серыми облаками, к вечеру совершенно прояснилось. Колямбо понятия не имел, что за «здоровская» звезда горит прямо над его головой в проеме между верхушками деревьев, но на минуту просто приклеился к ней взглядом. Внутри появилось ощущение невероятного умиротворения и блаженства от окружающей обстановки. Лесная тишь убаюкивала все чувства. На короткий миг у него даже закружилась голова от такого сладостного бессилия. И Колямбо был не против просто упасть в снег, по-прежнему наблюдая за небесным светилом кремового оттенка. Однако внутренний цензор при первых же признаках смещения равновесия вернул разум Колямбо в привычное русло, разбавив поток эндорфинов, казавшийся только что бескрайним, чем-то более приемлемым для нормального существования.

– Блин, чуть крышка не отъехала! – сказал сам себе пошатнувшийся Колямбо.

Димка уже вошел в палатку и возился в ее прихожей, снимая обувь. Похоже, что процесс прошел удачно, и Димкины вязаные носки сверкнули пятками, пропадая за краями входа в основную секцию палатки.

В узкой прихожей оказалось непросто разуться. Рост и длина ног Колямбо серьезно стесняли его движения. Он в положении полулежа спустил с себя бахилы и принялся стягивать зимние сапоги.

– Застегни замки, – послышался командный голос Зубарева. – А то ночью на морозе сапоги скукожатся на пару размеров.

– Ладно, как скажешь.

Колямбо без особых хлопот поднял обе собачки замков до упора вверх и поставил обувь поближе к краю стенки, за которой находилась печка.

– Вот, так, наверное, будет лучше.

Он открыл полы входа в основную секцию и на четвереньках заполз внутрь. В лицо тут же ударил мощный поток тепла. От такого резкого перехода температуры окружающей среды Колямбо стало немного не по себе.

– Ну, ни чего себе парилровка! И что, так всю ночь будет?

Он уже стал пристраиваться на отведенном для него месте возле нагонявшей нестерпимый жар печки.

– Слушайте, я тут обалдею спать. Это же прямо, как в сауне! А я ее терпеть не могу! Олег, может, я куда-нибудь в другое место лягу, а? Тут жарко.

– Ничего, не поджаришься – отозвался Зубарев. – Колямбо, ты же среди нас самый большой.

– Ну, разве что по росту.

– Вот. А самые большие всегда спят у печки. У нас всегда Макс там спал.

Колямбо припомнил длиннорукого Макса, одного из старых зубаревских «пионеров», заходившего как-то в гости на турстанцию еще в Омске. Кажется, тот был практически на голову выше Колямбо.

– Ладно, ладно. – Колямбо все равно был недоволен таким исходом дела. – Только давай, Димка, двигайся тогда. – И вместе с последним словом он подпихнул своего товарища немного вперед, чтобы хоть как-то отстраниться подальше от печки.

Димка недовольно заворчал, но спорить не стал, и уже в свою очередь подпихнул подальше Юльку.

– Не переживай, на ночь меньше сделаем температуру. – Зубарев сел и взял в руки лежавшую где-то в тени гитару. – Просто сейчас надо, чтобы протопилось.

– Ясно, – без энтузиазма ответил Колямбо, и развернулся лицом к огнедышащему монстру палатки.

«М-да, чувствуется, прекрасная будет ночка. Теплая!».

Колямбо открыл правый глаз и посмотрел на свои наручные часы. Еще не до конца сфокусированное полусонное зрение передало в мозг расплывчатую картину из стрелок циферблата. Пришлось открыть оба глаза, и как можно шире. 6 часов 37 минут. Это значит, что поспать удалось только два с небольшим часа из-за этой печки, не дававшей уснуть пол ночи своим жаром.

«Кошмар! – подумал Колямбо. – Два несчастных часа после такой ломовой маршировки с рюкзаком и почти полным отсутствием ужина. И где же я должен взять силы на сегодня?»

Он вздохнул и огляделся. У печки уже никто не дежурил, огонек слабенько светился в дырках ее железного корпуса. В палатке заметно посвежело, от чего еще больше тянуло в сон. В дальнем конце похрапывал Бамбук, остальные, видимо, уже вышли наружу. Колямбо, подхватив свой пуховик, откатился в середину палатки и решил, что было бы неплохо дрыхнуть еще немного.

Однако минут через двадцать по его ногам прополз последний из возможных для такого мероприятия компаньонов. В попытках надеть на себя бахилы Бамбук закричал в прихожей.

«Теперь надо вставать и мне – пронеслось у него в голове. – А то все что-то делают там, а я ни черта не делаю!»

– Вот, блин, а! – сказал Колямбо уже вслух. Ну, на фига я поперся в этот поход! Ни поспать, ни поесть, ни по... еще чего-нибудь. Я пока я не знаю, что. Но чувствую, точно еще что-нибудь будет «ни по...»!

Он потянулся и сладко зевнул, представляя, как следующей ночью ляжет куда-нибудь в самый конец их походного жилища, где всегда прохладно, и тут же отключится в полном блаженстве. Однако до блаженства было еще как минимум часов пятнадцать. А сейчас следовало отбросить все деморализующие мысли и, собрав силу воли в кулак, встать и выйти.

Не прошло и десяти минут борьбы с замерзшими замками на сапогах, как Колямбо уже стоял полностью обутом у входа в палатку, держа в руках бахилы, которые еще предстояло нацепить. Ходить было очень неудобно, сапоги до сих пор не разрослись до прежних размеров и уныло поскрипывали при каждом шаге. Колямбо с трудом доковылял до бревен, положенных вчера вокруг костра, и уселся на одно из них.

Над огнем висел походный чан, в котором, по всей видимости, готовился завтрак. От него исходил весьма аппетитный запах. Однако Колямбо помнил, что и от вчерашних макарон запах шел также вполне ничего. Ну, а то, что получилось в итоге...

– Так. И что за шедевр кулинарии у нас сегодня?

Вертевшаяся вокруг чана Муха подкинула в костер пару колышков, от чего в воздух взметнулась стайка мелких искр.

– Это гречка, – ответила она. – Кстати возьми нож и открой мне пару банок тушенки.

Колямбо тут же вспомнил, под каким кодовым именем проходил этот продукт в списке еды, который Зубарев любезно предоставил за неделю до похода. При прочтении бумаги сразу бросился в глаза пункт 7 – «тушняк». Кстати, в том же списке сгущенное молоко было обозначено как «сгуха». Но «сгуха» еще туда-сюда, но выражение «тушняк» навевало скорее ассоциации с чем-то протухшим. Не очень благозвучное название для продукта. Но что можно взять с этих туристов? Хотя та тушенка, что вчера оказалась замешанной вместе с макаронами, как раз довольно точно по вкусу могла соответствовать определению «тушняк».

– Сейчас донесем то, что осталось от сосны. – Зубарев вытер об какую-то тряпку свою столовую ложку. – Димас, Колямбо, слышите?

– Слышим, слышим, – отозвались парни, доедая гречневую кашу.

– Если быстро управимся, то успеем сходить на Три брата. Думаю, уже не имеет смысла сниматься с вещами и тащиться к Долине сказок, лагерь оставим здесь.

– Да, кстати, место вполне нормальное, – вмешалась Юлька.

– Сушняка здесь хоть отбавляй, проблем с дровами не будет. Все, давайте, топор с пилой в зубы и пошли. – Олег поправил свою куртку и двинулся к сваленной вчера сосне. – Ну, давайте, давайте, а то здесь останемся! Не пойдем никуда!

Колямбо нехотя встал и двинулся за руководом. При слове «сушняк» он вспомнил родственное ему «тушняк».

Через час они впятером, оставив Сапрофеню с Юлькой в лагере, шагали по той самой вчерашней тропе, уводившей дальше вглубь Таганая. Колямбо промучился всю ночь, а теперь ему предстояло покрыть еще километров пятнадцать до каких-то «Трех братьев», заявленных в списке достопримечательностей имени Зубарева, как скалы. Правда, маленькие.

Маленькие лесные скалы «Три брата», что может быть интереснее! Ведь каких-то пятнадцать... ну, или двадцать километров в бахилах и вам откроется прекрасный вид на это чудо уральской природы. Есть одно единственное «но». Ни в коем случае не оставайтесь на ночлег в пределах нашего замечательного парка развлечений «Три брата». В противном случае вы рискуете заснуть и проспать дня три, а то и четыре. Понимаете, воздух у нас здесь какой-то странный, нагоняющий ни с чем несравнимый релакс в ваши члены. А вообще-то, почему люди так долго у нас спят, мы не знаем. Нам это до лампочки! Короче, мы вас предупредили. Хотите – можете попробовать, если до отправления вашего поезда еще пять или шесть дней. Тогда, спите на здоровье! Искренне ваша, администрация дневного санатория пониженной комфортности «Три брата».

– Олег, почему люди там надолго вырубаются? – наконец решил спросить Колямбо. – Может какая-нибудь геомагнитная аномалия?

– Да, кто его знает, какая там аномалия, только то, что у Трех братьев нельзя ночевать, это факт.

– Ну-ну. А то, что мы там будем шататься, это нормально? Только спать нельзя?

– Не беспокойся, елки-палки, жив будешь.

Зубарев явно недопонимал всех этих предосторожностей и осмотрительности Колямбо. Вот он бы, совершенно не думая, мог легко залезть без страховки на любой почти вертикальный гребень или спуститься в пещеру, из которой выберется только прожженный профессионал спелеолог. В общем, искатель приключений в русском варианте. Хотя назвать его совершенно безбашенным Колямбо не рискнул бы. Просто у них были абсолютно разные взгляды на жизнь. Когда Колямбо думал, что здесь надо поостеречься, Зубарев не понимал, чего здесь можно бояться. А когда Колямбо предполагал, что это никому не нужный идиотский риск своим здоровьем, Зубарев считал, что здесь надо быть слегка осторожнее. Вот и все. Но в целом, Олег с честью нес ответственность за группу, а вот за себя он, кажется, не очень волновался.

Денек выдался на редкость безветренным. Все небо с самого утра затянуло плотной завесой бледно-серых облаков, чья почти однородная масса медленно смещалась на восток. Кажется, было не больше минус трех-пяти градусов. Шел снег. Отличная погода для раннего ноября.

Колямбо глубоко вдохнул свежего уральского воздуха и, чуть прикрыв глаза от наслаждения, выпустил через рот струйку теплого пара, который тут же растаял в окружающей атмосфере. Он отвинтил кружку своей фляги и глотнул воды, специально отведя железное горлышко подальше, чтобы на ходу не лишиться зубов. Много воды пролилось мимо, попав прямо на пуховик. Колямбо сделал недовольную гримасу, обратно закрутил крышку и стряхнул оставшиеся капли с одежды.

Шлось легко, воспоминания о недополученном сне улетучились. Перед ним уверенным шагом двигался Зубарев. Иногда руковод немного замедлялся, заметив стоящую рядом с дорожкой ель или пихту. Дождался позади идущих, и, поравнявшись с хвойным деревом, на пушистых лапах которого лежали килограммы слежавшегося снега, со всей силы бил по нему ногой. Последствием такого шоу становилось выпадение обильного снегопада на головы и за воротник его товарищей, которые сопровождали это прекрасное явление криками, визгами, а иногда и матами. На самого же Зубарева не падало ничего, он уже успевал отойти от места бомбардировки. Хуже всего приходилось второму и третьему человеку от головы колонны. У тех, кто плелся в конце, еще могло остаться время для реагирования, второй и третий – были лишены такой возможности и принимали весь удар на себя.

Постепенно Колямбо освоился с правилами этой игры и, высмотрев впереди подозрительную елку, резко тормозил, отпуская Олега, или пристально следил за его движениями, чтобы быстро убраться в сторону. Однако недовольство группы на действия руководителя постепенно нарастало, что, в конце концов, превратилось в веселую неразбериху, когда каждый стремился возглавить отряд перед очередной елкой-пихтой и шлепнуть по ней ногой, осыпав остальных пластами снега. Колямбо, поначалу тоже пару раз отличившийся взятием нескольких деревьев, затем просто переместился в самый арьергард группы, предоставив возможность всем прочим толкаться и обсыпать себя снегом хоть до умопомрачения. А сам спокойно двигался на безопасном расстоянии и посмеивался над разворачивавшимися перед ним боевыми действиями.

Дорожка уже давно отвернула в правую сторону. Курумника больше не было видно, похоже, он просто кончился. Теперь со всех сторон их окружал плотный строй хвойных деревьев, иногда разбавлявшихся березами. Ручеек, который они нарекли ручейком Надежды, по-прежнему вился недалеко от пути, иногда пропадая, где-то в лесу, иногда снова, неизвестно откуда выныривая прямо под ноги.

Колямбо, наученный опытом прошлых неурядиц с временным отсутствием воды, использовал каждое такое пришествие ручья с пользой для дела. Даже если во фляжке еще оставалось достаточное количество жидкости, он непременно заполнял ее до краев. Мало ли! Поедать снег он больше не собирался. Не вкусно и не питательно.

Вскоре они вышли на опушку, которую пересекала мелкая горная речка. Как показалось Колямбо, шириной не более пяти метров. Глубина, конечно, не ахти какая, ну, разве что босому человеку можно косточки на ногах намочить. На вопрос к Зубареву о ее наименовании, руководитель ответил: «Небольшой приток Киалима».

Здесь дорожка разветвлялась, одно ее направление уводило дальше в чашу, другое – круто брало влево, постепенно начиная подниматься на какие-то поросшие лесом холмы, видимо, являвшиеся предтечей настоящих гор. Тех самых, чьим видом Колямбо наслаждался, стоя на вершине вчерашнего перевала.

Муха с Бамбуком, заморенные игрой в «обкати снегом позади идущего», тут же дружно отправились на водопой. Димка, походивший в своем меховом тулупе на медведя средних размеров, особенно когда надевал на голову капюшон, пустым взглядом смотрел на бегущую по камням воду.

– Еще двадцать минут, и мы дойдем, – сказал Зубарев, разглядывая подъем, по которому им предстояло продолжить путь.

– То есть мы так быстро дошли до этих Трех братьев? – Колямбо явно обрадовался подобному исходу, он никак не ожидал, что это почти рядом. Хотя какой там рядом. Часы показывали ровно два по полудни. А вышли они из лагеря в двенадцать. «Значит, два часа шагали, плюс еще, как было объявлено, минут двадцать. До Трех братьев два с половиной часа ходу!» А если условно принять, что их скорость была, ну может быть четыре километра в час, то получается около десяти километров.

«Десять километров за два с половиной часа? Да, раз плюнуть!»

Вот так он будет рассказывать дома, когда вернется. Десятка туда – десятка обратно. Подумаешь. Просто ерунда!

– Ну, где ваши братья? Один лес кругом. – Колямбо непонимающе обвел руками перед собой. – Мы уже на этот холм почти полчаса идем.

Его нога проскользнула на обледеневшем небольшом камне:

– Блин, чуть не навернулся!

– Вот они, – сказал Зубарев монотонным голосом человека, сто раз выдавшего этих «они».

Димка и Колямбо с широко раскрытыми и недоуменными глазами, уставились на грядку невысоких малопривлекательных утесов.

Такая картина никак не вписывалась в понятие Колямбо о скалах. В его представлении «Три брата» должны были быть высокими и остроконечными скалами недружелюбного вида. Стоящими где-нибудь отдельно у подножия гор, с почти вертикальными подъемами со всех сторон. Ну, или, по крайней мере, стоящими, где угодно, но только не в лесу посреди елок и сосенок, маскирующих Братьев под незатейливое изваяние местного природного ландшафта.

Ореол необычного и таинственного места, у которого к тому же можно заснуть на несколько дней, испарялся как маленькая лужица в летнюю жару.

– Тю-ю-ю! – протянул Колямбо. – И вот это и есть те самые скалы?

– Чем они тебе не нравятся? – заступилась за них Муха, проходя мимо остановившихся Димки с Колямбо.

– Да, в общем-то, ничем.

«Конечно, а какое собственно чудо здесь может быть. Чего это вы ожидали, господа? Это вам не Большой каньон Колорадо».

– Как ты думаешь, сколько тут этажей? – прервал его размышления Димка.

Колямбо оценивающе посмотрел на первого из Братьев. Молодая сосна мешала до конца увидеть весь предмет оценки, и он сделал пару шагов в сторону.

– Наверное, этажей пять. – Колямбо резко повернул голову к Димке и заинтересованно взглянул на него. – А ты что, тоже высоту этажами, а не метрами измеряешь?

– Ну, да. А что тут такого?

– Нет, просто порой кажется, что все высоту измеряют этажами. Метрами городским жителям как-то неудобно.

– Согласен. Этажами – сподручней. – Димка развернулся, и устало зашагал за ушедшими вперед товарищами.

Через пару минут их отряд остановился. Колямбо воспользовался передышкой и посмотрел назад, затем посмотрел вперед, и понимающе сам себе покивал головой.

– Да, теперь ясно, что их действительно три, я имею в виду Три брата. – Колямбо решил повысить голос, чтобы следующее саркастическое изречение стало достоянием слуха каждого из его друзей. – А то из-за деревьев этих Братьев вообще видно не было, а теперь я и сам знаю, что их три. Одного мы прошли. Второй – прямо передо мной. А третий, вон, угадывается среди сосен, конечно, учитывая опыт обнаружения первого брата!

Наконец отряд добрался до последней скалы. У подножия находилась внушительная площадка, на которую тут же легко взбежал Бамбук.

– Здесь мы разведем костер. – Зубарев указал на небольшую ямку, посреди террасы. – Только много хворосту не набирайте. Так, поджарим хлеб, погреемся, да пойдем.

На лице у Мухи выразилось разочарование.

– Как, уже назад пойдем?

Похоже, для нее любая фраза со словом «назад» ассоциировалась с «назад домой», а домой, как понял Колямбо, Муха хотела меньше всего. В походе она чувствовала себя свободной, что ли, принадлежащей самой себе. К тому же сейчас старшая сестра, которая даже здесь пыталась Мухой немного понукать, была не рядом, а осталась в лагере. Поэтому и обратно в лагерь Муху тоже не тянуло. Среди равных по званию ей было хорошо.

– Нет, ну, мы можем подальше пройти. – Зубарев уселся хобой на стоящий недалеко от кострища камень. – Тут покрутимся, пофотографируемся.

– А может, заодно и поспим здесь? – приколся Колямбо.

Димка с Бамбуком оценили его шутку и тихонько рассмеялись, тщетно пытаясь раздуть в их скромном костерке угасающий огонь. Олег тоже улыбнулся.

– Так, давай! Мы тебя здесь оставим, а в пятницу придем забрать назад.

– Ага, ну да! А спать я под открытым небом буду?

– Ну, почему же. Можешь под закрытым. Найдем тебе какой-нибудь карнизик.

– Заодно еды сэкономим, – вмешался Бамбук.

Колямбо сделал скептическую гримасу и криво глянув на Бамбука, решил закрыть эту тему:

– Ладно, будем считать, что я поверил, будто здесь засыпают на несколько дней.

Муха подбросила хвостину в начавший постепенно разгораться костерчик и повернулась к Колямбо лицом.

– Да, было это! Было! Уже не одна группа так пропадала у Трех братьев.

Вечно серьезный вид Мухи и ее особенность не разбрасываться словами попусту, внушали доверие ко всему, что Колямбо от нее слышал.

Он осмотрелся вокруг, пытаясь найти хоть какой-то намек, на то, что это место является аномалией. Его знаний хватало на странного типа камни, высохшие и скрюченные в неведомые спирали деревья и кустарники, отсутствие птиц и животных. Однако сосны и ели производили вполне здоровый вид, ему даже показалось, что их стволы даже слишком ровные. Никаких необычных камней или валунов тоже не замечено, они все точь-в-точь, как и те, что лежали по всему протяжению пройденного пути. По одному из уступчиков скалы, расхаживала упитанная ворона, жадно поглядывая в сторону сумки, из которой виднелись нарезанные куски хлеба.

– Ясно. Я и не ставил под сомнение то, что у Трех братьев можно надолго заснуть. Просто всегда любопытно это проверить. Ладно, где тут у вас хлеб берут? Хочется перекусить. Между прочим, кто-то нам обещал сала к нему?

– Сало там, на дне, – Олег махнул свободной рукой в сторону сумки. – Ты сначала хлеба поджарь.

Колямбо соорудил себе некое подобие вертела, надел на него кусок хлеба и поднял над пламенем. Бамбук и Димка, первыми приступившие к жарке, уже хвастались готовыми изделиями, и дули на них, пытаясь быстрее остудить, чтобы спокойно положить сверху сало.

По верхушкам деревьев пронесся несильный ветерок, разбавив своим присутствием нависшую было тишину. Рядом упала сорванная им пара еловых иголок. Колямбо посмотрел в низкое сероватое, но абсолютно безмятежное небо, навевавшее, странное расслабление, расслабление притаившейся природы.

«И все-таки на природе здорово, – подумал он. – Красиво и здорово. Наслаждайся этим, пока ты здесь».

Слегка перекусив, ребята облазали все доступные карнизы и площадки на третьем и втором Братях. Зубарев уверенно дирижировал их движениями, при подъемах или спусках по скалам, фотографируя покорителей высот снизу. Колямбо, не особо жаловавший рискованные восхождения, пару раз сменил руковода на этом ответственном посту.

– Не, тут этажа три, я не полезу! – так ответил он на очередное предложение Олега, и безапелляционно взяв из его рук фотоаппарат, перемотал пленку до следующего кадра, что означало, можете даже не уговаривать.

Было уже четыре часа дня, когда Зубарев скомандовал группе возвращаться в лагерь. Юные туристы, воодушевленные успешными подвигами на Трех братьях, весело двинулись за ним следом.

– А по первому Брату мы еще не лазали? – вдруг заметил Бамбук, когда туристы проходили мимо скалы.

Колямбо уже основательно поднадоело это занятие, которого он, следует признать, откровенно побаивался.

– Ничего, в следующий раз, – жестко ответил он.

«Вот, долбанные скалолазы, так и навернуться недолго! Все бы им на что-нибудь взгромоздиться».

Но колесо было уже запущено, Олег резко остановился и опытным взглядом стал осматривать скалу, пытаясь выискать место поинтереснее.

– О-о-о.. – недовольно протянул Колямбо. – Сейчас еще куда-то взбираться будем. Олег, может хватит, не пора ли нам домой?

Но Зубарев как будто его не слышал.

– Вон, Муха, гляди! Давайте, туда поднимайтесь, я вас сфотографирую.

Колямбо закатил глаза к небесам, и немного постояв, подошел к Олегу.

– Дай мне, я туда не полезу, сам сфотографирую. – Он протянул руку, чтобы взять обмотанный со всех сторон синей изолентой «Кодак».

– Нет, Колямбо, – руковод заговорил тоном, не терпящим возражений. – На этот раз ты не отмажешься, ты тоже полезешь, как и все.

– Никуда я не полезу, лазайте сами!

– Да, чего ты боишься? – Подошла Муха и положила ему на плечо свою ладонь. – Никто не упадет, тут падать-то не с чего.

Колямбо, увернулся от ее руки и, изобразив на лице гримасу «как вы мне все надоели», решил не уступать ни за что.

– Нет, нет, нет, и не стоит уговаривать.

Подошел Димка:

– Да, ладно, чего ты как не пацан!

– Ну, начинается! Не пацан! Еще там кто-нибудь! Не полезу и все.

– Колямбо, ну чего ты ломаешься? – Зубарев перешел на свою полусутолившую речь, это было легко узнать по характерным легким преднамеренным заиканиям перед каждым следующим словом. – Вон, Бамбук младше тебя на четыре года, а без всяких выкрутасов спокойно взбирается на все места.

Олег, встал позади Колямбо и аккуратными движениями начал его подталкивать к скале.

– Давай, иди, не трусь, делай как все. Я снизу буду подсказывать, куда и что ставить.

– Да, не боюсь я ничего! Я лезть не хочу! По деревьям люблю, а по скалам... не хочу.

Но Зубарев уже почувствовал в голосе Колямбо пораженческие нотки и решил довести дело до конца. Он по-прежнему подпихивал Колямбо вперед, тихо приговаривая:

– Иди-иди, полезай со всеми, будет потом что рассказать.

Колямбо понял, что, по-видимому, увильнуть не удастся и, скрипя зубами, согласился:

– Ладно, черт с вами, залезу! – Он посмотрел на первого Брата. – Куда взбираться то?

– Вон, туда, на ту площадку, видишь. – Зубарев указал на небольшую террасу почти под самой вершиной скалы.

Колямбо, которого до этого момента не очень интересовало, куда все планируют карабкаться, удивленно округлил глаза.

– Ничего себе! Да, здесь, здесь... – Он пытался сосчитать примерное количество этажей. – Да, здесь этажей пять, ну минимум четыре.

– Ну, и нормально. – Зубарев отошел от него и присоединился к кучке своих подопечных уже нетерпеливо потиравших руки около начала предполагаемого маршрута подъема. – Вот так и полезем. – Он показал вверх, делая кистью руки волнообразные движения.

Колямбо снова с удрученным видом вскинул голову и посмотрел на высокую площадку. Да, там действительно было этажей пять. Подъем, как он уяснил, пройдет по местами почти вертикальной, но вполне доступной стене, изобиловавшей множеством выпирающих камней, удобных для хвата, больших вымоин, чтобы туда ставить ноги, и мелкими промежуточными площадочками. В общем, весьма заурядной трудности подъем. Однако некоторые участки выглядели обледелыми, а у Колямбо на руках красовались обыкновенные зимние обшарканные перчатки из кожама, а на ногах совсем не лазательные бахилы из гладкой резины.

– Ну, да. Взобраться-то можно, – проговорил он сам себе. – А вот спускаться будет не сладко.

И тут ему в голову, разметаая все остальные мысли по углам сознания, ворвалась кошмарная, но до удивления спокойно прозвучавшая фраза: «Я оттуда упаду!».

Он перевел взгляд на белый снег под ногами, пытаясь как-то позабыть или отбросить только что пришедшее в мозг. Безрезультатно. «Я оттуда упаду!».

«Я оттуда упаду!» – прозвучало у него в голове еще раз десять. Для другого человека этого было бы вполне достаточно, чтобы началась паника. Но Колямбо был абсолютно спокоен. Его будто бы выключили и оставили всего одну задачу – «ты знаешь, что упадешь, но делать нечего, нужно лезть, ищи варианты выхода из ситуации».

И он стал искать. Еще раз, прищурившись, бегло оглядел площадку и маршрут подъема на нее, проходивший почти по одной линии, практически не удаляясь ни влево, ни вправо. И принялся подыскивать место, куда падать.

Снега вокруг Братьев было предостаточно. Некоторые сугробы доходили Колямбо до шеи, правда, лежали в некотором отдалении от скальных стен, метрах в двух-трех. А у подножия были голые камни.

Димка первым начал взбираться вверх. Колямбо, наблюдая за его движениями, отошел от стены, как раз туда, куда по идее и можно было бы упасть. Рука по плечо вошла в огромный сугроб. «Вроде без потайных камней», – подумал он. Однако рядом лежали два совсем не маленьких валуна, встреча с которыми грозила сломанными конечностями. Так что попадать необходимо точно между ними.

«Ну, что ж. Участок три на три. Можно сказать прямо по центру подъема. Остается только не промазать». Колямбо глубоко вздохнул от такой перспективы. Царившая в нем сосредоточенность и даже какое-то дьявольское спокойствие никуда не уходили, чему он и сам удивлялся.

И все же лучше не доводить дело до таких мер. Лучше просто залезть и просто слезть с этой вершины. Вот и все.

Он внимательно следил за каждым движением Мухи, ползшей второй по счету.

Сапрофеня был уже в двух метрах от площадки, еще десяток секунд и он будет там. Колямбо, бесстрастно взирая на него, подошел вплотную к скале, пора подниматься. Руки взяли за первые выступающие камни, левая нога встала на естественную ступень, он полез наверх.

Тщательно изучив на опыте своих друзей маршрут подъема, Колямбо безошибочно и уверенно продвигался к цели. Он обстоятельно оглядывал каждую следующую выемку, куда должны встать ноги или за что должны схватиться руки. Подъем давался на удивление легко. В его голове царила почти полная пустота, никаких посторонних мыслей. Лезть, лезть, лезть.

Несмотря на то, что разум не обрабатывал ни единой четкой фразы, в подсознании, по мере приближения Колямбо к площадке, возрастало восхищение собой. «Это же надо было так себя настроить, после кошмарной фразы о том, что он упадет, пришедшей из ниоткуда! Но тихо, тихо! Ни о чем не думать. Просто лезть!»

Осталось сделать всего пару движений, он уже видел бахилы своих товарищей, стоящих на достигнутой террасе. «Спокойно, не расслабляйся, доделай это до конца. До конца. Рано еще расслабляться».

И действительно, рано. Этим летом он получил замечательный урок. В первый день их с отцом приезда в дом отдыха, не прекращаясь, лил дождь. Колямбо, настроенный на активный отдых, с трудом пересидел эту непогоду. Дождь прекратился лишь к вечеру. В бору стояли четко ощутимые сырость и прохлада. Делать на улице, собственно говоря, было нечего. Но он вышел, так, чтобы развеяться.

Минут десять побродив по округе, Колямбо решил залезть на большую горку, типичную для всех домов отдыха. Доски ее спуска были очень влажными и на вид довольно скользкими. В желании развлечь себя и в поисках легкого испытания, которые он выдумывал не так уж и редко, Колямбо решил аккуратным шагом спуститься с горки не по лестнице.

Пять секций покатоого деревянного покрытия горки были уже позади, оставалась последняя, почти пологая. Думая, что дело сделано, он выпрямился, убрал правую руку от ободка, за который немного придерживался перед этим, и сделал уверенный шаг. Нога неожиданно поехала вперед, естественно, что его задница отправилась на мокрую поверхность горки. В результате непродолжительного полулежания на влажных досках, спортивные штаны были безнадежно промочены на самом интересном месте. В корпус просто так теперь не войдешь. Не маленький уже мальчик, засмеют. Пришлось, полчаса бродить по бору вдали от корпуса, иногда энергично тряса штанами, ради ускорения процесса просушки.

Колямбо благополучно взобрался на площадку, где его уже ждали четверо товарищей.

– Вот это подъем, по-моему, быстрее всех! – Димка первым подошел к нему и хлопнул по плечу. – А ты еще взбираться не хотел.

Колямбо, в общем-то, нечего было ответить, он и сам со сдержанной улыбкой на лице тихо восхищался собою:

«Да, я был просто великолепен!». «Ты был просто как Повелитель леса!» – неожиданно добавил чей-то чужой голос в его голове.

Колямбо замер, будто его вморозили в снег. Улыбка в момент исчезла. Его широко раскрытые глаза медленно ходили из стороны в сторону, он будто прислушивался, боясь пропустить малейший подозрительный звук.

«Мать твою, что это?» – подумал он. «Опять, что ли?» – Колямбо резко двинул правой рукой по слегка замерзшему бедру. «Больно. Нет, наверное, я тут, то есть не в обмороке».

– Эй, Димас!

– Что?

– Да, нет. Ничего. – Колямбо выдохнул. – Это я так, проверка связи. Все нормально.

«Все нормально. Но все ли нормально? Откуда этот Повелитель опять всплыл?»

«Тьфу, блин!» – он вновь вспомнил запах слюней уродливого зверя.

«Ладно, все, забыли».

Но забыть было непросто. Ему как-то удалось сегодня выбросить из головы мысли об обратном. И вот, вдруг опять.

Снизу донесся призыв Зубарева:

– Эй, встаньте вместе, сейчас я вас щелкну!

Какая-то туманная обеспокоенность поселилась внутри. Колямбо всеми силами пытался отогнать прочь то, что могло быть вскрыто его мозгом. Как ящик Пандоры, который пока валялся у дальней стенки его сознания и угрожающе шипел. Что там, Колямбо догадывался,

но озвучить это самому себе, значит, вскрыть ящик, и тогда это точно произойдет. А так, есть шанс, что любопытные мысли, стайкой кружившиеся вокруг тайника в ожидании сувенира, наконец-то устанут и, видя отсутствие всякого интереса со стороны своего хозяина, отправятся полетать куда-нибудь в другое место сознания, подальше от ящика.

Зубарев давно уже их сфотографировал и, кажется, сделал два кадра. Колямбо этого не запомнил, он был занят игнорированием мыслей, все его внимание было обращено как бы внутрь себя. Движения в реальном мире происходили на автомате.

Надо встать ближе к Мухе, а то он не входит в кадр? Пожалуйста, нет ничего проще – шажок вправо. Теперь посмотреть на Зубарева, а не куда-то на сосны? Отсутствующий взгляд медленно переползает на силуэт Олега. Улыбнуться хоть чуть-чуть? Ну, да. Да. Сейчас. Да не ори ты, сейчас улыбнусь! Для этого надо немножко вернуть себя обратно. Механически улыбаться не получается, эта функция у него еще не автоматизирована.

Настало пора спускаться со скалы. Зубарев снизу дает последние наставления: не спешить, слушать его, крепче держаться руками. «Да, это я слышу. Я уже почти забыл про ящик, он уже почти не интересен мне. Это хорошо. Скоро я вообще о нем забуду, и он исчезнет сам собой. Главное расслабиться. Когда я расслаблен, мысли становятся вялыми и нелюбопытными».

Бамбук первым начинает спускаться. Вниз всегда тяжелее, иногда бывает не видно, куда ставить ноги. Шапочка Бамбука постепенно скрывается за линией плоскости площадки. Колямбо, следя за шапочкой, как-то неосознанно подходит к краю скалы, пытаясь как можно дольше продержаться головной убор товарища в поле зрения.

Сонм полуспящих мыслей Колямбо, медленно кругами парит в неизвестном им направлении. Они все под властью гипнотического взгляда своего хозяина. Они ничего не хотят, им все по барабану. Если им сейчас дать команду завывать, они устало и протяжно завоют, как стая полуживых одичавших собак, которым ну очень хочется спать, но какой-то идиотский животный инстинкт сам открывает их пасть и надрывает глотку.

Глаза Колямбо смотрят, как Бамбук весьма успешно продвигается по стене, туда, к земле, к подножию скалы, к Зубареву... «О, господи, как же здесь высоко!»

В полузаспанных глазах мыслей моментально вспыхивает огонек жизни, хозяин вернулся из потаенных далей самого себя.

Колямбо в ужасе понял, что совершил ошибку. Сейчас то, о чем он догадывался, но не оглашал вслух, дабы это что-то не получило силы, вырвется на свободу.

Прочный замок после первого же удара чудовищной силы слетает с ящика и катится прочь от него. Под благоговейный визг мыслей крышка буквально отлетает назад.

Тело Колямбо внезапно передергивает, его лицо искривляется от неожиданного укола. Он понимает, что фраза «Я оттуда упаду!» вернулась. Ему становится не по себе. В его голове начинает расти уверенность в необратимости падения. Она поглощает все больше и больше пространства, еще минута и она сожрет его мозг, не дав шансов на спасение. «Стоп!» – взревел Колямбо внутри себя. У него еще есть возможность вернуть все на место. Пусть он уже все озвучил, пусть он уже все знает, но он может перебороть себя. Ведь это он хозяин, хозяин своих мыслей и тела, это его вотчина. И даже если какая-то часть вырвалась из-под контроля, он должен призвать ее к порядку, ей еще никто не выдавал документов на право суверенитета.

Колямбо становится на колени и начинает опускать левую ногу вниз на уступ. Руки цепко схватились за большой камень, но кажется, они немного трясутся. Он замечает это, и волнение только усиливается. В голове упорно носится ощущение, что через несколько десятков секунд может произойти нечто нехорошее, сердце яростно бьется в груди.

Он с трудом разбирает слова Зубарева, летящие снизу, на них невозможно сосредоточиться, когда все твои нервы напряжены как струна. Но пока что Колямбо и сам видит, куда ставить ноги, этот участок стены довольно пологий.

Похоже, Колямбо уже преодолел два этажа высоты. Да, спускаться точно сложнее. До земли еще далеко. Нервы вроде бы постепенно начинают успокаиваться. Но впереди самый трудный, почти вертикальный отрезок скалы. Его руки лежат на небольшой обледенелой площадке, держась за выступы льда. Здесь вроде все нормально. Левая нога уверенно стоит в отверстии. Здесь вроде тоже все хорошо. Теперь нужно убрать правую ногу и нащупать ей что-то внизу. Колямбо пытается посмотреть, что там. Но ему ничего не видно. Наверное, уступ находится под плоскостью нависающей стенки.

– Олег, там точно что-то есть? Я не вижу.

– Давай, убирай правую ногу и ставь ее ниже, – Зубарев уже в третий раз за последние двадцать секунд говорит эту фразу и с каждым разом его голос становится все грубее и грубее.

– Но там же ничего нет!

– Да, давай ты, блин, ставь, я тебе говорю!

Колямбо стягивает правую ногу с опоры, вес тела переходит на другую точку. Все, теперь эту ногу назад не вернешь, либо она встанет на уступ ниже, либо не встанет вообще.

Он пытается ей нащупать хоть что-нибудь внизу, но безрезультатно. Сердцебиение снова учащается, руки начинают вздрагивать.

Снизу доносятся команды Зубарева:

– Ниже! Ниже ногу и правее! Ниже, правее! – орет Зубарев.

Но от увеличения громкости его команд Колямбо не становится яснее, где искать уступ. Правая нога безуспешно пытается найти то, что должно быть ниже и правее.

– Да, нет там ничего!

– Я тебе говорю есть! Ниже надо, ниже!

– Куда еще ниже, я и так ногу до упора вытянул!

Колямбо уже на взводе, так болтаться на одной ноге он долго не сможет, левая устает. Он крепче перехватывается руками и переносит вес тела немного назад, чтобы правая нога могла опуститься подальше вниз.

– Да, правее же! – кричит Олег. – Еще правее! Нет, не туда. Пониже, ниже!

– Да елки-палки, где эта твоя долбанная дыра?! – в нервном выкрике Колямбо явственно угадываются нотки отчаяния. Его голос почти срывается.

Все его лицо стало алым от напряжения, глаза лихорадочно пытаются хоть что-нибудь рассмотреть внизу на стене. Он быстрым взглядом обводит участок скалы перед собой, пытаясь найти другой путь. Но бесполезно. В таком состоянии его мозг ни на что не способен. Похоже, он в особого вида ловушке, называется «болтаюсь на скале, пока не упаду и не разобьюсь».

– Ниже, правее!

Колямбо предпринимает еще одну попытку дотянуться ногой до неизвестности, понимая всю ее тщетность.

– Ниже-е-е, правее!

Колямбо еще крепче сжимает руки и вдруг, те два ледяных бугорка за которые он держится, казавшиеся вросшими в площадку, отламываются от нее, и слегка коснувшись пуховика, улетают вниз. Он едва успевает подтянуться чуть вперед, шлепнув перчатками по ледяной поверхности площадки. Пальцы растопыриваются как можно шире, пытаясь зацепиться.

– Ниже, правее!

Колямбо больше не слышит Зубарева и все его «ниже, правее». Он судорожно смотрит, как обе руки очень медленно, как бы издеваясь, поехали по скользкой площадке к туловищу. Перехватываться не за что, до верхнего выступа он не успеет достать – сорвется. Да и не сможет, точка опоры слишком оттянута назад. Не факт, что он смог бы это сделать, даже если бы на площадке были другие предметы для хватки. Колямбо чувствует, как его постепенно уводит назад, туда, в пропасть.

Все, это конец. Его мозг сейчас больше похож на монолитный камень, такой тяжелый и такой бесполезный. Все, что он делает, это широко раскрытыми в ужасе глазами пялится на плавное поступательное съезжание рук.

– Ниже, правее! – Олег делает паузу. – Колямбо ты там что, заснул?

Но тут происходит невероятное, что случается в моменты самой крайней опасности. Взгляд Колямбо проясняется, холодная волна протрезвления пробегает по всему телу, его лицо слегка передергивает. Руки продолжают съезжать, но то, как он на них сейчас смотрит уже трудно назвать безысходностью и отчаянием. Колямбо прищуривается, глядя на перчатки, как будто что-то высчитывая, немного подтягивает торс к стене, на столько, чтобы не лишиться опоры. Из окружающего обзора он быстро выхватывает место, где должно быть отверстие для правой ноги, но снова его не видит.

– Ниже, правее!

Зубарев, наверное, еще не понимает, что Колямбо даже не думает нащупывать эту проклятую выбоину в скале. Его мозг работает в ином направлении. Из головы словно вычеркнули фразу «Ты оттуда упадешь!». Волнение и ступор, вызванные необъяснимым предчувствием обреченности, улетучились, не оставив и пятнышка в сознании.

Колямбо вспоминает самое главное, о чем думал еще до подъема. Он немного разворачивается вправо и из-под руки бросает взгляд вниз. Все четко. Он находится как раз над тем местом, куда можно спрыгнуть, каменные валуны лежат метрах в двух правее и левее. Теперь нужно только не промазать.

В обычной ситуации он, скорее всего, решил бы себе посчитать, что-то вроде: «Раз, два, три-и-и!». Готовясь на это самое «Три» улететь вниз. Однако на деле иногда улетаешь и на «Четыре» и на «Пять», а бывает, что начинаешь отсчет заново. Такой считалке больше подходит определение «считалка фаталиста». Ты знаешь, что тебе в любом случае придется сделать то, чего ты так боишься. Вопрос только в том, насколько долго будет затягиваться выговор цифр. Запуск этой милой процедуры стимулирует настолько потрясающее своей быстротой распространение страха в мозге, что перед цифрой «Три», ты буквально деревенеешь от ощущения близости того кошмара, в который настало время шагнуть.

Но Колямбо даже и не думает считать. Ему хватает пары секунд, чтобы определиться с силой толчка и направлением прыжка. Собираться с духом – нет времени, да он об этом и не вспоминает.

Зубарев делает очередную попытку выкрикнуть свое коронное в ту минуту: «Ниже, правее!», когда до него доносится спокойный и громкий, ровно на столько, насколько это необходимо, выкрик Колямбо:

– Зубарев, я падаю!

И с этими словами он отталкивается от стены.

Полет проходит столь стремительно, что Колямбо не успевает запомнить ни единого его этапа. Мозг включается только, когда тело оказывается почти по уши в огромном сугробе, аккуратно между двух примеченных валунов. Похоже, он приземлился на что-то среднее между выражениями «упал на ноги» и «упал на зад». Колямбо первым же делом сосредотачивается на своих ощущениях. Сигналов ноль. Никакой боли нигде нет.

Не ожидав увидеть, все только что произошедшее, к нему тут же подлетают Зубарев и Муха.

– Ты жив?! Ты жив?! – Судя по звучанию их голосов, они явно озабочены его здоровьем.

Муха тянет руку к Колямбо, как будто пытаясь вытащить из снега, но она еще не уверена, что товарищ ничего себе не сломал и ее забота не обернется болевым приступом.

В голове у Колямбо на секунду проскакивает озорная мыслишка слегка сыграть роль неудачно приземлившегося скалолаза, но моментально отлетает прочь. В целом, сейчас не до

шутки, и еще хорошо, что все так закончилось. Не каждый день падаешь со скалы, где-то с четырех-трехэтажной высоты. Хотя бы даже и в снег.

– Да, нормально все. Все на месте. – Он им слегка улыбается, чтобы не было никаких сомнений в адекватности его поведения.

Колямбо, взявшись за руку Олега, медленно выбирается из сугроба. Снег, кажется, забрался даже за шиворот. Там холодит больше всего. Бамбук с Мухой начинают аккуратно его обтряхивать. Колямбо рад бы им помочь, но у него уже почти не осталось сил. Четкость и сосредоточенность мыслей и движений сразу же испаряются. На все члены наваливается тягучее ощущение усталости, от которого так хочется присесть и отдохнуть. Но присесть он не успевает.

Сверху доносится шлепок, будто кто-то поскользнулся и со всего маху плюхнулся на лед. Вслед за этим до слуха долетает скрежет обуви об каменную поверхность, секунду он нарастает и вдруг сменяется испуганным человеческим «А-а-а-а!» и легким свистом тела, рассекающим воздух. Колямбо только и успевает подумать, что спускался не последним.

Лицо Зубарева в раз побледнело и стало каким-то испуганным. Он смотрел туда, куда только что упал, сорвавшись со скалы, Димка. Колямбо так и не решился перевести глаз и по-прежнему замороженным взглядом наблюдал за реакцией руководы, силясь уловить, насколько все плохо. С момента димкиного падения прошло уже секунд пять, но никаких криков от дикой боли не последовало, а Колямбо уже успел просчитать, что его товарищ, видимо, приземлился аккуратно на правый из помеченных ранее валунов или совсем рядом от него. А может, он вообще разбился на смерть?

Однако тут послышался глухой стон Димки, раздававшийся как бы из-под снега. Наверное, не у одного Колямбо отлегло от сердца после этого звука.

Первой справилась со своим оцепенением Муха, и подскочила к пострадавшему. Задышавшись от волнения, она открыла рот, но никак не могла ничего сказать, быстро оглядывая товарища, будто пыталась на нем что-то найти.

«Вроде никаких сломанных костей не выпирает», – почему-то вдруг подумалось Колямбо.

Димка лежал как бы на боку, прижавшись спиной к тому самому валуну. И отсутствие снега на камне подсказывало, что его все-таки задела. Димка не шевелился и только очень часто дышал, так, как дышат люди, испытывающие сильную боль. Временами он издавал слабые стоны.

Зубарев провел рукой по его затылку, чтобы удостовериться, нет ли там крови, и промолвил:

– Лежи спокойно, пока не двигайся! – Кажется, ушедшее ненадолго самообладание уже вернулось к руководу. – Скажи мне, что у тебя болит? – Он проговорил это чуть ли не по слогам, чтобы каждый звук отчетливо дошел до Димкиного разума.

Тот со скривившимся лицом открыл рот, Димка попытался что-то сказать, но болевой приступ моментально заставил его отказаться от этой идеи.

– Может, он повредил челюсть, а? – Муха внимательно присматривалась и, похоже, больше всего ее волновала спина.

Зубарев нагнулся и заглянул Димке прямо в глаза.

– Ты можешь мне кивать головой?

– Думаешь, у него сломан позвоночник? – неожиданно спросила Муха.

– Тихо! – пресек ее Олег. – Димка, ты можешь кивать головой?

Димка, постанывая, легко кивнул.

– Отлично, – продолжал Зубарев. Ты можешь говорить или у тебя сломана челюсть?

– А он вообще, на что упал? – некстати вдруг включился в разговор Бамбук, стоявший до этого без единого движения.

– Я же сказал, тихо! – обозлился руковод. – Дима, ты можешь говорить?

Димка попытался снова открыть рот, но только издал какой-то нечленораздельный звук и сощурился от острого спазма.

– Хорошо, я понял, – продолжал Зубарев. – Ты упал на спину?

– Да, конечно, Олег, он упал на спину! – нетерпеливо прервала его Муха. – На что же еще?!

Зубарев бросил на нее недовольный взгляд.

– Где основной источник боли? Это спина? Димка, это спина?

Димка, кажется, собрав всю силу в кулак, дважды кивнул головой.

– А как же он тогда кивает, если позвоночник сломан? – как можно более мягким и сочувствующим голосом спросил Колямбо.

– Ну, ты же видишь, с каким трудом ему это удастся, – почти шепотом ответила Муха.

– Ладно, давайте положим его ровно, – скомандовал Зубарев, жестами подзывая остальных к себе.

Колямбо почему-то шагнул к голове Димки.

– Кто за что берется?

– Главное, синхронно перевернуть его всем телом, чтобы не причинить боли. Все меня поняли? – Зубарев увидел, что Бамбук не знает с какой стороны подойти. – Бамбук, помогай Мухе, придерживай его ноги.

Олег осмотрелся, все ли готовы.

– Так, Колямбо, а мы с тобой должны перевернуть туловище. – Он секунду помедлил. – Нет, ладно, ты лучше держи голову, здесь я сам разберусь.

Колямбо осторожно подложил свои руки под затылок Димки, помня, с каким трудом тому удавалось покачивать головой. Ему вообще было непонятно, почему его товарищ не кричит от невероятной боли, а только изредка тихо постанывает, ведь у него сломан позвоночник и, наверное, челюсть. Или пока их не трогаешь, они не беспокоят?! Да, и вид у Димки был такой, будто он в каком-то полушоковом состоянии, или вернее полусонном. Он как будто не осознает, что с ним случилось и, что у него как минимум пара переломов костей. Хотя, возможно, так и лучше, если бы он находился в нормальном состоянии, то наверняка сейчас вопил, и всем бы пришлось справляться еще и с этой психологической для себя пыткой. Слышать, как человек переносит адские страдания, удовольствие не из приятных. Скорее всего, тут стояла бы дикая паника, и никто бы не знал, что делать в такой обстановке.

– Ну, а теперь по моей команде одновременно стаскиваем его влево, – произнес Зубарев, кажется, уже мысленно представляя, как это будет происходить.

– Олег, лучше посчитай, – попросила Муха.

– Хорошо, на три.

Зависла пауза, все приготовились и только ждали команды руководителя.

– Раз... два... три!

– А-а-а-а! – болезненно заорал во весь голос Димка.

Однако его уже успели отволочь от камня и более-менее удачно положить. Но он продолжал кричать, потихоньку снижая громкость.

– Все, все, все, – бережно запричитала над ним Муха, встав на колени и положив ладони ему на щеки, по которым покатились первые с момента падения слезы.

Димка стал как-то непонятно шевелиться, похоже, пытаясь выгнуть спину, не осознавая, что таким образом сделает себе только хуже.

– Нет, стоп, не двигайся! – громко сказал, заметив это, Зубарев, и тормознул Димку рукой.

Колямбо и Бамбук с растерянными лицами наблюдали за тем, что происходило на их глазах. Они и представить себе не могли, какое невероятное действие будет разворачиваться в их первом походе.

– Пока лежи так, Димка. Понял меня? Мы сейчас что-нибудь придумаем. – Зубарев говорил, глядя на Муху, самую опытную из всех пришедших с ним к Трем братьям, как бы спрашивая у нее совета.

Олег встал и отошел чуть в сторону, Муха еще раз погладив по щеке вроде притихшего Димку, последовала за ним.

– Что будем делать? – произнес Зубарев. – Он совсем нетранспортабелен.

Судя по тому, как взгляд Мухи забегал с предмета на предмет, она усиленно прокручивала у себя в голове возможные варианты.

Зубарев продолжил:

– Нам, сто пудов, нужно вызывать сюда спасателей.

– Скорая сюда не проедет, – вдруг почему-то сказала Муха.

– Забудь про скорую, – спокойно проговорил руковод, как бы не замечая, глупость сказанной Мухой фразы.

Его глаза остановились на развевавшемся от порывов ветра белом лоскутке, завязанном на ветке куста какими-то туристами, приходившими сюда раньше.

– Сделаем так. Ты пойдешь на Киалимский кордон к лесникам. Там наверняка есть телефон. Расскажешь им, что произошло, и звоните в город. Без носилок и обезболивающих нам его отсюда не унести.

– Угу, поняла, – покивала Муха.

Зубарев посмотрел на часы. И недовольно поморщился.

– Черт! Уже четыре. – Он подумал еще о чем-то и покачал сжатым у рта кулаком, видимо, соглашаясь с самим собой. – А Колямбо тогда, на всякий случай, пусть дует в лагерь. Пусть снимаются и идут сюда. Мало ли, а то вдруг помощь не придет до ночи.

– Да, – согласилась Муха. – Может, у лесников вообще нет телефона.

– Нет, связь с городом у них должна быть, но все равно. – Он повернулся к остальным. – Иди сюда, Коля.

Колямбо быстрым шагом подошел к ним. Было видно, что он сильно потрясен происшедшим, но держит себя в руках. Все как-то уже позабыли, что буквально минут пять назад, Колямбо сам слетел со скалы. Для него события разворачивались просто с калейдоскопической скоростью. Только успевай реагировать.

– Значит, ситуация у нас такая, – начал Зубарев. – Сам видишь, Димку мы не можем трогать, ему нужна помощь медиков.

Колямбо еле видно кивал, сосредоточенно смотря прямо на снег.

– Муху я сейчас пошлю к лесникам, – Олег махнул рукой в направлении, где находился кордон. – Они вызовут нам помощь. – Руковод в очередной раз за последнее время глянул на часы. – Но они могут не успеть до темна. Вернее, они абсолютно точно не успеют до темна, потому что стемнеет буквально через час.

– А сколько туда идти?

– Ну, где-то час и идти.

Олег взял небольшую паузу.

– Ты же пойдешь обратно в лагерь, к Юльке с Сапрофеней. Вы должны свернуть палатку, и вместе возвратится сюда. Если спасатели не успеют до ночи, или смогут прибыть только завтра, или еще хрен знает чего, то мы обоснуемся здесь и ночуем. Но нам нужна палатка. Понял?

Лицо Колямбо напряглось, он еще не до конца уяснил, что от него хотят, и сейчас активно переваривал информацию. Колямбо вдруг оторвался от созерцания снега и недоуменным голосом спросил:

– В смысле, ты хочешь сказать, что я пойду в лагерь один? Сейчас?

– А когда еще!? – воскликнул Зубарев. – Это еще хорошо, что он в неподвижном состоянии не чувствует особых болей, – Олег кивнул на Димку. – А так бы... Но все равно время дорого. Так что, давай. Ты – в лагерь, Муха – к лесникам. Мы с Бамбуком останемся с ним.

– Ладно, понял, – выговорил Колямбо.

– Все, только быстро! Кстати, Муха ты тоже можешь уже идти.

– Да, все, я пошла. – Муха нацепила варежки и быстрым ходом отправилась вниз по тропе, ведущей с Трех братьев.

Колямбо, все еще немного притормаживавший, неосознанно сделал пару шагов за ней, но вдруг остановился и развернулся к руководу.

– Слушай, а как мы наши рюкзаки потащим сюда, мы ведь вдвоем их не унесем?

Зубарев, видимо, об этом совсем не подумал. Однако сейчас рюкзаки его мало заботили.

– Возьмите, сколько сможете, а остальные... остальные где-нибудь замаскируйте под снегом, потом найдем. – Он уже развернулся спиной к Колямбо, но снова приостановился. – Только заберите самое нужное. Инструменты там, посуду, чан.

Колямбо дослушивал, уже удаляясь от скалы.

– Угу, угу, – покивал он, порываясь ускорить движение. – Я понял, понял.

– Ты хоть помнишь дорогу? А то снег пойдет, – Зубарев взглянул на серое небо, с которого начинал падать легкий снежок, – наши следы, наверное, скроет. – Последнее Зубарев уже прокричал вдогонку, так как расстояние между ним и Колямбо постепенно увеличивалось.

– Да, найду как-нибудь, – махнул рукой Колямбо и помчался за Мухой.

Он смог увидеть ее силуэт только на развилке у речки. Муха уже перешла водную преграду, и ее куртка теперь мелькала между стволами деревьев, все больше удаляясь в сторону кордона. Колямбо быстро перебравшись по мокрым камням на другой берег, на секунду остановился, глядя ей вслед.

– М-да, а мне направо, – пробурчал он себе под нос.

В эту сторону уходило две дорожки. Колямбо тут же заметил рядом с одной из троп характерные следы, которые днем они с Димкой оставили в ходе общения с богами, и направился по ней, вливаясь в пространство леса.

Сейчас им двигало дело общественной важности. С его товарищем произошел несчастный случай, нужна помощь, а от Колямбо требовалось дойти до лагеря, причем как можно быстрее.

Эти установки настолько поглотили его внутреннее я, что ни одна даже мало-мальски подленькая мыслишка не носилась в голове, хотя причин для этого, с точки зрения обычного Колямбо, было, хоть отбавляй. Во-первых, на самом деле, он не очень-то хорошо помнил, какой дорогой они сюда пришли. То, что этой, по которой он идет, понятно. А вот были ли на ее протяжении какие-либо развилки – вопрос сложный. Во-вторых, практически через полчаса станет темнеть. И он окажется один в глухом лесу. Ну, или не в очень глухом, но все же лесу, хотя бы даже и на известном туристическом маршруте, но в атмосфере почти полного мрака. А в-третьих, а в-третьих... было еще что-то и в-третьих, только пока оно таилось, где-то слишком глубоко, и поглощенный важностью своей миссии, Колямбо даже не пытался докопаться до того, что же там может быть, в-третьих.

Снег усилился и его новые влажные массы громко скрипели под бахилами. Колямбо шел очень быстро, иногда переходя на мелкую трусцу. Он глянул на часы – без десяти минут пять.

Наверное, пройдет еще час, когда солнце совсем перестанет освещать низкие облака, облепившие небо, и тогда сумрак поглотит весь лес.

Колямбо внимательно вглядывался в окружающие его деревья, пытаясь уловить хоть что-то знакомое, чтобы понять, что он идет правильно. Иногда он даже разворачивался, меняя картинку зрения на ту, что была перед ним, когда утром весь их отряд шел к Трем братьям. Но никаких особых воспоминаний не всплывало. Почти весь путь Колямбо тогда проделал, уставившись себе под ноги, либо увертываясь в процессе игры от падавших с веток слоев снега.

Однако пока он не беспокоился, тропинка шла почти прямо, нигде не пересекаясь с другими. Так что на данный момент он точно не мог пропустить вероятной развилки и двинуться в неверную сторону.

Постепенно темнота все больше овладевала просторами чащи, и теперь в глубине ельника не было видно почти ничего. Хорошо, что хоть снег белый лежит, иначе вообще труба! Колямбо посмотрел наверх, где в прорехах крон хвойных деревьев проглядывало задержанное облаками небо. На часах – пять сорок. Все, это уже точно можно назвать – стемнело.

Он как-то неприятно поежился на ходу от таких мыслей. Первоначальный пыл общественно значимого дела стал испаряться, ему на смену спешило чувство обеспокоенности. В это время лес был как-то по-особому тих. Только скрип от шагов Колямбо. Он не снижал темпа, но теперь очень настороженно озирался вокруг. Пока страх не успел овладеть им, и за каждым кустом на данный момент не виделись странные пугающие тени, но отчего-то казалось, что до этого совсем недолго. Нервная система Колямбо напрягалась все больше. И чтобы не заморачиваться о всякой ерунде, он решил размышлять на другие темы.

«Так, я иду уже почти час».

Справа раздался треск от упавшего под тяжестью снега высохшего сучка. Колямбо резко развернулся в сторону звука, одновременно вздрогнув всем телом. Но, успев уловить глазами последнюю стадию пикирования предмета, облегченно выдохнул.

«Долбанные сучкиИ!»

Он зло глянул на ель, только что оставшуюся без одной из своих частей.

С минуту Колямбо шел в отрешенном состоянии, внезапно забыв про все вокруг.

«Так, ладно, о чем я хотел подумать-то? Ах, да. Значит, я шагаю уже час времени, при этом быстро шагаю. А до скал мы добрались, насколько я помню, за два часа, – он намеренно протянул последнее слово, пытаясь уловить, что он этим хочет сказать. – Хотя нет, это до развилки у речки мы шли два часа, а потом еще минут двадцать чапали вверх по склону к Братьям. Значит, два часа двадцать минут, в общей сумме. Иду я всяко энергичнее, чем мы шли днем. Следовательно, до лагеря осталось еще, как минимум, час ходьбы. Да, еще час. – Он довольно покивал головой. – Ну и нормально, не так уж и далеко. Вот только темно, зараза. Не видно здесь ничего!».

Ему вдруг захотелось сказать последнюю фразу вслух.

– Не видно тут у вас ничего!

От такой неожиданной бравады Колямбо стало легче и веселее, и он в голос рассмеялся своим хрипловатым ироничным смешком:

– Ну, где здесь ваши мишки или прочие зверушки? А?

Ему никто не ответил.

– Мишки, м-да. Кстати, а почему ты сказал мишки? – спросил он сам себя. – А черт его знает! – он практически прокричал это на полную мощность.

И вдруг от звуков своего не ко времени вырвавшегося крика Колямбо стало очень страшно. Как будто этим он мог разбудить какие-то неведомые силы, так мирно спавшие до неаккуратных возгласов. Колямбо даже остановился, ему показалось, что недалеко только что раздался подозрительный тонкий свист.

– Это что? – еле шевеля губами, почти неслышимо произнес он.

Слух напрягся, пытаясь уловить малейший намек на опасность. По верхушкам деревьев промчался ветер, отчего вниз полетели мелкие высохшие ветки и хвоя. И хотя их шуршание мешало различать посторонние шорохи, возвращение давно не появлявшегося ветра, заставило отхлынуть внезапно возникшее у Колямбо ощущение присутствия рядом чего-то недоброго. Он еще раз взглянул в сторону, откуда предположительно прилетел свист, и двинулся дальше, постепенно ускоряя шаг и отряхивая с себя продолжавший валить снег.

Глава пятая. Утро на холме и ночной лес

Шакулин медленно всходил по ступеням управления, не спеша расставаться с ощущением летней утренней свежести, царившей на улице. Еще совсем неяркие почти прозрачные лучики солнышка приятно освещали ясное голубое небо.

Рядом с главным входом стояли какие-то два человека, оживленно обсуждавшие жутко актуальную для них тему. Шакулин еще подметил про себя, что никогда их здесь не видел, хотя мало ли людей бывает около здания конторы, он не обязательно должен всех знать. Бросив последний взгляд на улицу, лейтенант преодолел завершающую из восьми ступеней крыльца, и направился было к двери, когда сзади его окликнул Листровский.

– Сергей, скорее в машину! – капитан стоял рядом с черной «Волгой», всем видом показывая, что дело срочное.

– А что случилось, Евгений Палыч?

– Давайте в машину, я не могу здесь орать для всеобщего сведения о том, что случилось.

– Понял, иду! – откликнулся Шакулин и устремился к машине.

«Волга» тронулась, сходу набрав приличную скорость.

– О, ничего себе! – удивился вслух лейтенант. – Мы на таких парах можем случайно за пределы города вылететь.

– Нам как раз за пределы города и надо, – проговорил Листровский. – Утром в лесу нашли еще одно тело, по косвенным признакам, это наш клиент.

Шакулин в раз переменялся в лице, все приятное, с чего начинался его сегодняшний день, тут же улетучилось. Немного поразмыслив, он пощелкал передними зубами и спросил:

– Где нашли?

– Да, тут, недалеко, на окраине.

– Почти у города?

– Я бы вам сказал, где именно, только мало соображаю в названиях местных районов, совсем чуть-чуть осталось.

Шакулин в нетерпении покачался на сиденье.

– А вы уже были на месте, Евгений Палыч?

– Был, – твердо и как-то почти бесстрастно ответил Листровский.

Машина остановилась на окраине частного сектора, которым заканчивался в северо-восточную сторону Златоуст. Буквально в двадцати метрах от деревянных домов протекал ручей, за ним начинался длинный подъем вверх на лесистый холм.

– Нам туда, – Листровский показал пальцем на небольшую группу людей, толпившихся где-то на середине подъема, прямо на грунтовой дороге, проделанной за многие годы взбиравшимися на холм грузовыми машинами.

Из ближайшего огорода пропел петух.

Лейтенант огляделся вокруг. Примерно восемь-девять домов в один ряд образовывали эту окраинную улицу. Рядом с одним из них на лавочке сидела пара старушек, видимо, расстроенных событиями, происходящими у них под носом. Сам холм был достаточно густо одет в пальто из высоких сосен, неподвижно стоявших ввиду полного отсутствия ветра. Каменистый ручей, шириной в два-три метра, протекавший прямо у подножия, образовывал как бы естественную границу между территорией, занятой людьми и территорией, где люди еще не могли чувствовать себя, как дома. Потому что, то была не их территория, то была территория, принадлежавшая лесу.

Шакулин снова взглянул на обозначенную Листровским минуту назад группку людей.

– Надо же, зверюга! Так близко подобрался! – еле слышно, для себя самого, проговорил он.

Капитан, расслышавший слова, только бросил на коллегу внимательный взгляд. Они зашагали наверх.

На небольшой полянке чуть в стороне от дороги, ведущей в подъем, лежало тело мужчины лет сорока. Точнее лежало то, что от него осталось. Вся область живота была буквально выедена, все внутренности перемешаны. Ноги и руки же – абсолютно целы, а вот на лице виднелись отчетливые глубокие ссадины и огромных размеров синяк с шишкой в районе виска.

Шакулин, видевший этот труп впервые, разглядывал его с каким-то человеческим сочувствием, чуть сморщив лицо, он стоял с непроизвольно сжатыми кулаками.

– Вы всегда так реагируете на трупы? – спросил Листровский.

Выдержав небольшую паузу, достаточную для того, чтобы Шакулин сообразил, как он сейчас выглядит со стороны, лейтенант ответил:

– Ну, все равно как-то... Неприятно, что ли. Я пока не научился не реагировать на подобные вещи.

– Не научились, значит, реагировать, – прокомментировал Листровский. Капитан покачал головой, скептически сжав губы. – Это хорошо, Сергей, что вы еще не научились. – Листровский немного помолчал и добавил: – Когда научитесь, уже поздно будет.

– В каком смысле? – резко повернулся к нему Шакулин. – Поздно для чего?

Их прервал подошедший откуда-то сзади человек, достаточно полный, но не настолько, чтобы считаться толстым, с небольшой лысиной на макушке, но не настолько, чтобы называться лысым.

– Прошу прощения, товарищи, – сказал он чуть виноватым тоном, намекая на то, что ему неудобно влезать в их разговор.

– А, Василий Борисович! – откликнулся Шакулин. – Вот, познакомьтесь, Евгений Палыч, это наш главный в городе судмедэксперт, Альшанин Василий Борисович.

– Мы уже знакомы, лейтенант, – совершенно без эмоций сказал Листровский. – Мы утром здесь встречались.

– Да? Ну, ладно, – чуть смутился Шакулин.

Листровский развернулся к доктору:

– Вы обнаружили что-то новое?

– Ну, не совсем, товарищ капитан. Просто теперь я могу примерно рассказать, как все происходило.

– Очень любопытно, – подстегнул его Листровский.

– По-видимому, жертву сначала оглушили. Вот смотрите, – Альшанин показал на лицо трупа. – Этот синяк и ссадины от удара об ствол сосны. Его сначала толкнули на ствол. Очень сильно толкнули.

– Может быть, швырнули? – вставил Шакулин.

Альшанин с легким недоверием посмотрел на лейтенанта:

– Ну, может быть, и швырнули, хотя, чтобы так швырнуть, нужна немалая сила.

– То-то и оно! – продолжил Шакулин. – Силы у этого, как бы его назвать, субъекта, предостаточно.

Листровский уловил, куда клонит коллега, и решил перебить его, пока разговор не перешел в плоскости сверхъестественных сил:

– Его точно толкнули именно на ствол, то есть не могли оглушить палкой или дубиной? – обратился он к медэксперту.

– Да, это точно, – Альшанин подошел к ближайшей сосне и похлопал по ее коре. – Вот здесь, – он указал пальцем область на стволе, – есть следы крови и фрагменты кожи.

Листровский согласно покивал головой и обвел взглядом поляну в поисках места, куда можно было бы присесть. Присаживаться было особенно некуда.

– Ясно, – уже как бы без интереса произнес он. – Значит, жертва двигалась по дороге вниз...

– Да, он спускался с холма, судя по следам, – поспешил добавить Альшанин.

– И тут наш, как его назвал Сергей, субъект накинулся на пострадавшего, так?

В этот момент, находившийся неподалеку незнакомый капитан милиции, по-видимому, слышавший, о чем говорят кgbэшники с судмедэкспертом, крикнул кому-то из стоявших на дороге:

– Эй, Андросов, сюда иди! Сейчас он вам расскажет, – обратился он уже к чекистам, – что и как тут было.

К незнакомцу подбежал молодой лейтенант милиции, и после жеста первого, иди мол, этим людям нужны твои данные, подскочил к Листровскому, признав в том главного.

– Лейтенант Андросов! – как-то излишне бойко отсалютовал он, так, что Листровский невольно отклонил голову назад при столь громких звуках.

– Это наш местный следопыт, – Альшанин решил взять инициативу на себя. – Мышь от тушканчика различит.

– Здесь есть тушканчики? – осведомился Листровский.

– Нет, здесь их нет, – все так же бойко выдал Андросов. – В Казахстане есть, я из Павлодара родом.

– Понятно, – холодно перебил его Листровский, которому уже начали надоедать молодые и ретивые лейтенанты этого города. – Что вы можете сказать о том, как здесь развивались события?

Андросов проследил взглядом весь путь движения жертвы от дороги к тому месту, где сейчас лежало тело, по крайней мере, так показалось Листровскому, после чего решил начать:

– Этот человек спускался по дороге, следы ведут вниз, причем почти с самой верхушки холма. Ветра ночью не было, так что пылевые отпечатки ног хорошо просматриваются. Затем его, видимо, напугал э-э-э... – Андросов не мог подобрать определения субъекту, который напугал жертву. – В общем, убийца.

Листровскому подумалось, что слово «убийца» здесь несколько утрировано, оно очеловечивало того, кто мог пойти на такое зверство, хотя сам факт того, что их неведомому субъекту подобрали новое определение, его немного развеселил. Еще один термин, который он сможет использовать при написании рапорта в Москве – «убийца».

Андросов продолжал:

– Пострадавший кинулся бежать влево по ходу своего движения, но нападавший его настиг и толкнул на ствол. – Андросов посмотрел на Альшанина, который утвердительно кивнул.

– Хорошо, а почему пострадавший побежал именно в левую сторону от дороги? – начал свой расспрос Листровский, мало удовлетворенный тем, что и так было очевидно. – Почему не вправо, не обратно вверх, не, наконец, вниз по склону, что более логично, к человеческому жилью?

– Видимо, убийца преградил ему путь, – ответил Андросов.

– Следы, – Листровский кивнул на дорогу. – Вы нашли там следы... нападавшего?

– Ну, трудно четко сказать, – слегка потупился Андросов. – Наверху холма – только отпечатки обуви пострадавшего, а здесь все затерто, много всяких ботинок.

– Звериные следы, вы находили? – решил вмешаться Шакулин.

Листровский снова посмотрел на своего партнера оценивающим взглядом, но тут же перевел глаза на Андросова, ему самому было любопытно, имелись ли отпечатки звериных следов на дороге.

– Да, нет, – поразмыслив, сказал Андросов. – Звериных лап не было.

– А каких-нибудь необычных следов, вы не заметили? – не унимался Шакулин.

– Хорошо, лейтенант, вы свободны, – вставил Листровский. – Можете идти.

Андросов, взяв под козырек, рысцой убежал к той группе, от которой двумя минутами ранее отделился.

Шакулин недовольно взглянул на спину капитана, уже успевшего от него отвернуться, показывая тем самым, что возражения по поводу принудительного окончания расспросов местного следопыта не принимаются.

– Так, как вы сказали, Василий Борисович, в четыре произошло убийство? – Листровский уже втянулся называть произошедшее здесь зверство – убийством, а сделавшего это – убийцей.

– Да, определенно, капитан, в четыре, ну может быть пол пятого утра, где-то в этот промежуток.

– Хорошо, вы тоже можете быть свободны. – Да, кстати, Василий Борисович, а что Вы думаете по этому поводу? У вас есть какие-нибудь предположения, кто бы мог такое совершить?

– Ну-у-у...э, – замялся Альшанин.

– Это ведь уже восьмой труп, найденный здесь с начала года, при столь странных обстоятельствах. – Листровский как будто специально заглядывал прямо в глаза доктору, словно пытался там отыскать тайные сведения. – Предыдущие семь, тоже вы обследовали?

– Да, товарищ капитан, тоже я. – Альшанин как-то замялся, его рот готов был говорить что-то, что могло бы заинтересовать чекистов, но разум пока еще не определился, надо ли это делать, поэтому сам Альшанин сжал плотно губы и глядел на труп.

Наконец, желание поделиться чем-то сенсационным с другими людьми возобладало над судмедэкспертом, и в процессе легкого кивка головой, выйдя из своей позы, Альшанин заговорил:

– Здесь такое дело, капитан.

– Ну, ну? – Листровский внимательно следил все это время за внутренней борьбой Альшанина слегка прищуренными глазами.

– В общем, получается, что жертвы были убиты разными, как бы это точнее сказать... способами, что ли.

– Способами? – удивленно переспросил Листровский, ожидавший услышать нечто иное и более определенное. – Что вы имеете в виду?

Альшанин опасливо огляделся по сторонам.

– Товарищ капитан, подъезжайте ко мне завтра, в любое время.

Листровский, чуть наклонив голову к плечу, все также сосредоточенно смотрел в глаза судмедэксперту, не спеша с ответом. Так продолжалось еще секунд пять, которых хватило для того, чтобы Альшанин совсем перестал понимать, куда ему деваться под таким взглядом этого московского кgbэшника, после чего капитан, спокойнейшим тоном произнес короткое «хорошо».

– Да, можете забрать со своими людьми труп, – вдруг снова повернулся капитан к Альшанину, а тот, только расслабившись, аж вздрогнул. – И еще не забудьте снять размеры челюсти.

– Да, я постараюсь сделать это, – согласился Альшанин, рукой призывая к себе двух парней с носилками, куривших возле небольшого крытого грузовичка.

Листровский, пощипывая губу, последний раз внимательно посмотрел на изуродованное тело. Станным было соседство этого мертвого человека, с живой зеленой травкой, неказисто расплзавшейся вокруг бугристым лесным ковром.

– В одном, вы правы, лейтенант, – обратился к Шакулину Листровский. – Если это был зверь или звери, он должен был оставить следы на дороге. Но на дороге никаких звериных следов не найдено.

Они вышли на грунтовую «магистраль», идущую по склону холма, и подозвали лейтенанта милиции Андросова, попросив его четко показать следы жертвы на пыли. Отпечатки

сапог оказались уже изрядно затертыми. Все-таки многие из примчавшихся на место происшествия утром, успели здесь побродить. Однако было хорошо видно, как следы пострадавшего в два шага вдруг сворачивали со своего начального пути влево от дороги, под деревья.

Листровский измерил взглядом примерную ширину запыленной части спуска, где теоретически могли быть оставлены отпечатки обуви, так как на твердом покрове из давно опавших сосновых иголок и шишек, мелких сухих веточек и сучков, и весьма плотно растущей травы, что-то искать бесполезно.

– Ширина дороги, метра четыре, – огласил он результат своих вычислений.

– Да, где-то так: четыре – четыре с половиной, – подтвердил местный следопыт.

Шакулин, ради пущей точности, провел сверку своими шагами, после чего, заметил вслух:

– Он мог бы перепрыгнуть.

– Извиняюсь, кто мог бы перепрыгнуть? – отреагировал Андросов, не уловивший смысл слов лейтенанта КГБ.

Листровский понял, что ему нужно снова перехватывать инициативу и переводить разговор на другую тему:

– А нет ли на дороге свежих следов от человеческих ботинок или сапогов, которые пересекали ее или сворачивали в том же направлении, что и жертва?

Следопыт немного подумал, прежде чем отвечать:

– Нет, ничего такого не было замечено. Разве что вниз по склону, но там все затерли еще с утра.

– Ну, понятно, понятно, – капитан отряхнул брючину в области колена от прицепившейся хвойной иголки и жестом показал, что следопыт может быть свободен, теперь уже окончательно.

Шакулин как-то рассеянно продолжал разглядывать пыль под ногами. Грузовичок, куда погрузили труп, взыв при зажигании двигателя, медленно поехал к ручью. Альшанин и еще какой-то не особо приметный человек в штатском сели на заднее сиденье «москвича» и двинулись вслед за грузовичком. На дороге остались только три милиционера: следопыт, тот самый майор, что его подозвал, и еще какой-то, трудно было рассмотреть его погоны на таком расстоянии, но вел он себя не особо броско, наверняка не самая важная фигура.

– Ну, и что вы теперь думаете, Сергей?

Шакулин вытер соринку, попавшую в глаз, не спеша ответить на вопрос капитана:

– Эту дорогу можно легко перепрыгнуть.

Он решил не встречаться лишний раз взглядом с Листровским. Шакулин за это утро отчетливо понял, что капитан не считает его версию об оборотне, хоть на йоту правдоподобной, да, и вообще, кажется, считает ее смешной. В глазах Листровского, лейтенант, твердивший одно и то же, начинал выглядеть очень глупо.

– Даже человек мог бы перескочить пыльную часть спуска, не оставив следов, – добавил лейтенант.

– Вот это вы правильно подметили, – произнес Листровский.

– Не говоря уже о сильном... животном.

– Лейтенант, давайте лучше взглянем на это с более приземленных позиций. Мне кажется, что, учитывая все обстоятельства, наиболее правдоподобным было бы наличие все же человеческого фактора.

Шакулин понял, что его уже точно принимают за помешанного болвана, так как Листровский стал говорить какими-то научными терминами.

– Именно человеческого, – продолжил капитан. – Кто-то испугал потерпевшего, после чего он побежал внутрь леса. Значит, скорее всего, кто-то стоял либо на самой дороге, прямо перед пострадавшим. Либо кто-то мог выскочить на дорогу на некотором расстоянии. Напри-

мер, метрах в двадцати ниже по склону, то есть там, где все следы затерты нашими безалаберными друзьями из милиции. А непродолжительная погоня свидетельствует в пользу того, что в нужном месте жертву поджидал второй злоумышленник. Можно даже предположить, что все было спланировано, и, испугавшись, потерпевший побежал прямо на второго.

Шакулину доводы показались вполне резонными, если бы не одно «но», поэтому он сейчас смотрел на Листровского удивленными глазами, в которых можно было прочесть непонимание, отчего капитан все время забывает важнейшую деталь.

– Извините, товарищ капитан, – после некоторой паузы начал Шакулин. – Но как быть с выеденным животом потерпевшего? Это же явный звериный почерк.

– Послушайте, лейтенант, – буквально процедил сквозь зубы Листровский. – Я знаю одно, кто-то в этой местности пытается воскресить этого вашего оборотня, если он когда-нибудь существовал. Кто-то намеренно обставляет все дело так, чтобы люди думали, будто в лесу обитает некое невероятное существо, которое якобы совершало нечто подобное сорок лет назад. Но даже если сорок лет назад здесь и жила какая-то тварь, то ее убили, вы это сами видели на фотографиях. Эту тварь застрелили. А уж рассыпалась она в ту же секунду в кучку праха или не рассыпалась, того нам знать не дано. Второй кадр можно было легко симитировать. Так что давайте искать реальных преступников, живущих сейчас, а не гоняться за привидениями. Я ясно выразился?

Шакулин немного помедлил с ответом, переваривая дозу эмоций, выплеснутую на него Листровским.

– Честно говоря, Евгений Палыч, я не до конца понимаю вашу позицию. Вернее, я вообще ее не понимаю. Даже, если вы отмечаете версию «моего» оборотня, совершенно очевидно, что в лесах объявился какой-то зверь-людоед огромной силы и, видимо, размеров. О каких реальных преступниках мы ведем речь в таком случае? Я не представляю, как можно повернуть такую подставку? Не представляю! – Шакулин решительно резанул воздух рукой. – При всем уважении к вам.

Листровский недовольно зыркнул глазами.

– Хорошо, лейтенант, давайтеждемся завтрашних результатов от встречи с Альшаниным.

При этих словах он отошел в сторону, пошарил в кармане и вытянул рукой уже изрядно помятую пачку сигарет.

Стояла восхитительная погода, плюс двадцать, ясный августовский день, не прохладно и не жарко. Красивые ровные сосны, разместившиеся на этом склоне в относительно разряженной обстановке, не так, как в самом лесу, одна на одной, поигрывали на солнце своими сочными темно-зелеными нарядами из иголок. По одной из таких красавиц, шебурша отслаивающейся пленкой коры, как бы припрыгивая, пробирался поползень. В поисках личинок мелкая пичуга в черно-белую крапинку, цепляясь коготками за ствол, поднималась все выше и выше.

Листровский наблюдал за птичкой, изредка вуалируя ее силуэт облачками сизого сигаретного дыма.

– А все-таки хорошо тут у вас, на Урале, – проговорил он, продолжая следить за почти скрывшимся в кроне сосны поползнем.

Шакулин только согласно слегка покачал головой, даже не посмотрев на своего начальника. Он скептически глянул на окружающую их природу и с недовольным выражением лица снова погрузился в собственные мысли.

– А что там? – вдруг спросил Листровский, махнув рукой как бы за вершину холма.

– Там, там Таганай, долина. Хотите подняться? – без энтузиазма спросил Шакулин.

– Да, пожалуй, это было бы интересно.

Лейтенант молча показал, что раз так, то нет ничего проще, и жестом пригласил капитана начать движение.

– Это что-то вроде спуска в долину, – Шакулин обвел рукой все пространство перед собой, когда они через десять минут пути оказались на самом верху.

Листровский, выдавший виды в этой жизни, чуть выкатив нижнюю губу, рассматривал раскинувшийся перед ним простор Таганая с явным одобрением. На его почти всегда пасмурном и сосредоточенном лице сейчас появилось некое подобие задорной улыбки, и он поспешил поделиться ею со своим молодым коллегой, понимая, что тот нуждается в каком-то подобном ободрении духа. Шакулин, обменявшись взглядом с капитаном, и уловив его настроение, тоже слегка улыбнулся и, подхватив манеру Листровского, мимикой показал ему что-то вроде: «Да, есть у нас такие дали!»

– Значит, это и есть Таганай? – голос капитана был максимально приветливым, насколько он вообще мог быть у него приветливым.

Пасмурные тучи, клубившиеся в голове Шакулина, развеивались. Он тоже, почти забыв про все, поглощал немного грустными глазами синеву высокого неба, мягкие очертания горного хребта, поднимавшегося по левую сторону и гряды низкорослых гор по правую сторону, ну, и конечно саму долину, неровным, как бы волнующимся морем, преимущественно хвойных деревьев, растянувшуюся посередине.

– Это только начало, отсюда всю долину не видно. Она достаточно серьезную площадь занимает. Только с вертолета можно рассмотреть. Горы слева – это хребет Большой Таганай. Та вот, самая первая гора называется Двуглавой сопкой, за ней Откликной гребень, последняя – самая высокая – это Круглица. А те, что справа, Средний Таганай, еще правее, горы Малого Таганая. Они пониже будут.

– Река? – капитан пальцем показал на водную преграду, протекавшую метрах в ста от обрыва, которым проваливался в долину их холм.

– Да, это Тесьма. Как раз, где-то с обратной стороны Откликного гребня берет начало, – Шакулин махнул рукой влево. – Река достаточно меленькая. Сами видите. Но весной может разлиться.

Листровский, все еще с довольным видом рассматривая течение горной речки, немного переменился в лице и слегка прищурил глаза, остановив свой взгляд в одной точке, как будто что-то вспомнил.

Вечером, сидя в своей служебной квартире, капитан набрал московский номер.

– Да, – сухо ответили в трубке.

– Листровский.

– Что, Евгений Палыч, у тебя сегодня, я слышал, новый эпизод произошел?

– Да, утром нашли труп, почти на окраине города.

– Все ближе и ближе, значит, подходит.

Листровский сделал небольшую паузу перед тем, как решиться перейти к теме, которая его волновала в первую очередь.

– Я тут узнал кое-что, товарищ полковник.

– У тебя есть доказательства, что это наш парень, капитан? – голос насторожился.

– Нет, таких доказательств у меня пока нет.

– Тогда, что?

– Сегодня выяснилась одна любопытная подробность. По словам судмедэксперта, жертвы были убиты двумя разными, как он выразился, способами.

В трубке повисла некоторая пауза.

– Ты хочешь сказать, наших парней там двое?

– Не знаю. Пока не знаю. Во-первых, неясно, что подразумевалось под двумя способами. Во-вторых, надо для начала встретиться с этим медиком тет-а-тет. Он по каким-то причинам

не стал говорить при большом скоплении лишних людей. Видимо, ему действительно есть что показать.

– Когда ты с ним встречаешься, капитан?

– Завтра.

– Тогда завтра я жду твоего звонка.

– Понял. До свидания.

В телефоне пошли монотонные прерывистые гудки. Листровский в задумчивости не спешил класть трубку обратно на аппарат и продолжал их слушать. Все лампы в его квартире были выключены, и только из окна лился тусклый серый свет, остающийся на улице перед полным заходом солнца за горизонт.

Колямбо уже в десятый раз за последние пять минут посмотрел на часы. Шесть двадцать вечера. А никаких намеков на приближение к лагерю не замечается.

Снег перестал падать, низкие облака убрались подальше от Таганая. Где-то справа от тропинки в дебрях сосняка светила слегка обглоданная луна. Работа этой естественной лампы сделала обстановку в лесу несколько приятней, однако, Колямбо по-прежнему с большим трудом мог различать предметы, находившиеся хотя бы в пятнадцати метрах от него.

Неувязка со сроками прибытия к лагерю как-то сразу заставила позабыть обо всех возможных видах страха. Мысли сейчас работали только в одном направлении: «Почему я еще не вышел к лагерю?»

«Ладно, давай посчитаем еще раз. От лагеря до Трех братьев мы шли два часа двадцать минут. Это, точно».

Он немного подумал.

«Хотя нет, не точно. Момент выхода из лагеря я не засекал. Ну, впрочем, неважно. Пусть будет, что мы шли два с половиной часа. Да, и при этом еще пару раз останавливались на минуту, а потом еще у развилки стояли минуты две. По идее, все это надо отнять».

– Ух, блин, – Колямбо недовольно буркнул под нос, неаккуратно шагнув левой ногой мимо тропы, прямо в сугроб.

«Так, еще раз. Если от Трех братьев я вышел в половину пятого. – Он тут же вспомнил Димку, лежащего на спине с искривленным от боли лицом. – То, значит, должен прийти к лагерю, условно, через два с половиной часа. То есть в семь. – Колямбо инстинктивно отодвинул рукав пуховика и посмотрел на часы. Все это он проделал на каком-то автопилоте, поэтому, сколько показывали стрелки, он не запомнил. – Но ведь сейчас я иду намного быстрее, без остановок».

Его внимание вдруг привлекла лежащая рядом с тропой увесистая, но достаточно изящная сосновая палка. При всем богатстве выбора она смотрелась как идеальная палка-отмахалка. В смысле, если что, то ей можно отмахнуться. Да, так, что мало не покажется. Колямбо поднял палку, мельком оглядев ее по всей длине, и, недолго думая, приспособил в качестве тросточки для прогулок.

«А может, я где-нибудь не туда свернул?»

«Нет, я не мог свернуть не туда, потому что никаких раздвоений тропы мне не встречалось. В общем-то. И кстати, когда мы шли к Братьям, я тоже не заметил каких-либо развилоч, что подтверждает предыдущее».

«Значит, я иду правильно».

«И вообще, с чего ты взял, что лагерь должен был показаться, где-то в начале седьмого? Он будет в семь или чуть позже».

«Вот и все, так что пошли дальше. Уже скоро».

Колямбо посмотрел на часы теперь уже осознанным взглядом. Двадцать пять минут седьмого. Он вгляделся в темноту впереди него, пытаясь отличить хоть малейший блик от костра, который уже наверняка развели Юлька с Сапрофеней.

– Да, не видно там ничего!

– Семь, – почти гробовым голосом произнес Колямбо.

Это значило слишком много, поэтому он даже не стал дальше ни о чем думать. А просто встал посреди тропы и внимательно глядел на свои командирские часы. В положении стрелок на циферблате сейчас лежал весь мир. Другого мира у Колямбо не было, как и других часов. Вверху шумели ветви могучих елей и сосен, раскачивавшихся в такт прибытия стремительного ветра, разогнавшего с неба всякие остатки дневных туч. Вокруг лежал темноватый от недостаточной освещенности снег. А перед ним в кургане придорожного сугроба торчала только что воткнутая палка-отмахалка. Колямбо как-то удрученно уставился на нее, размышляя:

«Сюда бы еще одну палочку чуть выше центра прикрепить, перпендикулярно, и получилась бы вполне милая снежная могила».

Наконец, Колямбо закрыл часы ладонью и бросил взгляд назад, туда, откуда он только что пришел, туда, где через примерно два часа пути стоят Три брата, туда, где точно есть его товарищи. Он захотел вдруг посмотреть теперь и в сторону, куда надо было идти. Но все не решался повернуть голову. Отчего-то стало жутковато глядеть в это зловещее никуда, в которое он углублялся все больше, рискуя уже не вернуться.

Колямбо замер посреди тропинки, не в силах решить, двигаться ли ему дальше, или, пока не поздно, повернуть назад к Трем братьям. Его желудок сдавил легкий спазм, и он непроизвольно положил руку на живот, смутно припомнив, что последний раз нормально ел только утром. Но эта проблема сейчас казалась настолько ничтожной, что тут же вылетела прочь из головы, освобождая место для чего-то другого. И что-то другое, гораздо более страшное, чем раннее чувство голода, принялось медленно заполнять освободившееся мозговое пространство.

Колямбо сосредоточенно смотрел в ту сторону, где возможно всего в десяти минутах ходьбы ему наконец-то откроется лагерь. Юлька наверняка уже готовит на костре ужин, помешивая содержимое гигантского чана и периодически с озабоченностью поглядывает на одну из больших елей у тропинки, из-под которой должны показаться ее друзья, ушедшие утром на Три брата. Сапрофеня, скорее всего, просто без дела крутится вокруг Юльки и уж он-то вряд ли бросает ждущие взгляды на тропу, возможно, он вообще не знает, сколько сейчас времени, и ему даже в мысли не может прийти, что отряд Зубарева по всем обычным прикидкам давно должен был возвратиться.

Колямбо глубоко вздохнул, стараясь сделать это не очень громко. Никакого отсвета от костра впереди он так и не заметил, а идти ли ему дальше или все-таки двинуться назад, так и не решил. Он гнал прочь мысли о том, что все-таки в темноте где-то перепутал дороги и потерялся. Да, и как-то чисто интуитивно ему казалось, что путь верен.

«Вот, только сроки не очень вяжутся». – Колямбо взглянул на часы, показывавшие почти безнадежные семь десять.

Если он все же идет правильно, то скоро с правой стороны лес должен поредеть, местами начнет проглядывать так хорошо знакомый курумник. Если же такого не произойдет, значит, он действительно заблудился, и нужно будет со всех ног мчаться назад, внимательно разглядывая окрестности, чтобы не пропустить ту самую роковую для него развилку. А ведь дальше будет все темнее и темнее.

«Ладно, идем!» – Он вытащил из сугроба свою палку-отмахалку, случайно нащупав на конце острый, но твердый сучок. И взяв ее таким образом, чтобы при ударе палка приземли-

лась на поверхность врага аккуратно только что освоенной зазубренной, осторожными шагами пошел вперед.

Сейчас Колямбо чувствовал уверенность в том, что делает. Не важно, что глаза напряженно вглядываются в темень лесного пространства, а уши локаторами выхватывают малейшие звуки необычной тональности. Пока он управляет ситуацией, а не ситуация им, и пока что мозг работает в нормальном режиме, даже несмотря на то, что какой-то противный туман все больше и больше лезет в сознание.

Желудок снова пронзил спазматический приступ, но на этот раз Колямбо даже не дотронулся рукой до живота. Нет, сейчас он слишком занят, он слишком занят самым важным на свете мероприятием. Ведь если оно не увенчается успехом, разумом Колямбо сможет овладеть тот самый туман, клубы которого сделались на порядок темнее, а в их недрах стали прорезаться яркие линии электрических разрядов. Это нехорошо, это очень нехорошо. Если эта штука шарахнет, то наверняка услышат даже в пятке. Хотя нет. В пятке, кажется, всегда раньше других узнают последние известия. Недаром душа в периоды своего кризиса первым делом отправляется именно туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.